

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

МАКСИМОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**ВОЕННЫЙ ПРОГРЕСС:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук
09.00.11 – социальная философия

Научный консультант: доктор
философских наук,
профессор Яценко М.П.

Красноярск, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
 Глава 1. Военный прогресс как форма социального прогресса	33
1.1. Понятие военного прогресса.....	34
1.2. Основные типы военного прогресса.....	51
1.3. Актуализация типов военного прогресса.....	68
1.4. Особенности методологии военного прогресса.....	86
 Глава 2. Наступательный военный прогресс.....	104
2.1. Военный прогресс по консервативной стратегии.....	105
2.2. Военный прогресс обеспечения диктата.....	122
2.3. Военный прогресс по либеральной стратегии.....	139
2.4. Военный прогресс для обеспечения выгод и обогащения.....	155
 Глава 3. Военный прогресс обороны.....	173
3.1. Структура военных угроз и возможность военных конфликтов.	174
3.2. Особенности военного прогресса обороны.....	191
3.3. Допустимые потери в ходе возможных военных конфликтов и военный прогресс.....	209
3.4. Актуализация типов военных угроз в контексте типов военного прогресса.....	226
Заключение	249
Список литературы	255

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы.

В глобальном мире актуализируется целый комплекс проблем, возникших вследствие усилий мировых держав по наращиванию своей военной мощи. В работу по достижению решающего военного преимущества вовлекается всё более широкий круг специалистов из самых различных областей – от высоких технологий до социальной психологии и философии. Создаются и совершенствуются технологии «холодных», «гибридных», «информационных» войн. В связи с этим приходит переосмысление традиционных представлений о военном прогрессе и его роли в развитии общества.

Исследование военного прогресса как важнейшей составляющей части социального прогресса включает в себя целый комплекс острых вопросов современности: войны, мира, мирного сосуществования.

Актуальность исследования военного прогресса обусловлена тем, что в наши дни вестернистский миропорядок, позиционирующий себя в качестве однополярного, все чаще показывает свою несостоятельность, однако определенным силам на Западе, одержимым убеждением в превосходстве своих ценностей, оказалось весьма трудным делом должным образом осознать и принять эти новые реальности. Попытки навязывания своей аксиологической шкалы, которая преподносится в качестве «общечеловеческих ценностей», стимулируют военный прогресс в странах – субъектах глобализационного давления и обрекают на военные конфликты целые регионы планеты.

Анализ различных концепций военного прогресса создает благоприятные условия для освещения особенностей современного глобального мироустройства, которое не избавлено от конфликтов.

Проблема исследования военного прогресса состоит в том, что его состояние усугубляется влиянием различных политических партий и движений, стремящихся использовать военный прогресс для обоснования своих программных требований. Военный прогресс используется как важный фактор в политической борьбе, в частности, разработка технологий информационной войны является одной из важных составляющих современного военного прогресса.

Особо актуальным представляется исследование ряда важных аспектов военного прогресса с социально-философских позиций, поскольку взаимозависимость социального прогресса и военного прогресса достаточно очевидна. В частности, воздействие военной науки и техники на жизнь общества и человека присутствует всегда и определяется уровнем исторически сложившейся культуры. При этом связь категорий военного прогресса и социального прогресса сложна, многопланова, многоаспектна, поэтому социально-философский анализ военного прогресса необходим для извлечения уроков из прошлого, адекватного осознания современной действительности и прогнозирования будущего.

Развертывание военного прогресса во многом оправдывается политическим режимом, что в свою очередь, является существенным фактором направленности всего социального прогресса. В условиях перехода российского общества к модернизационной модели развития исследование путей взаимодействия военного прогресса и конкретных социальных институтов представляется особенно актуальным.

Исследование военного прогресса позволяет выработать новые подходы к решению целого ряда актуальных и многозначимых задач, выдвигаемых на передний план современной социальной практикой, например, проблемы войны и мира.

Для ответа на актуальные вызовы глобального мироустройства необходимо выявить онтологические основания и ключевые характеристики военного прогресса, уточнить диалектику объективных и субъектно-личностных факторов и его критерии. Разработка методологии определения критериев военного прогресса позволит теоретически объяснить современное кризисное состояние общества на основе критериев, необходимых для преодоления ограничений и издержек развития социума.

Использование в социальной практике адекватных критериев военного прогресса способно дать обществу новые интегрирующие импульсы, а также содействовать объединению социума и получению преимуществ перед остальными странами - субъектами военно-технической конкуренции.

Разработка проблематики военного прогресса является важным фактором возрастания теоретического и методологического потенциала диалектики и повышения эффективности информационной войны.

Актуальность исследования военного прогресса обусловлена:

- 1) особой значимостью военной составляющей в прогрессивном развитии конкретного общества и человечества вообще;
- 2) отсутствием четкой наполняемости понятия «военный прогресс» как на научном, так и на бытовом уровне, что провоцирует многообразие научных подходов к его толкованию и выделению сущностных характеристик;

3) современным состоянием безопасности РФ, характеризующимся воздействием широкого спектра негативных факторов, угрожающих направленности всего социального прогресса.

Таким образом, задача глубокого социально-философского исследования военного прогресса, его многоуровневого содержания, особенностей проявления в переходный период выдвигается на одно из первых мест

Степень разработанности темы

Первые попытки осмысления общественного развития и роли в нем человека можно обнаружить уже в античности. К данному направлению также относятся исследования зарубежных и отечественных мыслителей, философов, политологов, социологов, историков, в которых осмысливаются природа и сущность войны как специфического состояния общества и государства, политических процессов и явлений, обусловленных становлением и развитием военно-теоретических взглядов и концепций войны, их реализацией на практике. Понимание войны как особого состояния общества получило отражение в работах мыслителей прошлого: Платона, Аристотеля, Сунь-цзы, Цицерона, Августина Аврелия, Г. Гроция, Т. Гоббса, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля, К. Клаузевица, Э. Роттердамского, Ж.-Ж. Руссо и др.¹ В работах указанных авторов заложены основы научного знания о войне и определены наиболее существенные положения и проблемы, которые остались актуальными вплоть до настоящего времени.

¹ См.: Августин Блаженный. О граде Божием: в 4 т. -М., 1994; Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т.3. Политика. М., 1983; Гегель Г. Философия права. М, 1990; Жизнь и труды Клаузевица / Под ред. О. Гусевой. М.: ВА ГШ, 2001; Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве: сборник. М., 2005 и др.

Однако только в Новое время в качестве преобладающей формы эволюции общества стал настойчиво трактоваться прогресс, основанный на усовершенствовании человеческого разума. Значительный вклад в разработку данной проблематики был сделан такими великими мыслителями Просвещения, как М.Ж. Кондорсе, А.Р. Тюрго, Ж.-Ж. Руссо, А. Сен-Симон, которые исследовали важные характеристики социального прогресса, в частности, его неравномерность.

Своеобразной вершиной осмысления идеи прогресса явилось диалектическое понимание процесса развития, данное Гегелем и продолженное марксизмом. С этого момента в науке возникает проблема соотношения субъективного и объективных факторов прогресса.

Среди зарубежных исследователей, рассматривавших процесс развития общества в том ракурсе, где военный прогресс занимает определенную роль, представляют интерес работы: М. Шелера, Э. Фромма, К. Роджера, В. Франкла, Г. Буркхардта, А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Т. де Шардена, Г. Плеснера, А. Гелена, З. Фрейда, Г. Маркузе, Р. Нисбета и др.

Одни из них уделяют особое внимание проблеме отчуждения человека, говоря об альтернативной гуманистической концепции прогресса (Г. Маркузе, Э. Фромм), другие через призму прогрессивности рассматривают проблемы индустриального и постиндустриального обществ (Д. Белл, Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, Л. Туроу, Ч. Хэнди, П. Дракер, Э. Гидденс, Ф. Фукуяма).

Новые тенденции в военной области анализируются в целом комплексе работ, где в той или иной степени затрагивается проблематика военного прогресса².

Проанализированы также немногочисленные авторефераты диссертаций, которые затрагивают указанную проблему. В частности, особенности политической безопасности исследует И.Я. Выродов, Д.Ю. Грищенко, Ф. Дармокрик, А.В. Кулаков, В.А. Рукинов³. Различные проявления военной политики РФ анализируют в диссертационных работах следующие авторы: И.Б. Варченко, В.А. Волков, В.Б. Карпухин, А.А. Тиморин⁴. Следует отметить, что полученные в работах этих авторов результаты касались либо общего понятия прогресса, либо его отдельных форм, не затрагивая военный прогресс как явление, которое может стать предметом социально-философского осмысления.

²Карпухин В.В., Лемешев С.В. О некоторых тенденциях в военном строительстве в начале XXI века // Актуальные вопросы военной безопасности: аналитич. вестник Совета Федерации. М., 2008, №19 (364); Куликов В.А. Военно-технические аспекты предотвращения войн // Военная мысль. 2006. № 5; Печуров С.Л. Принципы войны в трактовке современной военной науки Запада // Военная мысль. 2006. № 1; Горбачев Ю.Е. Сетецентрическая война: миф или реальность? // Военная мысль. 2006. № 1.

³Выродов И.Я. Проблема развития системы стратегического руководства Вооруженными Силами СССР: (исторический опыт, закономерности, принципы, тенденции): автореф. дисс. ... д-ра воен. наук; Грищенко Д.Ю. Политическая безопасность современного Российского государства состояние и механизм обеспечения: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Владимир, 2008; Рукинов В.А. Влияние конфликтов на политическую безопасность в современной России: дисс. ... канд. полит. наук. СПб, 2006; Дармокрик В.Ф. Политическая безопасность в современной России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Саратов, 2007.

⁴Варченко И.Б. Военная политика России в переходный период: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М.: ГА ВС, 1994; Волков В.А. Военно-политическая деятельность государства (философско-политологический анализ): автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М.: ГА ВС, 1994; Карпухин В.Б. Политика государства в сфере военного строительства как основа безопасности Российской Федерации: дисс. ... канд. полит. наук. М.: ВУ, 2007; Тиморин А.А. Армия и общество: (социологический анализ): автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. М.: ВПА, 1972; Чебан В.В. Культура национальной безопасности России: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. М.: МГПУ, 1997.

Пути взаимодействия научной и военной сфер общества исследуется такими специалистами, как В.В. Борисенко, Н.В. Стариков, А.В. Кольцов, Д. Холловэй. Данные вопросы поднимаются также в других работах⁵.

Тем не менее, отечественная военная наука допустила значительное отставание от лучших образцов зарубежной военной мысли, что особенно проявилось в 90-е годы XX века, поэтому полноценный анализ современного военного прогресса предполагал максимальный учет лучших разработок западных авторов⁶.

Анализ научных источников, посвященных рассмотрению военного прогресса, позволил условно дифференцировать их по нескольким направлениям.

Первое направление представляют труды, посвященные общей проблематике социального прогресса, где роль военного прогресса, особенно в отдельные исторические периоды, оказывалась решающей как для отдельной страны, так и для всего мирового сообщества. Среди данных работ максимальное внимание уделялось тем ученым, которые оставили значительный след в исследованиях по философии истории, где проблема общественного прогресса занимала ведущее место: Р. Дж. Коллингвуд, Б. Кроче, А. Дж. Тойнби, Э. Трельч, Л. Февр, Ф. Фукуяма, О. Шпенглер, М. Элиаде, К. Ясперс и другие. Вполне естественно, что эти ученые в той или

⁵Лутовников В.И., Мотин Ю.Н. Военно-политические процессы в мире и в России. / В.И. Лутовников., Ю.Н. Мотин. М.: Изд-во РАГС, 2004; Макаренко И.К., Морозов В.С. Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения на современном этапе. М.: Изд-во РАГС, 2003; Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях / Под ред. С.М.Виноградовой, В.Н.Коньшева, Н.С. Ниязова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007; Слипенченко В.И. Войны шестого поколения. М.: Вече, 2002; Цой Хен Сок. Обеспечение военной безопасности России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4; Кучерявый М.М. Военная безопасность России. Монография. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2010.

⁶Leerssen J. The Rhetoric of National Character: A Programmatic Survey // Poetics Today. 2000. – Vol. 21. – P. 279; Shirer W.Z. The Collapse of the Third Republic. An industry into the Fall of France in 1940. N.Y., 1969. – P. 425; Sibert E. Communications and Government. Urbana, 2007. – P. 33; Strobe Talbott. America Abroad; The Birth of the Global Nation, Time, July 20, 1992. – p 70; World War II in Europe. Anencyclopedia. N. Y. Ldn, 1999.

иной степени затрагивали вопросы, связанные с военным прогрессом. В первую очередь речь идет о результатах исследований, которые были получены в области философских изысканий по проблемам общественного прогресса.

Это направление представлено также работами и материалами по общетеоретическим и методологическим проблемам военной политики, войны и мира, функционирования и жизнедеятельности военно-организационных систем, их места и роли в политической системе общества. Значительный материал для осмысления вышеназванных проблем накоплен отдельными учеными, среди которых необходимо выделить О.А. Белькова, М.А. Гареева, В.А. Золотарева, А.А. Кокошина, В.В. Серебрянникова, Ю.И. Дерюгина, С. А. Тюшкевича⁷.

Здесь существует широкий диапазон мнений, что непосредственно влияет на особенности исследования военного прогресса. Представления о проблемах войны и мира исходят из предположения, что военные конфликты основываются на различных концепциях природы социальных отношений: на психоаналитических (Дж. Стрейчи, Элдер), социально-психологических (Л. Дж. Фаррар, А. Бакен, Т. Г. Герр, Р. Абелсон, Р. Джервис), структурно-функциональных (Т. Парсонс, Р. Ферт, Г. Спиро).

Отдельную группу источников данного направления составляют научные труды и разработки, посвященные исследованию специфики войны

⁷См.: Армия России: состояние и перспективы / под ред. Р.Г. Яновского, Ю.И. Дерюгина. М., 1999; Бельков О.А. Понятие «война» и его абберации в отечественном дискурсе // Власть. 2009. Сентябрь; Гареев М.А. Полководцы Победы и их военное наследие: очерки о военном искусстве полководцев, завершивших Великую Отечественную войну. М.; «Ин-сан», 2003; Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества: (историко-правовое исследование). М., 1998; Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI в.: типы, формы, возможные участники. М: Медиа-Пресс, 2003; Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И. Армия России: состояние и перспективы выхода из кризиса (социально-политический срез современного военного социума). М., 1998; Тюшкевич С. А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М.: Книга и бизнес, 2002; Его же. Новый передел мира. М.: Проспект, 2003.

и вооруженных конфликтов в период послевоенного биполярного противостояния, а также в конце XX в. после окончания так называемой «холодной» войны. Здесь в первую очередь следует отметить монографические и диссертационные работы В.В. Барабина, В.А. Волкова, Н.И. Звинчукова, В.В. Серебрянникова и других военных ученых России. Проблематика данного направления достаточно основательно раскрывается в работах Я.В. Волкова, К.С. Гаджиева, В.Ф. Прокофьев, А.Г. Дугина, С.В. Картунова, В.В. Чебана, И.В. Бочарникова⁸ и др.

Что касается разработки проблематики, связанной с различными сторонами проявления социального прогресса в отечественной философии, то здесь заметный след оставили работы Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Л.П. Карсавина, Н.К. Михайловского, В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, С.Л. Франка, В.В. Розанова, В.И. Вернадского, К. Э. Циолковского. Большой вклад в исследование социального прогресса, где значительное место занимает военный прогресс, вносит советская философия, и в первую очередь такие ее представители как Л.В. Николаева, Н.В. Иванчук, А.И. Титаренко, В.И. Мишин, Р.В. Петропавловский, А.И. Самсин, Ю.Н. Семенов, Н.Н. Михайлов и др. Они раскрыли содержание понятия общественного прогресса, выявили его критерии, и основывали своей анализ исходя из тезиса о поступательной направленности человеческого сообщества. Вместе с тем нельзя не отметить, что в анализе проблемы общественного прогресса в отечественной литературе нередко преобладал идеологизированный, а порой и конъюнктурный подход. В числе авторов, чьи работы внесли значительный вклад в актуализацию и глубокую

⁸Амирян В. А. Военно-политическая обстановка: методология и методика оценки. М: ГА ВС, 1992; Барабин В.В. Военно-политическая деятельность государства: социально-философское исследование. М.: Изд-во «Междунар. программа образования», 1999; Серебрянников В.В. Социология войны. М.: Воениздат, 1999; Проблемы безопасности: неклассические войны современности // Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука - XXI». 2008. № 3; Прокофьев В.Ф. Некоторые взгляды на роль российского оружия в эпоху современных вызовов // Военная мысль. 2006. № 6.

проработку проблем социального прогресса, можно назвать И.А. Гобозова, К.Х. Момджяна, А.С. Панарина и ряд других.

Ко **второму направлению** можно отнести исследования, в которых на первый план выдвигается особая роль военно-технического прогресса в жизни человечества в контексте проблем войны и мира. Данное направление представлено работами, где авторы решают неоднозначные проблемы человечества, связанные с научно-техническим прогрессом, затрагивая, естественно, при этом проблемы военно-технического развития.

Особенности военного прогресса как важной части социального прогресса освещается А. Буллоком, Ж. Деларю, Д.М. Проектором, П.Ю. Рахшмиром, Р. Эвансом. Особенности военного прогресса в США рассматривается З. Бжезинским, А. Токвилем, Ф. Фукуямой, а основательная критика милитаристской направленности США прослеживается в трудах Дж. Гэлбрейта, М. Паренти, Э. Тодда, А.И. Уткина, В. Хартунга. Особенности и перспективам военного прогресса в КНР уделяют внимание Ф.М. Бурлацкий, А.А. Жемчугов, И.А. Малевич, Д. Пристланд, В.Я. Сидихменов, Ф. Шорт.

В контексте диссертационного исследования актуальными представляются работы Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса, М. Хоркхаймера, критиковавших использование результатов НТП тоталитарными и авторитарными режимами. Противоположной точке зрения, рассматривающей положительные стороны технократических режимов, посвящены исследования Д. Бернхэма, А.А. Кокошина, Д. Пристланда, М. Уолкера, Х. Шельски.

Конкретные характеристики военно-технического прогресса рассматриваются в статьях Ф. Дессауера, Э. Каппа, Л. Мамфорда,

Э. Тоффлера, Т. Уокера, Н.В. Устрялова, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, П. Энгельмейера.

Разработки социально-философских прогнозов будущего техногенного развития человечества имеют тесную связь с анализом военного прогресса, что проявляется в исследованиях Ж.И. Алферова, И. Валлерстайна, Дж. Гэлбрейта, С.П. Капицы, А.Д. Сахарова, Э. Хобсбаума.

Среди зарубежных авторов, работы которых раскрывают данную проблематику, особый интерес вызывают публикации З. Бжезинского, М. Тетчер, П. Швейцера и некоторых других авторов⁹.

Третье направление – это труды, в которых исследуются конкретные проявления военного прогресса в той или иной сфере человеческого существования.

На первый план выдвигаются научные труды, посвященные специальным направлениям военного прогресса. В этом плане следует отметить работы В.П. Бранского, Б.С. Галимова, П.П. Гайдено, К.Х. Делокарова, В.В. Козютинского, В.А. Лося, М.Н. Матвеева, А.П. Назаретяна, Л.А. Петрушенко, Е.Я. Режабека, Н.С. Розова, М.Н. Руткевича, В.С. Степина, В.С. Тюхтина, А.Д. Урсула, А.Н. Чумакова, Б.Г. Юдина, Э.Г. Юдина и др.

Известные политологи, философы и военные ученые (М.А. Гареев, С.А. Тюшкевич, В.А. Виноградов, В.Д. Рябчук, Б.Ф. Сингаевский, М.А. Борчев и многие другие) с разных позиций анализируют содержание, структуру системы знаний военной науки; изучают ее объект и предмет на

⁹См: Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы: пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1998; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: пер. с англ. СПб.: Университетская книга, 2001; Тэтчер М. Искусство управлять государством. Стратегии для меняющегося мира: пер. с англ. М.: Альп. Бизнес Букс, 2007; Швейцер П. Победа, роль стратегии администрации США в «холодной войне». Варшава, 1993.

новом этапе развития теоретической мысли, что создает мощный базис для социально-философского исследования военного прогресса.

Предметом особого внимания отечественных авторов являются проблемы, связанные с происходящими изменениями сущности и характера вооруженного противоборства. Они рассматриваются в трудах О.А. Белькова, И.Н. Воробьева, М.Ф. Гацко, Ю.Е. Горбачева, В.А. Киселева, В.В. Круглова, В.А. Куликова, С.П. Непобедимого, С.Л. Печурова, Е.Ф. Подсобляева, В.Ф. Прокофьева, В.Н. Слипченко и др.

Важную группу источников составляют научно-теоретические разработки, в которых рассматриваются место и роль военного прогресса в общей системе национальной безопасности России. Среди них необходимо особо выделить труды А. В. Вахрамеева, И.Ф. Кефели, С. Г. Кулешова, А. В. Возженикова, В. И. Голубева, В.С. Пусько, А.П. Дмитриева, А.Т. Климовича, А.В. Макеева и др.¹⁰, где политическая безопасность исследуется как составная часть, самостоятельный вид и основа национальной безопасности РФ.

Четвертое направление составляют исследования авторов, отражающие различные проблемы становления и развития нового мирового порядка, а также геополитические изменения, происходящие в настоящее

¹⁰См., например, Вахрамеев А В, Кулешов С Г Политическая безопасность и стабильность в Российской Федерации // Национальная безопасность России Декларации и реальность. М Вузовская книга, 2003; Возжеников А В Национальная безопасность теория, политика, стратегия. М НПО «Модуль», 2000; Голубев В И, Пусько В С Национальная безопасность концептуальные основы, механизм обеспечения, слагаемые национальной безопасности России (современная концепция безопасности и проблемы ее реализации). М ВУ, 1996, Дзлийев М.И. Основы обеспечения безопасности России. М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2003, Климович А Т Политические и социокультурные аспекты безопасности общества в современных условиях. М.: ВАГШ, 1996, Коршунов СВ. Становление политики безопасности. Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: Наука, 2003; Кузнецов В.Н. Социология безопасности: формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. М.: Изд-во «Республика», 2002.

время¹¹. Это направление включает в себя работы ученых, которые не только исследуют неоднозначные проявления военного прогресса в глобальном мире, но и анализируют перспективы развития человечества. Значительная роль отводится анализу исторической динамики социальных институтов, способствующих военному прогрессу в конкретной стране в тот или иной исторический период, в трудах Р. Арона, А. Безансона, А. Валицкого, В.Я. Гельмана, Р.А. Медведева, Дж. Хоскинга. Принципиальное значение имеют работы, в которых исследуется военный прогресс в связи с проблемами общечеловеческого развития. К ним следует отнести работы И.С. Даниленко, Ю.И. Дерюгина, В.И. Добренкова, В.В. Серебрянникова, О.М. Хлобутова и др.¹², в которых аргументируется актуальность научного исследования различных механизмов, гарантирующих безопасность государства, включая армию; предпринимаются попытки теоретического обоснования ее концептуальных и сущностных основ. Однако круг работ, посвященных собственно анализу проблем обеспечения военного прогресса, еще весьма ограничен, поскольку в основном изучались более общие вопросы военной деятельности в данной сфере и анализировались отдельные проблемы обеспечения военной безопасности.

¹¹См.: Бельков О.А. Война: инвариантная сущность и множество ее интерпретаций // Проблемы безопасности: бюллетень НИЦ «Наука-XXI». 2009. № 5; Воробьев И.Н., Киселев В.А. Вооруженный конфликт: борьба с диверсионно-террористической деятельностью противника // Военная мысль. 2006. № 1; Воробьев И.Н., Киселев В.А. Стратегия не прямых действий в новом облике // Военная мысль. 2006. № 9; Гареев М.А., Слипченко В.Н. Будущая война. М.: ОГИ, 2005; Подсобляев Е.Ф. Спорные вопросы теории бесконтактных войн. // Военная мысль. 2006. № 2; Гацко М.Ф. О сущности понятий «военная угроза» и «военная опасность», их соотношении в системе военной безопасности России // Военная мысль. 2006. № 4.

¹² Даниленко И. С. Политическая безопасность (К разработке методологии и практики вопроса) // Безопасность. 1993. №3; Дерюгин Ю. И. Концептуальные основы политической безопасности России // Безопасность. 1999. № 7-8; Добренков В. И. Эволюция политической безопасности страны // Информационно-аналитический бюллетень. 1997. № 29; Серебрянников В. В. О политической безопасности России // Социально-политический журнал. 1997. № 3; Хлобутов О. М. Политическая безопасность как феномен общественной жизни // Информационно-аналитический бюллетень. 1997. № 29.

Особую группу образуют труды ученых и практиков, анализирующих конкретные направления безопасности государства¹³.

Большое внимание в данном направлении уделяется изменениям в характере и содержании вооруженного противоборства в рамках становления нового мирового порядка. Среди работ зарубежных ученых-исследователей, посвященных анализу современных войн и вооруженных конфликтов, а также тенденций развития вооруженного противоборства, следует выделить публикации М. ван Кревельда, Э. Тоффлера, С. Хантингтона, Ф. Фукуямы и др.¹⁴

Большое значение для понимания сущности военного прогресса во всех его проявлениях играют периодические издания, которые позволяют оперативно реагировать на изменяющуюся ситуацию в мире. Среди них особое место занимает, в частности, журнал «Геополитика и безопасность» (ред. И.Ф. Кефели), где ведется постоянный и глубокий анализ современных процессов, которые в значительной степени определяют вектор военного прогресса и особенности всех его проявлений в современном мироустройстве.

¹³ Жуковский М.В. Политическая безопасность общества и проблемы ее обеспечения в Российской Федерации // Безопасность. 2002. № 1,2; Петрищев В.Е. Участие спецслужб и правоохранительных органов России в обеспечении политической безопасности // Информационно-аналитический бюллетень. 1997. № 29; Семченков А. С. Оценка состояния политической безопасности России // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2003. № 2; Смолянский В. Г. Политическая безопасность и устойчивое развитие // Информационно-аналитический бюллетень. 1997. № 29; Шаленко В. Н. Конфронтационное мышление - главная угроза политической безопасности // Информационно-аналитический бюллетень. 1997. № 29. Вахрамеев А.В., Кулешов С.Г. Национальная безопасность России. Декларации и реальность. М: Вузовская книга, 2003.

¹⁴ Кревельд М. Трансформация войны. М: Альпина Бизнес Букс, 2005; Тоффлер Э. Война и антивоенная. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на пороге XXI века. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек: пер. с англ. М.: Изд-во «Аст», 2007; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003; Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения /пер. с англ. Н.Козловской. М.: Новое изд-во, 2005 и др.

В последнее время в проблеме прогресса акценты смещаются в связи с накоплением знаний в социосинергетике. В этом ключе значительно углубляют познание процесса общественного развития публикации таких авторов, как А.П. Назаретян, В.П. Бранский, С.Д. Пожарский, М.В. Сапронов, В.И. Карасев, Р.Ф. Абдеев, А.М. Ковалев, И.Д. Андреев, С.Д. Хайтун, А.В. Фомин, Е.А. Седов, А.В. Дахин, И.В. Федорович и др.

Полноценное исследование военного прогресса предполагает также учет того факта, что в рамках проблемы общественного прогресса была разработана концепция устойчивого развития, связанная с деятельностью Римского клуба. В ее углублении отечественной наукой следует отметить работы таких ученых, как В.А. Лось, А.Д. Урсул, А.П. Федотов, Ф.А. Айзатов, Г.Г. Зейналов, М.Н. Руткевич.

Автором диссертации использовались также исследования цивилизационных процессов, где анализ военного фактора занимает существенное место. Данный вектор анализа общественного прогресса реализуется А.А. Гусейновым, А.И. Уткиным, В.Л. Иноземцевым, Б.С. Ерасовым, В.С. Степиным, Н.Н. Моисеевым, Л.Е. Грининым, П.А. Недотко, Е.М. Луниным, А.В. Бузгалиным, А.С. Панариным, Ю.Н. Соколовым, К.Э. Плохотниковым, А.В. Коротаевым.

Анализ указанных работ дает основание сделать следующие выводы:

1. Достаточно большой массив исследований посвящен анализу общественного прогресса, что не всегда дает возможность сфокусировать внимание экспертов на всестороннем и полноценном изучении военного прогресса.
2. Если проблемы, связанные с понятием «прогресс», в значительной степени поставлены и предложены пути их решения в современных

условиях, то сущность военного прогресса в свете глобальных изменений последних десятилетий изучена недостаточно.

3. Неоднозначность протекания глобализационных процессов и возрастание проблемности понятий «прогресс» и «регресс» в свете решения проблем гуманизации и гуманитаризации общества актуализируют проблемы, связанные с социальным прогрессом вообще и военным в частности.

4. В условиях современных условиях особо ярко проявляется агрессивное игнорирование субъектами глобализации социокультурной идентичности всех членов мирового сообщества, что провоцирует особый интерес к практическим проявлениям военного прогресса и к теоретическому анализу его особенностей.

Проблема и концептуальный базис исследования

1. В ходе своих научных изысканий автор обратил внимание на то, что военный прогресс в большей степени, чем процесс развития любых систем, оказывается неоднозначным, поскольку совмещает в себе не просто амбивалентные элементы, которые присутствуют в любых саморазвивающихся системах, но включает такие антиподы, как прогресс и регресс. Вместе с тем военный прогресс – это всегда серьезный военнотехнический прорыв.

2. Поскольку война представляет собой источник регресса, выражающегося в уничтожении человеческого и культурного потенциала, то максимально высокий уровень военного прогресса может выступать как источник регрессивных тенденций, которые усиливаются в неустойчивой модели цивилизационного развития, где присутствуют неразрешимые в рамках этой модели противоречия.

3. Усиленное внимание к военному прогрессу обусловлено тем фактом, что он часто используется отдельными политическими режимами в качестве средства борьбы с социальной энтропией.

4. На сегодняшний день на базе существующих теоретических и эмпирических разработок создана концептуальная основа, позволяющая провести исследование военного прогресса в его наступательной версии. Однако анализ военного прогресса обороны в условиях появления гибридных войн предполагает переосмысление всего объема культурно-исторического опыта с позиций оптимального соотношения прогрессивных и регрессивных тенденций в кризисных ситуациях.

Таким образом, можно заключить: социально-философские аспекты военного прогресса пока не освещены в достаточной мере, что отражается на качестве не только социальных, но и научно-технических исследований.

Объектом диссертационного исследования является социальный прогресс как динамическая совокупность политических, военно-технических и социокультурных изменений в обществе.

Предмет исследования составляет военный прогресс в его внутренней противоречивой динамике и сопряженные с ним перспективы макросоциальных изменений.

Цель исследования – анализ основополагающих факторов военного прогресса; выявление его противоречий и критериев.

Реализация этой цели обусловила решение следующих **задач**:

1. Проанализировать основные определения понятия военного прогресса, выявить его онтологические основания, а также субъектно-личностные полагания и другие факторы осуществления.

2. Дать анализ основных типов военного прогресса; концептуализировать социальные и политические аспекты военного прогресса в современном социогуманитарном знании.

3. Обобщить достижения в разработке теории военного прогресса, сравнить его критерии, предложенные различными социально-философскими концепциями и парадигмами.

4. Осветить особенности методологии исследования военного прогресса и обосновать влияние рационализации общественного сознания и распространения технологических инноваций как одну из определяющих тенденций современного военного прогресса.

5. Показать, что представляет собой военный прогресс по консервативной стратегии.

6. Выявить сущность военного прогресса как гаранта обеспечения диктата.

7. Осветить особенности военного прогресса по либеральной стратегии.

8. Доказать, что военный прогресс для обеспечения выгод и обогащения может максимально реализовываться в рамках консервативного типа военного прогресса.

9. Проанализировать военный прогресс посредством исследования структуры военных угроз в современном мире.

10. Выявить специфику военного прогресса обороны.

11. Обосновать пути оптимизации военного прогресса с позиций допустимых потерь в ходе возможных военных конфликтов.

12. Выявить, с чем связана актуализация различных типов военных угроз и соответствующих типов военного прогресса в современном глобальном мире.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Впервые осуществлен анализ понятийного аппарата, при помощи которого представляется возможным адекватно исследовать особенности военного прогресса современности, а также предложено авторское определение военного прогресса как последовательного и направленного изменения общества согласно действующим критериям безопасности. На базе анализа основных определений понятия военного прогресса проведено комплексное исследование военного прогресса как явления социальной жизни, который представляет собой результат деятельности вполне конкретных социальных институтов, принципиально влияющих на протекание всего общественного прогресса.

2. Концептуализация социальных и политических аспектов военного прогресса в современном социогуманитарном знании позволила определить основные типы военного прогресса. Наступательный военный прогресс формируется на базе концепции, которая представляет собой развертывание новых степеней свободы в области военной деятельности и военной мысли, что может способствовать развязыванию войн. Оборонительный военный прогресс – это реализация созидательных концепций, основывающихся на принципах защиты общества от угрозы физического и духовного уничтожения, а также – территориальной экспансии.

3. На основании обобщения достижений в разработке теории военного прогресса, а также сравнения его критериев, предложенных различными социально-философскими концепциями, аргументированы пути актуализации типов военного прогресса в конкретных исторических условиях. Продемонстрировано, что актуализация типов военного прогресса тесным образом связана с преобладанием в массовом сознании упрощенного, проявляющего себя в технических показателях представления о военном

прогрессе, что вызывает высокую подвижность в определении критериев и перспектив развития и выживания общества.

4. Проведен анализ особенностей методологии исследования военного прогресса, проявляющихся в рационализации общественного сознания, а также возрастающем влиянии технологических инноваций как одной из определяющих тенденций современного военного прогресса.

5. Показано, что сторонники военного прогресса по консервативной стратегии являются не только хранителями традиционных государственных устоев, но все чаще оказываются сторонниками пересмотра чужих границ военным путем. Это связано с условностью идеологических установок, которые они исповедуют, а также со сложностью описания военного прогресса посредством военно-технических критериев.

6. Доказано, что реализация военного прогресса по консервативной стратегии выступает в качестве гаранта обеспечения диктата отдельных субъектов мировой политики над остальным миром, однако подобная политика может иметь лишь кратковременный успех в плане внедрения научно-технических изобретений в промышленность и борьбы с социальной энтропией.

7. Доказано, что военный прогресс по либеральной стратегии – это развитие военно-промышленного комплекса и армейских соединений до такой степени, чтобы сохранять постоянную возможность навязывать свою систему ценностей всему мировому сообществу.

8. Продемонстрировано, что военный прогресс, направленный на обеспечение выгод и обогащения, может максимально реализовываться в рамках либерального типа военного прогресса: либеральная концепция военного прогресса выступает гарантом обеспечения преимуществ той части человечества, которая позиционирует себя как «цивилизованные страны», за

счет эксплуатации всего остального человечества путем использования СМИ, ведения информационных войны и т.п.

9. Доказано, что в современном мире военный прогресс детерминирован структурой военных угроз, несущих военные конфликты. Выявлена зависимость между нарастанием военных угроз и характером военного прогресса: определенность военного прогресса должна быть адекватна определенности военных угроз, что гарантировало бы предупреждение военного конфликта.

10. Обоснован тезис, согласно которому военный прогресс как прогресс обороны представляет собой определенную стратегию и включает в себя комплекс не только военных мероприятий, но и долгосрочные программы в политической, дипломатической и других сферах государства, направленные на борьбу с социальной энтропией.

11. Доказано, что предотвращение военных конфликтов и расчет допустимых потерь обусловлены принципом единства мира и всеобщей связи явлений, на которых базируется отечественная концепция военного прогресса. Обоснованы пути оптимизации военного прогресса с позиций допустимых потерь в ходе возможных военных конфликтов.

12. Выявлены факторы актуализации различных типов военных угроз и соответствующих типов военного прогресса в современном глобальном мире, в условиях господства информационных и гибридных войн.

Положения, выносимые на защиту:

1. В соответствии с определенными законами, правилами, традициями понятие «военный прогресс» включает в себя изменения в тех областях, которые иллюстрируют специфику функционирования общества по защите своей идентичности или претензию на чужую идентичность. Однако серьезные социальные трансформации последних десятилетий предполагают

основательную коррекцию подобных представлений. Военный прогресс – это последовательное и направленное изменение составляющих общества согласно действующим критериям от одного состояния к другому, каждое из которых выступает более высоким уровнем безопасности социума в разрезе внешних угроз, чем предыдущее, и не находится в противоречии с базовыми общественными ценностями.

2. Существуют различные типы военного прогресса, что детерминировано историческими традициями, менталитетом и уровнем социальной энтропии, накапливающейся в конкретной стране под влиянием внешних факторов:

- консервативный тип военного прогресса, который реализуется посредством доктрин, направленных на разрешение проблем путем достижения диктата подчинения, порабощения, учреждения центров силы и т.п.;

- либеральный тип военного прогресса, который реализуется при помощи военных доктрин, является не столько реакцией на существующие военные угрозы, сколько представляет собой продвижение либеральных ценностей, что на практике предполагает достижение результатов путем грабежа, захвата других территорий, новых источников обогащения и выгод;

- оборонный тип военного прогресса, который реализуется путем реализации доктрин, направлен на постоянное повышение качества обороны и представляет собой форму обеспечения устойчивого развития общества в условиях политических угроз, нейтрализуемых военными средствами.

3. Актуализация типов военного прогресса обусловлена особенностями развития общества, которое формируется конкретными историческими условиями, а также детерминировано географическими, геополитическими, климатическими и иными факторами. Развертывание военного прогресса происходит как следствие проявлений особенностей общественного бытия и

актуализирует различные типы военного прогресса в переломные периоды исторического развития под влиянием кризиса. В конкретной исторической ситуации может быть востребован тот или иной тип военного прогресса, причем его содержание, проявляющееся во взаимодействии его форм и уровней, в соотношении основных его элементов, может подвергаться значительным изменениям. Актуализация конкретных типов военного прогресса также может быть связана с попытками манипуляции определенной частью социума в политических целях, и тогда военный прогресс становится полем идеологической и политической борьбы.

4. Рационализация общественного сознания и распространение технологических инноваций определяет методологию исследования военного прогресса, критерии которого имеют аксиологический характер и формируются на основе улучшения показателей безопасности общества, связанных с доминирующими общественными ценностями. Поскольку военный прогресс имеет много сторон – идеологическую, воспитательную, организационную и техническую, то методы его исследования предполагают не только учет теории и практики, но и состоятельности концепций и идеологических установок, а также проверку их на уровне конкретных военных операций.

5. Военный прогресс по консервативной стратегии – это попытка сохранения традиционных представлений о войне, армии и т.д., что достигается путем реализации военных планов посредством государственного аппарата, поскольку светская власть направлена на реализацию общественных договоров, общественных идеалов, идеологических формулировок.

6. Военный прогресс по консервативной стратегии представляет собой особый механизм реализации целей, обеспечивающих диктат, который проявляется как ярко выраженные преимущества военного потенциала

отдельных стран не только в условиях военных действий, но также реализуется посредством угрозы перманентного давления (постоянной угрозы военного вмешательства) в мирное время.

7. Военный прогресс по либеральной стратегии представляет собой доминанту, которая является следствием реализации идеи максимального контроля над государственными структурами, в том числе и армии, со стороны общественных организаций, а также использования армии для насильственного навязывания либеральных ценностей другим государствам при полном игнорирования их традиций.

8. Реализация либеральной версии военного прогресса способствует обогащению государств – агрессивных носителей «демократических ценностей», которые сегодня выступают в качестве субъектов глобализационного давления, использующих при этом любые военные средства, включая оружие массового поражения. Либеральная концепция военного прогресса выступает гарантом обеспечения выгод той части человечества, которая позиционирует себя как «цивилизованные страны», за счет эксплуатации всего остального человечества путем ведения информационных войны и т.п.

9. Военный прогресс должен отвечать насущным требованиям специфики военных угроз и может проявляться как: захватнической, изматывающей, порабощающей, упреждающей (например, установление однополярного мира) и т.д. Социально-философский дискурс дает возможность рассматривать военный прогресс в единстве – как продукт и этап развития рационалистической конфигурации общественного сознания, порожденного универсальным технологизмом человеческой позиции по отношению к миру. Неклассические проявления военного прогресса в большей степени, чем любая другая форма социального прогресса,

способствуют переходу на более высокий уровень противостояния, который требует соответствующих гарантий выживания человечества.

10. Военный прогресс обороны предполагает, с одной стороны, единство связей и отношений, которые определяют развитие конкретной военно-технической области, а с другой стороны, он представляет собой важную составляющую всех форм общественного прогресса: политического, экономического, культурного и др. Существует определенная зависимость между нарастанием военных угроз и характером военного прогресса: уровень военных угроз должен быть адекватен соответствующему уровню военного прогресса обороны, способного в необходимой мере предупреждать военные конфликты.

11. Военный прогресс обороны предполагает допустимые потери в ходе возможных военных конфликтов, обусловленных отечественной традицией сохранения своего суверенитета. Структура военных угроз предполагает определенный уровень оборонительного военного прогресса, который мыслится как совершенствование отношений не только внутри конкретного общества, но и между обществами на принципах единства мира и взаимосвязи явлений.

12. В зависимости от содержания программ военных угроз военный прогресс должен быть направлен на дезинтеграцию противника, т.е. способствовать разложению военных угроз на относительно безопасные составляющие, минимизируя их разрушительную способность. С учетом наличного многообразия типов наступательных военных технологий для агрессора наиболее приемлемой оказывается та, которая гарантирует ему максимальный успех, и, следовательно, военный прогресс должен систематически корректироваться в зависимости от того, какие военные технологии становятся для потенциального агрессора исторически

предпочтительными. В конкретный исторический период актуализируется один параметр военного прогресса, а в другом случае – другой, поэтому можно исследовать различные структуры военного прогресса и изучать динамику того элемента, который выходит на первый план, раскрывая особенности военного прогресса на данном историческом этапе. Основанием изменения системы ценностей и критериев военного прогресса выступает достижение пределов развития в рамках действующей парадигмы. Военный прогресс все больше теряет традиционные параметры и его все труднее оценить с помощью военно-технического критерия, поскольку новые формы противостояния социальных систем основываются на самых передовых научных изобретениях, которые принципиально нарушают устоявшиеся представления о войне с ее четкими пространственно-временными параметрами. Размывание традиционных представлений о войне, армии, поражении нарушает всю аксиологическую шкалу, при помощи которой оценивается не только военный потенциал противника, но и перспективы существования человечества.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Методологической основой исследования являются философские методы и принципы познания; метод сравнительного анализа в сочетании с принципами объективности, историзма, единства исторического и логического, единства теории и практики, диалектики объективного и субъективного факторов истории.

Решение изучаемых проблем осуществляется также на основе общенаучных исследовательских подходов (системного, структурно-функционального, деятельностного) и общенаучных методов: синтеза, анализа, методов логического и исторического анализа, индукции, дедукции,

идеализации и др. В работе нашли отражение положения и выводы по исследуемой проблеме, содержащиеся в трудах отечественных и зарубежных исследователей.

Значительное теоретико-методологическое влияние на разработку проблем оказали следующие труды:

1) работы современных западных философов по исследованию категории прогресса в контексте реалий западного общества (Р. Нисбет, Р. Мертон, Т. Кун, Р. Дарендорф, П. Штомпка);

2) произведения ведущих западных теоретиков постиндустриального общества, в которых исследуется направление прогресса в современных условиях (Д. Белл, Р. Арон, О. Тоффлер, П. Дракер, Дж. Гэлбрейт, А. Этциони);

3) работы современных российских философов, исследующих проблему прогресса в историческом и историософском плане (А.П. Бутенко, И.А. Гобозов), а также в плане культурологическом (А.С. Панарин).

Автор опирался на методы познания, разработанные в социально-гуманитарном знании и апробированные социальной практикой – структурный, синергетический, сравнительный, исторический. В то же время в диссертации использовалась системная методология, применение которой обусловлено характером военного прогресса как системного социального изменения, не сводимого к простой совокупности отдельных тенденций и процессов.

В анализе влияния военного прогресса на современное российское общество, проявляющееся преимущественно посредством возникновения новых рисков и вызовов, использовались элементы рискологической методологии в ее социокультурном направлении, представленной в трудах

У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, О. Яницкого, В. Светлова. Кроме того, при решении указанных задач автор опирался на многочисленные отечественные исследования, посвященные проблемам прогресса, в частности, на работы О. Астафьевой, В. Межуева, В. Федотовой и др.

Для данного исследования является важным тот факт, что военный прогресс, который является важной частью социального прогресса, раскрывается в рамках социальных и гуманитарных наук, поскольку исследуется с социально-философских позиций, представляя собой способ выживания и устойчивости общества.

Исследование военного прогресса предполагает наличие особого методологического базиса, в основе которого лежит диалектическое единство военных традиций прошлого и современных концепций. Диалектика позволяет выявить наиболее общие закономерности развития общества, его противоречивый характер, проявляющийся в единстве старого и нового как противоположных тенденций, определяющих динамику военного прогресса на фоне различных социальных процессов.

В решении поставленных задач диссертант опирался на положения о диалектическом единстве материальных и духовных сторон деятельности человека и взаимодействия различных общественных структур. Решение рассматриваемых в исследовании теоретических проблем осуществляется с позиций фундаментальных принципов диалектики – принципа единства мира, принципа всеобщей связи и принципа развития.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что обоснованные в ней выводы и предложения развивают и дополняют ряд положений социальной философии; полученные в диссертационной работе результаты могут быть использованы для дальнейших теоретических исследований по проблеме общественного прогресса.

Научно-теоретическая значимость исследования определяется актуальностью проблематики, связанной с общественным прогрессом, а также тем, что полученные в ходе него результаты способствуют углублению сложившихся теоретических представлений о военном прогрессе, различных его аспектах, проявлениях и последствиях для отдельных стран и мира в целом.

Полученные в результате диссертационного исследования теоретико-методологические результаты позволяют осмыслить проблему общественного прогресса, направленного на осуществление синтеза гуманитарно-социологического и естественно-научного знания в направлении исследования всеобщей связи явлений.

Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при переосмыслении некоторых положений таких основополагающих документов, как Военная доктрина, Стратегия национальной безопасности и т.п.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в образовательном процессе при чтении курса социальной философии, а также в разработке философских и гуманитарных спецкурсов для студентов и аспирантов различных специальностей.

Изучение особенностей военного прогресса могут быть полезны в процессе преподавания курсов «Социальная философия», «Политология», «Социология», «Конфликтология», «Геополитика» и т.д. при чтении лекций и проведении практических занятий.

Апробация работы

Основные положения диссертационного исследования и полученные результаты изложены в 3 авторских научных монографиях, научных публикациях, докладах на научных конференциях: 10-я Всероссийская

научно-теоретическая конференция «Россия в глобальном мире» (С-Петербург, 2012); Международная научно-практическая конференция «Международные отношения и интеграционные проекты на постсоветском пространстве» (Днепропетровск, 2012); 2-я Всероссийская научная конференция «Сибирский философский семинар» «Интеллектуальный потенциал Сибири для развития России: Философия-Наука-образование» (Красноярск, 2012); Международная научно-практическая конференция «Система ценностей современного мира» (Новосибирск, 2012); Всероссийская научная конференция третий сибирский философский семинар общество знания: философия, управление, образование» (Томск, 2013); Международная заочная научно-практическая конференция «Наука, образование, общество: тенденции и перспективы» (Москва, 2014) и др.

Работа обсуждалась на кафедре глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета.

Структура диссертации

Структура работы определяется целью исследования, а также последовательностью решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, которые включают в себя двенадцать параграфов, заключения, библиографического списка, насчитывающего 480 наименований.

Глава 1. ВОЕННЫЙ ПРОГРЕСС КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

Для современного глобального мира характерен кризис как в политической, так и в социокультурной сферах, что отразилось на понимании сути и перспектив общечеловеческого прогресса, включая и военную область. Именно в этих условиях военный прогресс должен выступить в качестве одного из факторов социальной стабильности, выполняющего функции интеграции, консолидации различных поколений, народов и социальных групп.

Исследование военного прогресса на историко-философском, культурологическом и историософском материале дает возможность выявить новые подходы к анализу современной обстановки в стране и за рубежом, четкого определения места и роли каждого общества в глобальном мироустройстве.

Причины взаимозависимости общечеловеческого прогресса и военного прогресса достаточно очевидны, в частности, воздействие военной техники на жизнь общества наблюдается всегда и определяется исторически сложившимся уровнем культуры. Тем не менее взаимообусловленность военного и общественного прогресса носит сложный, многоплановый характер. Военный прогресс во многом обуславливает политический режим, что, в свою очередь, является существенным фактором направленности всего общественного прогресса. В условиях возросших геополитических угроз исследование путей взаимодействия военного прогресса и развития общества представляется особенно актуальным.

Исследование особенностей военного прогресса позволяет выработать новые подходы к решению целого ряда актуальных и многозначимых задач,

выдвигаемых на передний план современной социальной практикой, к примеру, проблемы войны и мира, устойчивого развития и т. п.

Анализ военного прогресса имеет принципиальное значение не только для извлечения уроков из прошлого, но также для адекватного понимания современности и социально-философского прогнозирования будущего.

В данной главе исследуются социально-философские проблемы, связанные с понятием военного прогресса и особенностями его научного анализа в различных концепциях.

1.1. Понятие военного прогресса

Военный прогресс – направление развития, характеризующееся переходом армии и сопутствующих ее структур от низшего к высшему, а также от менее совершенного к более совершенному. В связи с этим в исследовании необходимо: 1) изложение основных проблем теоретического описания военного прогресса; 2) формирование понятийных средств, пригодных для построения теоретической схемы военного прогресса.

Военный процесс представляет собой деятельность по защите Отечества, включающая в себя военно-техническую и духовную составляющие. Исследование военного прогресса, который является важной частью общественного прогресса, включает в себя понимание основных проблем, а также критериев развития человечества на конкретном историческом этапе.

Исследование понятия «военный прогресс» осуществляется на базе содержания понятия «прогресс», однако военный прогресс имеет свою специфику. Несмотря на разнообразие теорий прогресса, в рамках философии истории и социальной философии актуальными представляются следующие вопросы: что представляет собой прогресс и насколько

справедливо рассматривать прогресс в качестве реальности лишь позитивного развития, или более справедливо соотносить «прогресс» и «регресс» исходя из сложности и противоречивости развития. Важно исходить из тезиса, что «развитие», как философская категория, кроме понятия «прогресс» включает в себя и понятие «регресс» (от лат. *regressus* – возвращение, движение назад). Вместе с тем при анализе военного прогресса подобное разделение представляется не столь очевидным. Важно подчеркнуть, что периоды упадка и регресса военного прогресса во многом совпадают с соответствующими периодами взлёта и социального прогресса, однако имеется определенная специфика, обусловленная тем фактом, что военный прогресс может проявляться в своей крайней, разрушительной версии – войне, когда резко возрастает стимул к техническому прогрессу.

Особенности военного прогресса, а также понятий, в той или иной степени иллюстрирующих все его проявления, во многом обусловлены двойственностью самого военного прогресса. Качественные характеристики прогресса определяются социально-экономическим строем, а количественные – темпами материального и духовного производства, свойственного конкретно-историческому обществу, что в полной мере проявляется и в военном прогрессе.

Принципиальным фактором наполнения реальным смыслом военного прогресса является наука. На научной основе решаются проблемы развития общественных отношений, движения общества к социальной однородности, формирования нового человека, подъема образования и культуры, совершенствования планирования и управления экономическими и социальными вопросами и т. д.¹⁵ Дискуссии по проблемам системы военно-научных знаний, структуры и функций военной и других наук, исследующих

¹⁵ Марксистско-ленинская теория исторического процесса / отв. ред. Ю.К. Плетников. М.: Наука, 1987. С. 141.

современную войну и армию, продолжают практически весь последний современный период.

Военный прогресс не может быть полноценно исследован на уровне военной науки, которая, являясь специфической сферой человеческой деятельности, изучает стратегический характер и закономерности войны; строительство и подготовку вооруженных сил и страны к войне; способы ведения вооруженной борьбы и т. п. Исследование понятий, так или иначе связанных с военным прогрессом, предполагает понимание возможных направлений развития содержания и структуры военной науки; важно учитывать необходимость выявления и систематизации научных знаний применительно именно к указанным элементам человеческой, в том числе военной, деятельности.

Современный военный прогресс также находится под сильнейшим влиянием тех ученых, которые уверены, что в кризисном положении находится сама теория прогресса, представляющая собой один из постулатов западной науки.

Все больший интерес вызывает теория развития, обоснованная в отечественной философии, также характерная и для восточных философских систем. Принципиальное различие состоит в том, что сторонники теории прогресса исходят из принципа изменения, в то время как представители второго направления – из принципа усложнения всех социальных явлений, не исключая духовный базис общества.

Для адекватной оценки сущности военного прогресса важно учитывать, что в настоящее время существует три точки зрения на процесс развития общества в целом:

- 1) идея регрессивного развития (начиная с античной Греции);
- 2) идея прогрессивного развития (марксизм);
- 3) идея циклического развития (П. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби).

Военный прогресс может рассматриваться как позитивный в плане спасения конкретного общества от истребления, а также выступать в качестве исследовательского базиса для общественных наук.

Военный прогресс включает в себя несколько групп объективных явлений, которые так или иначе влияют на его определение:

1) философские основы войны и армии, т. е. общие основы учения о войне и армии, а также их место в общей системе других общественных явлений;

2) закономерности, формы исследования вооруженной борьбы, применяемые для выработки военно-политических концепций;

3) законы военного дела, которые учитываются социально-гуманитарными науками для выработки доктрины;

4) военные разделы, связанные с естественными и техническими науками, которые касаются военно-технического прогресса.

Полноценное исследование военного прогресса предполагает выделение его основных особенностей.

Первое особенность. Не только на уровне массового сознания, но и среди некоторых ученых проявляется не совсем корректная попытка ассоциирования военного прогресса с научно-техническим прогрессом. В первую очередь, это может проявляться в извечном соревновании в создании более совершенной техники, способной, опередив противника, уничтожить его (например, максимально мобильные носители оружия массового поражения). Именно поэтому при исследовании военного прогресса целесообразно опираться на базис, включающий в той или иной степени все принципиальные составляющие различных концепций, поскольку все они едины в том, что научно-технический вектор имеет прогрессивную направленность, ведь современное общественное развитие детерминировано развитием техники. Парадокс состоит лишь в следующем: если развитие

техники прогрессивно, то развитие общество не всегда можно назвать также прогрессивным¹⁶. Это прослеживается в развитии военного-технического потенциала, который в последнее время часто пытаются представить в качестве ведущего критерия всего социального прогресса.

Вторая особенность. Исследования военного прогресса как части социального прогресса часто идет по направлению конструирования на конкретной субъективной почве абсолютного пика проявлений этого прогресса.

Правомерно говорить о военном прогрессе, который осуществляется в двух взаимообусловленных формах: эволюционной и революционной.

Эволюционная форма подразумевает:

- частичное совершенствование существующих военных разработок;
- сравнительно медленное поступательное внедрение новых образцов оружия;
- сравнительно медленное поступательное совершенствование традиционных основ военной техники;
- медленные изменения в военной стратегии и тактике.

Революционная форма военного прогресса протекает в виде научно-технической революции (НТР), которая порождает принципиально новые технику и технологию, вызывает коренное преобразование в военной стратегии и тактике.

Как отмечалось, военный прогресс несет в себе все черты социального прогресса, однако обладает и рядом специфических особенностей.

Во-первых, не все исследователи учитывают амбивалентность самого понятия «военный прогресс», что детерминировано традиционными представлениями о прогрессе как однозначно положительном, однолинейном

¹⁶ Байдаров Е.У. Роль техники в культурно-цивилизационном развитии социума (в аспекте эволюционно-детерминистской глобалистики) // Кредо. 2009. № 4 (60). С. 100.

процессе, в то время как «война» вполне обоснованно ассоциируется с регрессом.

Во-вторых, неоднозначность понятия «военный прогресс» связана также с его сложной структурой, где, с одной стороны, принципиальную роль играет техническая составляющая, а, с другой, – не менее важна для победы гуманитарная (боевой дух армии, патриотизм и т. п.).

В-третьих, независимо от субъектов военного прогресса, он всегда носит волнообразный характер, поскольку конечной целью его является победа, а она, как демонстрирует история, – переменчива.

В-четвертых, военный прогресс часто не совсем правомерно ассоциируется с научно-техническим прогрессом, поскольку ведущие открытия, как правило, создавались и испытывались вначале в военной области.

Проводя анализ военного прогресса в качестве важной части общечеловеческого прогресса, нельзя игнорировать социальные перемены XX в. Военный прогресс во многом обусловлен в социальной области тремя принципиальными факторами, которые во многом обуславливают развертывание военного прогресса.

1. В современном мире вектор социального развития все более смещается в сторону динамичных микросоциальных общностей, поскольку на первое место выдвигается индивидуально-личностный выбор человеком такой социальной общности, которая является максимально комфортной. Во многом подобная тенденция обусловлена попыткой сохранения потребительского образа жизни, что является оправданием для удержания военного прогресса на должном уровне. Этим, в частности, объясняется близорукая позиция западного обывателя, который, как правило, одобряет военную агрессию против суверенных держав, если она прикрывается «общечеловеческими ценностями».

2. С позиций социальной эволюции XX в. представляет собой довольно противоречивую картину, поскольку две мировые и десятки региональных войн периодически востребовали высокий уровень военного прогресса, вплоть до развертывания милитаризации, однако военные заказы стимулируют производство, повышают занятость, снижая при этом уровень социальной энтропии.

Указанные факторы во многом являются детерминантами, которые стимулируют военный прогресс современности.

Проблема операционализации понятия «военный прогресс» не замыкается исключительно на проблеме войны и мира, при всей ее безусловной первоочередности. Закон прогрессивного развития общества в разрезе военного прогресса проявляется в сложных противоречиях, поскольку представляет собой не беспрепятственный процесс, а преодоление регрессивных тенденций. Причем между разными сторонами общественной жизни могут возникать несоответствия в направленности. Рождение в обществе прогрессивного одновременно приводит к потере каких-то элементов, необходимость которых обусловлена борьбой социальных систем. Однако понятие реакции, т. е. появление событий, несущих на себе печать старого, отмирающего, включает в себя консерватизм как состояние застоя и реставрации, которая представляет движение общества вспять, временную победу реакционных сил над неокрепшими прогрессивными силами¹⁷.

В разрезе военного прогресса подобные тенденции имеют свою специфику. Во-первых, гипертрофированное увлечение развитием военной техники может одновременно оцениваться и как критерий всего общественного прогресса и как его тормоз. Это связано с тем, что максимально полное взаимодействие науки и техники проявляется именно в военной отрасли, тем более, что наиболее перспективные открытия рано

¹⁷ Николаева Л.В. Типы социального прогресса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 7.

или поздно используются в образцах мирной продукции. Во-вторых, военный прогресс, имея скачкообразный характер, поскольку во многом обусловлен внешними угрозами, не может в полной мере отразить все сферы разнообразной деятельности социума как прогрессивные. В-третьих, военная сфера представляет собой самую закрытую сферу общественного развития, поэтому о реальном уровне военного прогресса судить бывает крайне трудно. В-четвертых, в зависимости от мировой и внутренней обстановки уровень военного прогресса, используя СМИ и другие информационные технологии современные технологии, можно позиционировать как завышенный – в условиях внешней угрозы и явно заниженный, если требуется сыграть миротворческую роль или успокоить собственную общественность, недовольную социальной политикой властей.

Отечественные исследования социального прогресса основываются на диалектической традиции, которая развивает лучшие тенденции общественных наук. Так, принципиальным представляется определение Н.В. Устрялова: «Прогресс есть развитие к лучшему, совершенствование. Но для того, чтобы знать, что такое совершенствование, нужно знать, что такое совершенство. Прогресс по самой природе своей есть понятие, выражающее некие системные потребности: он принадлежит идеалу, он обусловлен целью. «Развиваться» свойственно не только «добру», но и «злу». Следовательно, без осознания этих основных этических категорий теория прогресса обойтись не может»¹⁸. Данный аспект особо важен для понимания сущности военного прогресса, ведь в нем заложено изначально противоречие: прогресс – война. Тем не менее, придерживаясь данного определения, можно объяснить целый комплекс оксюморонов, характеризующих современный военный прогресс («красивый танк» и т. п.). Дело в том, что предельная модуляция исторического опыта в современной

¹⁸ Устрялов Н.В. Проблема прогресса. М., 1988. С. 2–3.

науке закрывается, однако, как справедливо подчеркивает К.А. Куксо, открываются другие перспективы¹⁹.

С позиций диалектики прогресс и регресс являются двумя сторонами одного процесса. Какая-то часть изменений, несмотря на общий позитивный вектор, в чем-то ухудшает нынешнюю ситуацию по сравнению с предыдущей. На это указывает, в частности, Л.А. Кох: «Сокращение объема суверенитета прерогатив государства также имеет как позитивные, так и негативные последствия. Например, большая, чем раньше, открытость границ не только обеспечивает развитие торговли, но и способствует распространению терроризма, облегчает наркотрафик. При этом баланс плюсов и минусов различен для разных стран, регионов, территорий и даже слоев общества»²⁰.

Учет подобных тенденций в разрезе исследования военного прогресса предполагает исходить из естественности противостояния человеческих общностей и, соответственно, – закономерности войн как части социального прогресса.

Будучи включенным в социальный прогресс, военный прогресс отражает острые вопросы современности: имеет ли человечество единую линию развития и во что должны вылиться противоречия, раздирающие сейчас человечество. Т.В. Панфилова уверена, что «всемирная история обретает человеческое содержание только в том случае, если реализуется гуманистическая тенденция»²¹. Однако эта тенденция вполне согласуется с постоянной потребностью в определенном уровне военного прогресса, разворачивание которого всегда можно оправдать. Кроме того, военный прогресс тесным образом связан с кризисными состояниями общества, когда

¹⁹ Куксо К.А. Фигуры народа: генеалогия исторического агента // Credo new. 2006. № 2 (46). С. 52.

²⁰ Кох Л.А. О конфликте глобальных интересов и национальной безопасности в России // Военная мысль. 2011. № 6. С. 16.

²¹ Панфилова Т.В. Проблема смысла истории // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 20.

наиболее ярко проявляется, в частности, общество риска. Под обществом риска понимается особый тип организации современных обществ с высоким уровнем сложности и неопределенности общественных процессов, социокультурных структур, вызванных распространением компьютерных технологий и достижений посткнижной культуры²². Современное общество риска – это мир, полный парадоксов нелинейного развития постиндустриальной цивилизации²³, а Россия – общество всеобщего риска²⁴. Заменяя понятие «общество риска» понятием «рискогенное общество», В.Б. Устьянцев отмечает, что последнее понятие отражает природу рисков как состояний конкретных общественных ситуаций²⁵. Россия оказывается устойчивой зоной рискогенного пространства, которая порождает «системные риски». В первую очередь, естественно, имеется в виду проблема экономической устойчивости, однако в глобальном мире она неразрывно связана с геополитическими трансформациями. В таком ракурсе правомерно говорить о тесной взаимосвязи риска и военного прогресса, что можно отнести к отдельному вектору исследования.

В концепции А. Тойнби военный прогресс выглядит более автономным, ведь основной принцип, которого он придерживается, состоит в отрицании того, что цивилизованное общество может рассматриваться как единый прогрессивный процесс. С точки зрения этого ученого, более реальной является история отдельных и независимых друг от друга цивилизаций, которые не являются ступенями единой человеческой истории.

²² Устьянцев В.Б. Предмет, категориальные ряды и концепции социальной рискологии // Общество риска: стратегии управления и альтернативные стили мышления / под ред. В.Б. Устьянцева, М.О. Олова. Саратов: Наука, 2009. С. 14.

²³ Кара-Мурза С.Г. Катастрофы, хаос, развитие. М.: Смес, 1998. С. 41.

²⁴ Яницкий О.Н. Россия как общество всеобщего риска [Электронный ресурс]. URL: ecsocman.lise.ru/data/853/685/1219/019_yanit_ski.pdf

²⁵ Устьянцев В.Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов: Изд-во Саратовского. ун-та, 2006.

Научный подход к военному прогрессу выводит на первый план вопрос: если существует на сегодняшний день реальный прогресс, единство которого обеспечивалось бы человеческой деятельностью, то какое место в нем занимает военный прогресс. Дело в том, что всемирно-исторический процесс складывается естественным образом и не нуждается во внеисторической силе для поддержания своего единства, однако в этом случае встает вопрос о его человеческом содержании и смысле. Отсюда следует, что милитаризация в мирное время может являться результатом неправомерной политики представителей власти, т. е. военный прогресс будет зависеть от сугубо субъективных факторов. В этом случае проблема социального прогресса превращается в проблему гуманизации всемирно-исторического процесса, наполнения его человеческим содержанием, и отпадает надобность искать смысл в заоблачных далях.

В своей книге Х. Ортега подчеркивает, что «...всякое общество – это динамичное единство двух факторов, меньшинства и массы...»²⁶. С этой точки зрения также стоит рассматривать военный прогресс, поскольку в бою побеждают батальоны, однако происходит это во многом благодаря талантливому плану великих полководцев. Военный прогресс при таком подходе не входит в перечень первоочередных признаков цивилизованности. Он позиционируется как некая связующая между человеком естественным и человеком «цивилизованным», ведь войны были всегда и в современных условиях становятся все более изощренными.

В советское время в рамках марксистско-ленинского учения о войне и армии сложилась достаточно организованная система взглядов на происхождение и характер войн. Все военно-политические процессы и явления рассматривались с классовых позиций и в рамках основного противоречия

²⁶ Ортега Х. Восстание масс. М., 1997.

эпохи противоборства социализма и капитализма²⁷. Именно диалектический метод предполагает определенное состояние отношений, которое формируется в результате тех или иных действий этих субъектов²⁸.

Естественно, что военный прогресс в марксистской интерпретации имеет свою специфику.

1. Признание марксизмом скачкообразного характера развития общества при помощи революций накладывается на изначальную неравномерность военного прогресса, обусловленную ростом или падением внешних военных угроз.

2. Важнейшая составляющая военного прогресса, проявляющая себя в количестве и качестве военной техники, также согласуется с ведущим постулатом марксизма – насилием.

3. Гипертрофированное возвышение экономики, характерное для марксизма, приводит к недооценке духовного фактора, что в полной мере проявляется в современных западных армиях.

Военный прогресс, являясь важной составляющей общественного прогресса, в той или иной степени опирается на развитие материально-производственной подструктуры общественной жизни. Именно поэтому так важно выявить механизм и источники его, что служит исходной основой изменения самого алгоритма развертывания военного прогресса.

Здесь стоит отметить одну из самых сложных проблем, с которыми сталкиваются исследователи военного прогресса, – определение его критериев. Если трактовать военный прогресс с позиций рационализма, то его представители исходят из господствующих стереотипов и принимают все проявления окружающей действительности, отыскивая в них рациональный смысл. Военный прогресс при таком подходе в большей мере проявляет себя

²⁷ Тюшкевич С.А. Война и современность. М.: Наука, 1986. С. 198.

²⁸ Махонин В.А. К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль, 2011. № 4. С. 5.

в мирное время, поскольку выполняет роль фактора, сдерживающего военные конфликты, которые в любом случае могут рассматриваться как пример регрессивного поворота. Второе направление – это сторонники внерациональных форм проявления военного прогресса, для которых военный прогресс выступает как стихийное явление, не поддающееся рациональному объяснению.

Проблема адекватности определения и оценки военного прогресса связана также с тем, что линейно-прогрессивная схема общественного прогресса, принятая в западной системе ценностей, часто не выдерживает критики, если учесть неоднозначность военного прогресса. Это связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, революционная смена социально-экономических формаций как результат перехода количественных показателей накопившейся энтропии в новое качество, предполагает определенный уровень военного прогресса, независимо от того, происходило ли реальное военное вмешательство во внутренние дела суверенных государств или нет.

Во-вторых, помимо институционального переворота, который может быть спонтанным, революционные преобразования, как правило, растягиваются во времени, когда многое решает именно определенный уровень военного прогресса.

В-третьих, мерой социального прогресса становится не решение социальных проблем, а система промышленного производства, которая определяет общественное устройство.

Определение критерия социального прогресса является самой сложной проблемой социальной философии, поскольку ответ на этот вопрос вызывает цепную реакцию – появляются новые проблемы. Все они в той или иной степени затрагивают вопрос о сущности прогресса, а также его роли в жизни общества. Если при оценке социального прогресса исходить из одной

парадигмы, оценивая определенные периоды, однако отрицать при этом проблему прогресса как совершенствования, то при таком подходе не удастся определить вектор социального прогресса и однозначно оценить его. Не в меньшей степени проблема критерия актуальна для военного прогресса. Более того, она усугубляется, поскольку в этом случае потребительская составляющая не является столь очевидной.

Экономический критерий прогресса не может быть всеохватывающим, поскольку он не учитывает особенностей невестеризированного мира. Вот почему в качестве критерия должен выступать общесоциологический, общий для всех сфер общественной жизни, включающий, в частности, и духовные ценности. Однако подобный критерий может быть достаточно абстрактным, потому что в этом случае предполагается довольно высокий уровень гуманизации общества. Это может служить основанием для определения эмпирически-конкретных факторов социального прогресса, а также для выяснения показателей прогресса, которые могут быть прагматическими и локализованными. По сути все показатели, фиксирующие поступательное движение общества вперед, могут рассматриваться как эмпирические свидетельства социального прогресса. Например, показатели общественного прогресса дифференцируются по экономической, технической, экологической, политической и культурной сферам.

Алгоритм развертывания военного прогресса можно проследить на примере возникновения новых военных угроз и соответствующей реакции на них. Концепции социальных изменений имеют различные формы, но в общем они также стремятся доказать, что исторические преобразования не имеют общей поступательной характеристики. Это в полной мере касается и военного прогресса, поскольку:

- 1) кривая военного прогресса является более ломаной и стремительной, чем кривая общественного прогресса, поскольку он зависит не только от

объекта, но и от субъекта (например, одностороннее сокращение армии в СССР);

2) конкретные проявления военного прогресса менее заметны, чем общественного;

3) военный прогресс бывает настолько плотно встроенным в общественный прогресс, что вычленив его для отдельного анализа не представляется возможным.

При детальном рассмотрении прогресса человечества в целом на первый план выходит поступательное ускорение развития. Исходя из данных о хронологической продолжительности последовательно сменяющих друг друга эпох, обнаруживающей ускорение ритма истории, и следует рассматривать проблему военного прогресса в обществе. В частности, развитие военной техники сопровождало человека практически с момента его появления в природе и со временем развитие переросло в конкретизированный «технический прогресс», а затем и в «научно-технический», пройдя путь восхождения «от простого – к сложному». Преувеличением будет отождествлять технический прогресс с общественным прогрессом, измеряя последний количеством выпущенной бытовой техники, поскольку это является неправомерным распространением одной отдельно взятой стороны явления на все явление в целом. Пессимизм, неверие в прогресс, характерные для отдельных концепций и на уровне обыденного сознания, сказывается в утверждениях, что человечество погибнет из-за чрезмерного техницизма, что можно рассматривать одновременно в качестве причины и следствия военного прогресса.

Принципиальный аспект определения сущности военного прогресса как важной части социального прогресса состоит в том, что закономерности развития всякого общества объективны и основаны на разворачивании в ходе истории его позитивного социального потенциала. Жизнеспособность

общества самостоятельно находит возможность возвращения к своей определенности посредством изживания негативных внешних воздействий и внутренних очагов социальной энтропии²⁹. Трудно не согласиться с этим утверждением Д.Е. Григоренко.

Как показывает история, военный прогресс концентрирует в себе противоречия, как отношения между противоположностями, позволяющие развиваться любой социальной системе. Однако «...в однополярном мире, в условиях монополии силы, ни о каком мирном развитии не может быть и речи, потому что любое слабое звено в военном отношении государство почти автоматически превращается в потенциальную жертву. Эта вероятность еще более усиливается, если страна обладает серьезными запасами энергоресурсов»³⁰.

Понятно, что говорить о социальном прогрессе в периоды войн мы можем с определенными оговорками, поскольку чрезвычайный взлет военного прогресса – это всегда удар по экономическому базису общества. Из этого следует, что исследование военного прогресса только на уровне фактических, статистических данных не всегда дает адекватную картину мировой истории³¹. Рациональная сторона военного прогресса детерминирована тем фактом, что способом бытия людей в обществе, формой их самоутверждения и развития в мире является общественно-историческая практика. Основу общественно-исторической практики людей составляет их деятельность, в ходе которой осуществляется не только активное преобразование, изменение природных и социальных условий жизни людей, но и их самих, что имеет свою специфику в разворачивании военного прогресса. Однако в условиях XXI века военный прогресс

²⁹ Григоренко Д.Е. Аграрные реформы П.А. Столыпина в контексте современного социального мифотворчества // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 69.

³⁰ Махонин В.А. Укрепление обороноспособности страны: некоторые положения теории и истории // Военная мысль. 2011. № 7. С. 64.

³¹ Более детально об этом – во второй и третьей главах данного исследования.

становится все более непредсказуемым, поскольку многие малые страны в состоянии не только генерировать прогрессивные идеи, но также аккумулировать интеллектуальный капитал. Это также проявилось в росте взаимозависимости между различными регионами, что оказывает все возрастающее воздействие на социальную действительность отдельных стран. Различные факторы международного уровня в виде экономических, культурных и политических противоречий под влиянием информационного обмена все больше хаотизируют окружающую действительность, ставя под сомнение целесообразность единой аксиологической шкалы для всего человечества. Это постепенно становится основным источником военного прогресса, однако проявления военного прогресса и тем более его сущность все более будут ускользать от взгляда ученого.

Понимание роли военного прогресса в решении судеб человечества – важнейшее условие современного развития. Для решения насущных проблем человечества – проблем мира, социального и духовно-нравственного обеспечения современного научно-технического развития – недостаточно одного осознания, нужны еще и соответствующие социальные организации, а также система международных отношений, в которых могла бы реализоваться творческая активность людей.

Обобщая основные подходы к определению военного прогресса, можно сделать вывод, что военный прогресс является важной и актуальной социально-философской проблемой, решение которой обеспечивает должный уровень защищенности от внутренних и внешних угроз. Кроме того, военный прогресс обладает важным праксиологическим качеством и имеет тесную связь с общечеловеческим прогрессом и общественной практикой.

Адекватное определение ведущих черт современного военного прогресса невозможно вне анализа роли государства и всех его структур

в глобальном мире. Сегодня становится очевидным, что традиционное государство распадается, поскольку перестает справляться с важнейшими военно-политическими функциями. С другой стороны, для страны, не обладающей мощным ядерным потенциалом, такое государство попросту не нужно, потому что не может защитить себя от ядерной угрозы. Для ядерной державы оно также в каком-то смысле избыточно, поскольку для обслуживания ядерного оружия на самом деле нужно гораздо меньше людей и производственных мощностей, чем для содержания обычных вооруженных сил. С другой стороны, «классическое» громоздкое государство оказывается почти беззащитным против терроризма и родственных ему форм.

Таким образом, военный прогресс представляет собой последовательное и направленное изменение составляющих общества согласно действующим критериям от одного состояния к другому, каждое из которых выступает более высоким уровнем безопасности социума в разрезе внешних угроз, чем предыдущее, и не находится в противоречии с базовыми общественными ценностями. Вместе с тем, военный прогресс включает в себя изменения в тех областях, которые иллюстрируют специфику функционирования общества по защите своей идентичности или претензию на чужую идентичность.

1.2. Основные типы военного прогресса

Военный прогресс обусловлен социальными изменениями, поскольку общество – это многокомпонентная система, и в реальной его жизни сам процесс развития противоречив, соответственно, противоречиво и направление военного прогресса. Это значит, что в жизни каждого общества может быть рывок в одних сферах общества и отставание или даже регресс – в других, что довольно несложно определить в каждом отдельном случае.

Для какой-то конкретной сферы жизнедеятельности на определенном отрезке времени и определенных пространственных границах, если соотносится выдвинутая цель развития и реальная ситуация в движении к этой цели. Такое понимание прогресса представляет собой арифметическую сумму прогрессов в различных сферах общественной жизни, не требует какой-то общей шкалы измерений (единого критерия). На практике же очень сложно определить прогресс для исторического развития общества в целом. Для того чтобы раскрыть интегральную природу социального прогресса, необходим общий критерий, с помощью которого можно было бы показать, что человеческая история неуклонно следует по пути прогресса. Однако содержание ведущих определений, которые характеризуют степень прогрессивности общества, а также военного прогресса в значительной степени зависит от типа общества.

Военный прогресс напрямую связан с теорией социальной энтропии, поскольку важная характеристика состояния социальной системы связана с неравновесностью, вызванной колебанием между порядком и хаосом. В понимании военного прогресса эта нестабильность часто проявляется как противоречие между инстинктом самосохранения общества и его подсознательному стремлению к гибели. Следствием подобных тенденций становятся региональные конфликты, грозящие перерасти в глобальную войну, что, естественно, стимулирует военный прогресс.

Критерием для классификации военного прогресса выступают исторические традиции, менталитет, а также уровень социальной энтропии, складывающийся в конкретной стране под влиянием внешних факторов. Военный прогресс должен соответствовать тому типу общества, в котором он разворачивается. В этом контексте существуют три основных научно-концептуальных подхода в рамках теоретической разработки понятия «военный прогресс»:

- 1) основан на принципах консервативной методологической традиции;
- 2) разработан на основе либеральной методологической традиции;
- 3) основан на принципах диалектической (отечественной) концепции управления обществом³².

В процессе раскрытия содержания понятия «военный прогресс», выявляется специфика западной и отечественной традиции. В каждом отдельном случае параметры военного прогресса задаются посредством господствующих форм опыта, который получен с помощью адекватных стандартов естественности, социальности. Следовательно, военный прогресс детерминирован определенным подходом, который способен развернуть адекватную жизни общества тактику и стратегию как в условиях войны, так и в периоды мирного сосуществования.

На особенности становления того или иного типа военного прогресса влияет тот факт, что в современном мире формируется теоретическая модель естественноисторического процесса, основанная на таких понятиях, как «мера», «количество» и «качество». Посредством этой модели требуется выработка познавательного алгоритма законов развития общества, которые определяют норму естественно-исторического процесса, а также разработка соответствующей методологии.

Каждое общество в военной сфере общественной жизни имеет ряд отличий от других по основаниям стандартов естественности общества. Схематически основания для типологизации военного прогресса можно представить следующим образом. В западноевропейской интерпретации военный прогресс является следствием становления мира, представляющего собой порядок из хаоса. Поскольку зло заложено в самой природе, то главная

³² Григоренко Д.Е. Научное управление обществом в системе основных проектов науки // Теория и история. 2011. № 2. С. 62.

функция военного прогресса состоит в приобщении «варваров» к «цивилизации», что может проявляться в «гуманитарных бомбежках» и т. п.

Большое значение для определения типов военного прогресса имеют геополитические факторы, в которых сконцентрирован комплексный подход к интерпретации международных отношений на основе принципиального и неснимаемого цивилизационного дуализма. – Суши либо Море, «теллуократия» либо «талассократия»³³. Несмотря на некоторую противоречивость концепции А. Дугина, стоит согласиться, что современный военный прогресс является следствием противостояния, которое в последние десятилетия приобретает крайние формы.

В плане исследования различных типов военного прогресса важно подчеркнуть неоднозначную роль элиты в этом процессе, поскольку «для элиты социальный прогресс не является целью. Следуя идеалам технократического детерминизма, элита изобретает законы становления общества, тогда как социальный авангард коллективистского общества следует естественным законам общественного развития. Он создает благоприятные условия для социального прогресса»³⁴. В связи с этим важно отметить, что проблема военного прогресса оказывается первичной и наиболее фундаментальной для смены типа дальнейшего развития страны и цивилизации в целом, что также чрезвычайно актуализирует вопросы, связанные с военным прогрессом.

Особенности военного прогресса наступления.

Военный прогресс наступления может быть адекватно изучен, если он воспринимается как реализация общественных договоров, которые заключены между правителями и обществом. При реализации подобного подхода военная деятельность рассматривается политическими деятелями

³³ Дугин А.Г. Геополитика. М.: Акад. Проект, Гаудеамус, 2011.

³⁴ Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. Красноярск, 2001. С. 23.

как механическая, когда внешние действия оказываются оторванными от духовных корней общества.

Военный прогресс в соответствии с принципом антропоцентризма предстает в качестве определенной технологии формирования максимально благоприятных условий, направленных на реализацию определенных материальных ценностей. Это стимулирует протекание военного прогресса в его самых агрессивных формах, а управление обществом реализуется на основе сконструированных принципов. Таким путем формируется понятие о «врагах Америки» (например, исламский мир и т. п.), от которого – один шаг к реальной региональной войне. Дело в том, что степень адекватности военного прогресса в жизни западных обществ, как правило, зависит от случайного совпадения теоретических принципов (договоров) с ее реалиями. Как справедливо подчеркивает Т. Мельникова: «Принципы антропоцентризма и дуализма характеризуют метафизический метод, который предполагает изучение явлений изолированно друг от друга, а источником развития является столкновение внешних противоположных сил»³⁵. Именно на этой основе разворачивается военный прогресс, провоцирующий потенциальные войны, что обусловлено все нарастающим культом потреблением.

Военный прогресс наступления предполагал необходимость ведения войны с целью включения других стран в сферу своих интересов ради накопления ресурсов. Наступательный военный прогресс ясно и последовательно отражает стандарты западного сознания периода постмодерна, т. е. такие концепты, как «конфликт цивилизаций», «конец истории», «золотой миллиард». Они разрабатываются теми, кто намерен навечно закрепить свое господствующее положение в будущем мире.

³⁵ Мельникова Т.В. Древнегреческая философия как протофилософия права // Теория и история. 2011. №2. С. 125.

Западные культурно-мировоззренческие ориентации строятся на опорных категориях «индивид – гражданское общество – право – рынок – прогресс – свобода-разум», то восточные – на таких универсалиях, как «государство-традиция-иерархия-порядок вера-стабильность». Своеобразие российских культурно-мировоззренческих ориентаций образует базовые элементы: «общество – государство-мир (умиротворение) – духовность – всеединство – совесть – справедливость». Кроме того, имеются свои особенности на региональном уровне.

В обществе потребления западного типа естественным состоянием является состояние вражды и соперничества, поэтому военный прогресс здесь разворачивается как реализация естественного права на агрессию по отношению к более слабым обществам. Подобное право обуславливает целый ряд отличительных черт военного прогресса, реализуемого в пределах и в интересах данного общества. В конечном счете, он приобретает черты военного агрессивного военного прогресса, военного прогресса наступления, диктата и т. п.

Запад подталкивает мир к войне, поскольку западное общество основано на принципах «цивилизованного» воплощения принципа «войны всех против всех», высказанного Т. Гоббсом: «Если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами»³⁶. И. Кант, продолжая развивать идеи Гоббса, указывает, что: «... как состояние беззаконной внешней свободы и независимости от принудительных законов есть состояние несправедливости и войны всех против всех, из которого человек должен выйти, чтобы вступить в политически-гражданское состояние, так и этически естественное состояние есть публичная взаимная вражда принципов добродетели и состояние

³⁶ Гоббс Т. Человеческая природа // Сочинения в 2 т. М., Мысль. 1989. Т.1. С.507 – 573.

внутренней безнравственности, из которого естественный человек должен стараться выйти как можно скорее»³⁷.

В условиях социального антагонизма и неравенства субъективность не может быть единой. Это означает, что общество, сформировавшееся на подобных принципах, не может подняться на борьбу с агрессором столь единодушно, как это происходило в нашей стране в годы Отечественной 1812, Великой Отечественной войн. Существующие для данного поколения объективные условия – это результат практики предшествующих поколений. Изменение же этих условий – это опять-таки деятельность развивающегося человечества.

Военный прогресс наступления обусловлен также тем фактом, что защитники индивидуалистического общества в течение многих столетий убедительно отстаивают преимущества правового государства. Это означает, что те или иные агрессивные действия могут быть обусловлены не реальной обстановкой, а надуманными, оторванными от жизни правилами, зафиксированными в соответствующих документах.

На формирование военного прогресса наступления оказывает влияние тот факт, что обе сферы общественного сознания – правовая и нравственная – находится в отношении дополнительности друг к другу. Следуя этому пониманию, люди строят государственную жизнь так, как если бы она сводилась к известным, механически осуществляемым, внешним поступкам, оторванным от внутреннего мира и от духовных корней человека, наличие или отсутствие этих внешних поступков должны быть, по их мнению, обеспечены какими угодно средствами и какою угодно ценой – насилием или страхом, корыстью или наказанием; и к этому будто бы сводится все: только бы люди повиновались, только бы вносили налоги, только не совершали бы преступлений и не творили беспорядков, – а остальное неважно. Именно здесь

³⁷ Кант И. Сочинения. В 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 102.

кроются корни пренебрежительного отношения представителей западной цивилизации к другим самодостаточным цивилизации, которые можно и нужно бомбить только из-за несоответствия их вестернистскому вектору развития человечества.

Социальный порядок в западной традиции – это мир социального неравенства: в способностях, возможностях, экономическом положении и т. п. Такая дифференциация и рождает социальную динамику, однако утопические идеи ликвидации социального неравенства позиционируются в этом контексте как путь к хаосу, конечной целью которого выступает энтропийная смерть. Можно констатировать, что военный прогресс представляет собой довольно наглядный пример тенденций борьбы с энтропией. «Системный кризис тем и отличается, что система не способна адекватно реагировать на вызовы. В процессе такого реагирования система себя не лечит, а калечит. То, что антикризисная экономическая политика лишь углубляет кризис, – это банальность. Но именно политическая система является непреодолимым препятствием к выбору любых других вариантов «антикризисной политики, кроме паллиативных»³⁸.

Главная опасность для развития общества, которая может стимулировать военный прогресс, заключается не в столько в усложнении региональных конфликтов, сколько в энтропийной тяге к усреднению. Однако в глобальном мире критерии социального различия проявляют себя в качестве характеристики образа жизни. Отсюда следует, что «порядок и беспорядок не противостоят один другому, т. е. энтропийный хаос не обязательно является хаосом в общем смысле слова, так как имеет место «стабильная иерархия». Другими словами, требование стабильности ведет к структурным неравенствам. Следовательно, неравенство (негэнтропийный

³⁸ Леонтьев М.В. Идеология суверенитета // Однако. 2013. Август–сентябрь. С. 8.

порядок) неизбежно в обществе, стремящемся к однородности и устойчивости (энтропийный хаос)»³⁹.

Для современного военного прогресса наступления характерен постепенный отход от геополитики, он смещает акцент войны с пространства на время. Как экономика масштаба сменяется экономикой скорости, так и продолжительная война уступает место короткой, даже молниеносной, поскольку цивилизационные, конфессиональные, этнокультурные и прочие различия часто обостряют взаимоотношения между народами, провоцируя конфликты регионального уровня. Однако не сами различия, а агрессивное неприятие их различий на различных уровнях может стать стимулом для военного прогресса.

Новая темпоральность молниеносных войн индуцирована информационными технологиями, действующими в наносекундном режиме. Скорость, синхронность и одновременность становятся решающими факторами, определяющими успех военных операций. В частности, они принципиально возражают против распространенного тезиса, согласно которому в демократических, технологически продвинутых странах вызрело неприятие войны. Важно подчеркнуть, что после Второй мировой войны в мире произошло более 250 локальных войн и крупных вооруженных конфликтов, и практически все они проведены или спланированы такой, можно сказать, «образцово цивилизованной» страной, как США. В каждой локальной войне их армия считала для себя приемлемым применять все имеющиеся в ее распоряжении виды оружия, в том числе такие, как напалм (в Корее и во Вьетнаме), геофизическое, биологическое оружие и другие самые варварские средства поражения. Так, во время Второй мировой войны без какой-либо потребности американцы применили атомные бомбардировки японских городов.

³⁹ Вершков А.В. Социальная энтропия // Теория и история. 2007. № 2. С. 193.

Внедряя западное теоретическое творчество в отечественное общественное сознание, сторонники военного прогресса наступления пытаются оправдать свою агрессивность по отношению к суверенным странам необходимостью приобщения к «цивилизации», трактуя все неевропейское как отсталость, невежество и т. п., носители которого могут быть объектом «гуманитарных бомбежек».

Особенности военного прогресса обороны

В обществе созидания естественность проявляется в виде усовершенствования общественных отношений, поэтому военный прогресс здесь формируется преимущественно как прогресс обороны.

С позиций восточной философии военный прогресс отражает мир, который изначально носит совершенный характер. Поскольку зло потенциально заложено в деятельности самого человека, то необходимо обуздать источники зла в отдельном человеке посредством коллектива, базирующегося на традициях. Военный прогресс в этом случае свидетельствует об определенной стабильности внутренней и внешней жизни общества, примером чему может служить Китай.

Восточные традиции нашли свое отражение и в жизни наших предков. Военный прогресс в славянской традиции является естественным результатом развития общества, которое убеждено, что добро и зло являются частью мироздания. Человек в состоянии усиливать или ослаблять каждую из них через способы взаимодействия с обществом, а природа человеку не может быть подчинена. Поскольку традиции конкретного общества обусловлены географическими, климатическими, историческими и прочими факторами, то навязывание своей аксиологической шкалы даже насильственным путем теряет смысл. Именно поэтому военный прогресс обороны здесь представляется более востребованным, о чем и свидетельствует история России.

Для адекватного понимания особенностей военного прогресса обороны важно подчеркнуть, что в диалектическом значении государство представляет собой нечто, включенное в систему других социальных институтов исходя из принципа институционального единства человеческого мира. В этой системе социальные институты, обслуживающие военный прогресс обороны, специально разрабатывают и реализуют идеологию на уровне повседневной практики. Идея государства и идеология в этом случае становятся неотделимыми друг от друга, а реализация военного прогресса представляет собой объективную диалектику. Именно эти факторы формируют представление о военном прогрессе в нашей отечественной традиции.

В диалектической традиции военный прогресс выступает как проявление действия объективных законов, стимулируя общество к совершенствованию отношений между субъектами и объектами мировой политики. Объективный исторический процесс создает весьма широкие границы, в пределах которых сознательная деятельность людей получает относительную самостоятельность и, следовательно, влияет на этот процесс. Соответственно, возникающим противоречием между ставшим необходимым и утратившим свою необходимость создается размежевка субъективных сил.

Полноценное исследование военного прогресса обороны вряд ли возможно вне понимания того факта, что функционирование государства вытекает из необходимости установления соответствия общественной жизни стандартам, определенным способом производств общественной жизни, учитывающим особенности климатических, географических, геополитических, этнических, конфессиональных и других условий жизни общества.

Военный прогресс обороны призван не только гарантировать защиту общества от внешних врагов, но также свидетельствовать о постоянном

повышении качества обороны общества в мирное время. Раскрытие, развитие и всемерная организация коллективистских форм жизни выступают в качестве объективной диалектики жизни общества России. Коллективизм, в основе которого лежит диалектическое противоречие единого и многого, характеризуется в рамках понятийного аппарата, связанного с фундаментальной категорией «совершенство» (совершенство общественных отношений, усовершенствование общественной жизни и т.д.). В связи с чем естественное состояние коллективистского общества России раскрывается в таких соответствующих оформлениях социального совершенства, как организация, стройность, упорядоченность, диалектическое противоречие (единого и много – общества и личности; культуры и цивилизации; смуты и порядка и т.д.). Система управленческих решений, направленных на совершенствование форм коллективистской организованности общества России, предстает как основной антиэнтропийный вклад в его социальные нестроения. Здесь принципиальную роль играет военный прогресс.

Военный прогресс обороны разворачивается с целью защиты общества и предполагает совершенствование вооружений, а также своих возможностей в деле уничтожения противника. Таким образом реализуется прогрессивно-поступательное развитие общества, которое предполагает не прямое развитие, а противоречивое, что включает в себя также элементы отступления, перегруппировки, сложный синтез тактики и стратегии.

Военный прогресс обороны формируется на понимании механизмов действия информационно-технологической духовности. Это представляется особо важным условием понимания социальной структуры, которая определяет особенности реальной оптимизации социальных отношений. Подобный подход актуален для становления «устойчивого развития общества» и выбора глобального или антиглобального развития общества. Однако в первую очередь это представляется особо важным «...для

становления естественного, космосоответствующего совершенства социума как гармонизированного пространства существования человека»⁴⁰.

Высшим духовно-практическим достижением цивилизации во всех ее локальных формах является выработанный и развиваемый человечеством со всех сторон кодекс нравственных норм поведения людей в разные эпохи, ведь не может быть справедливым общество, где люди взаимодействуют на основе безнравственной жизни. То, что считается в разрозненном эмпирическом опыте условно ценным в разных аспектах, после теоретического обоснования может быть признано действительно ценным. «Требование справедливости как честности практически ведет всего лишь к максимизации минимума. Только полагающийся на свое самосовершенствование человек может обеспечить себе большие возможности. Только общество, позволяющее людям достойно жить в зависимости от труда и усилий, но защищающее их от падения на социально дно, можно предъявить такие требования»⁴¹.

Военный прогресс обороны разворачивается на основе объективной диалектики, которая реализуется в форме деятельных оформлений совершенства общества, имеющих эмерджентные свойства, в том числе и функциональные. Именно поэтому деятельные оформления совершенства актуализируются не на уровне потребностей, желаний и т. п., а в форме патриотизма, служения Отечеству и т. п.

Главной особенностью в постижении военного прогресса, как и прогресса вообще, является упорядоченность, симметрия, сложность и т. п., т. е. все, что способствует сохранению целостности объекта реальности. В свою очередь, специфика военного прогресса обороны может быть максимально проявлена при условии постоянного совершенствования

⁴⁰ Колмаков, В.Ю. Духовно-информационная тектология культуры // Теория и история. 2004. № 3. С. 138.

⁴¹ Семенков В.Е. Философия как идеология: о возможных модусах идеологической проекции философского знания // Credo new. 2006. № 3(47). С. 56

общественных отношений. Следовательно, военный прогресс в данном случае иллюстрирует процесс развития защитных механизмов общества в плане максимального совершенства. Реализация подобного подхода возможна только на базе объективной диалектики общественной жизни, действия законов общественного развития.

Объективная диалектика военного прогресса обороны выступает как скачкообразный процесс, обусловленный всеобщей связью явлений. Важно подчеркнуть, что «...спиралевидность объективной диалектики, ее ревербератороподобность тождественна временному ряду развития общества...»⁴². Подобный подход вполне иллюстрирует, к примеру, тот факт, что такие понятия, как «колонизация», «экспансия», «завоевание» и т. п. не отражают в полной мере драматических процессов, которые сопровождали расширение территории России, поскольку не являются адекватными военному прогрессу обороны. Экспансия в большей степени характеризует военный прогресс наступления, поскольку, как свидетельствует история, это была реализации политики подчинения других стран. Подобная терминология ассоциируется с насилием и подчинением соседних народов, что противоречит историческим документам. Более целесообразно использовать адекватное понятие «освоение», передающее существенный признак исторического процесса – трудовые усилия, затрата физических, интеллектуальных, духовных и нравственных сил людей, живого человеческого труда⁴³. В этом плане можно согласиться с Л.М. Марцевой и дополнить, что военный прогресс в этом плане может выполнять двоякую функцию: 1) как гарант безопасности общества; 2) как стимул в решении сложных научно-экономических проблем. Примером могут выступать

⁴² Чуринов Н.М. Коллективизм и индивидуализм и их теоретизирование в западной традиции // Теория и история. 2004. № 3. С. 55.

⁴³ Марцева Л.М. Особенности хозяйственного освоения пространственно-временных границ российской цивилизации (Опыт сопоставления) // Теория и история. 2002. № 1. С. 22.

попытки освоения Арктики, где промышленная составляющая вполне гармонично соседствует с военно-техническими и военно-научными задачами.

Военный прогресс обороны предполагает различные уровни совершенствования общественных отношений в зависимости от наличия или отсутствия реальной военной угрозы. Принципиальное значение приобретает в этом плане личность, обладающая особыми воинскими талантами, которая формируется на базе отечественных ценностей. Важно подчеркнуть, что в войнах нового поколения побед достигали выдающиеся полководцы, овладевшие в процессе познания военного дела новой методологией. Однако, если они оказывались под влиянием чуждой идеологической, политической и философской экспансии, то им не удавалось опереться на духовный базис нашего общества. В условиях войн нового поколения необходимо изучать не только «отклонение от нормы», но и саму норму, чтобы понимать, что происходит и каких векторов в национальном теоретическом творчестве необходимо придерживаться.

Следствием игнорирования отечественных традиций на уровне военного прогресса обороны является потеря суверенитета как следствия междоусобиц представителей властных структур. Именно поэтому ориентация на созидательную духовность как естественное состояние, проявляется в виде своеобразного императива, неприятие которого провоцирует разрушение институтов государственной власти, включая армию. В конечном счете, происходит трагедия как с отдельными личностями, так и с целым народом, представляющая собой разрушение глубинной человеческой сущности. В сфере военного прогресса это проявилось, в частности, в росте зверств во Второй мировой войне.

Группы факторов военного характера, под воздействием которых протекали изменения в нравственных традициях офицеров, отражают новые условия происхождения воинской службы в связи с введением всеобщей

воинской повинности, совершенствованием военной техники и применением в войсковой практике новых способов боевых действий, обучения и воспитания войск.

К группе факторов *экономического* плана можно отнести тенденции развития экономики государства, посредством которых происходили изменения в социальной структуре страны и армии, соответствующим образом менялась общественная психология населения, существовавшие в обществе и в вооруженных силах традиции.

Группы факторов *социально-политического* содержания отражают характер целей и задач внешнеполитической деятельности государства, изменения, происходившие в социально-политическом устройстве страны: национальный характер и духовный облик офицерского состава и вооруженных сил. Воздействие этих факторов на армию указывает на тесную взаимосвязь данных традиций с общественной жизнью страны, на укрепление связи военной организации с народными массами.

В *социально-политическом* плане изучение офицерских традиций дает нам понимание того, что демократическое устройство страны и Вооруженных сил обладает существенными преимуществами в области безопасности по сравнению с авторитарным политическим режимом.

Воспитание в духе лучших традиций, способствующих формированию военного прогресса обороны, предполагает определенный уровень исторического знания. Отношение к истории подчас сильнее влияет на судьбу человека, чем социальная роль и этническое происхождение. Увлекаться историей без чувства патриотизма вряд ли возможно, поскольку первопричина появления исторической науки — все-таки в желании

прославлять Отечество, поклоняться памяти предков, а также обезопасить будущее от ошибок.

Исторические неудачи российских правителей вполне объяснимы, если учесть тот факт, что навязанные стране скопированные с западных хорошо разработанных теорий, посвященных жизнедеятельности правового государства, стандарты, были чужды объективным условиям жизни России. Подобная политика предполагала определенный тип военного прогресса, поскольку военный прогресс должен отвечать научным требованиям специфики проблем военных угроз: захватнической, изматывающей, «упреждающей» и др. В зависимости от содержания проблем военных угроз военный прогресс должен понять их нейтрализующий характер, разлагающий военные угрозы на относительно безопасные составляющие, разрушающие опасности.

Как показывает исторический опыт, не может быть и речи о механическом заимствовании цивилизационных параметров одного типа на другие типы, что в полной мере касается и военного прогресса. Важнейшее условие жизнеспособности и расцвета любой цивилизации – это разнообразие составляющих ее этнонациональных, социокультурных, конфессиональных и иных элементов, объединенных в подобие сообщества государств, стран и народов.

Военный прогресс обороны в значительной степени опирается на военную доктрину, которая дает определение военной безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять. В военной доктрине под военной угрозой понимается состояние межгосударственных или

внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (групп государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (или вооруженному насилию)⁴⁴.

Таким образом, можно заключить, что исторические традиции, менталитет и уровень социальной энтропии, накапливающейся в конкретной стране под влиянием внешних факторов, формируют соответствующий тип военного прогресса: консервативный, либеральный или оборонительный, который реализуется путем реализации доктрин, направлен на постоянное повышение качества обороны и представляет собой форму обеспечения устойчивого развития общества в условиях политических угроз, нейтрализуемых военными средствами.

1.3. Актуализация типов военного прогресса

Актуализация типов военного прогресса обусловлена тем фактом, что всякое общество имеет свои культурные и цивилизационные традиции, сформировавшиеся в условиях социальности общества потребительского или созидательного типа. Игнорирование данных традиций в процессе управления губительно для общества. При этом необходимо отметить, что всякая норма социальности предполагает определенные отклонения от нормы, когда общество способно своими силами возвратиться к своей социальности и когда оно не способно возвратиться к ней и угасает. При этом общество одного типа не может по чьей-либо инициативе превратиться в общество другого типа.

⁴⁴ Военная доктрина Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 5 февр. 2010 г. №146), п. 6а.

Проблема военного прогресса рассматривается с двух диалектически связанных сторон. Во-первых, она обосновывается объективными законами общественного развития, строго придерживаясь которых только и можно определить направленность общественного процесса в целом, а также выяснить тенденции его отдельных течений. Во-вторых, она исследуется с субъективной стороны, то есть с точки зрения борьбы общества и индивидов за свои интересы.

Военный прогресс представляет собой постоянно меняющуюся систему, которая в одном случае начинает приобретать актуальное значение, принимая одни параметры, а в другом – принципиально иные. Именно это дает возможность исследовать различные структуры военного прогресса и изучать динамику того, что выходит на первый план и раскрывается как военный прогресс в данный исторический период. С другой стороны, военный прогресс должен представлять наступательную составляющую социального прогресса, поскольку именно военный прогресс максимально характеризует адекватность общества в его способности противостоять внешней угрозе.

В соответствии с самой структурой общественной жизни следует подразделить движущие силы общества на две группы: движущие силы, определяющие прогрессивные изменения, во-первых, материально-производственной сферы и, во-вторых, человеческого компонента природной подструктуры жизни общества. Подобный подход позволяет не только глубже понять комплекс изменений общественной жизни в единстве ее естественных основ и материально-производственных факторов, но также избежать целого ряда противоречий. Он дает возможность вскрыть в движущих силах общества то, что выделяет их из остальной природы, и то, что связывает их с ней. В разрезе исследования военного прогресса это означает, что его суть можно адекватно оценить, если рассматривать синтез этих направлений.

Военный прогресс выступает как определенность конкретного типа общества в его адекватности, т. е. соответствии естественно-историческому процессу и целям социального прогресса, характеризующего систему ценностей и перспектив безопасности и обороны, а также позиционирования его в геополитическом мироустройстве.

Актуализация военного прогресса предполагает учет множества факторов, которые имеют исторические корни. Воинская деятельность заключается в особом процессе труда в мирное время, а боевая деятельность – в военное время. Эти понятия характеризуют жизнедеятельность воина, воинских коллективов, армии в обществе. В обществе каждого типа исторически сложились специфические социальные нормы и необходимые для их реализации социальные институты. Реализация проблем, связанных с безопасностью, как и оптимальное существование конкретного социума возможны только при условии определенного уровня военного прогресса, что может быть и не очень заметно в мирное время.

Военный прогресс может проявляться двояко. С одной стороны, он выступает как целенаправленный процесс по обеспечению государственной безопасности и всегда проявляется на соответствующем уровне, где ведущим базисом является выступает принцип «разумной достаточности». С другой стороны, военный прогресс позиционируется как скачкообразный процесс, поскольку не зависит от конкретных социальных детерминант. Ведущими здесь является ряд субъективных факторов, под которыми обычно понимаются представители финансово-милитаристского лобби.

Военная деятельность как часть общественной жизни представляет собой материальную, чувственно-предметную и целесообразную деятельность людей в области военного дела и включает в себя военно-практическую и военно-исследовательскую деятельность. Развитие и совершенствование военного дела на основе военного опыта прошлого способствовало формированию

военно-философского мышления. Оно активно отражало процесс военной деятельности в различных типах общества.

К середине XVIII в. «сложились два подхода к пониманию сущности, целей гражданского воспитания: утилитарно-охранительный, утверждавший идею безусловного подчинения гражданина правящему режиму, и общественно-патриотический, развивавший идеи государственности, патриотизма, возводящий служение Отечеству в ранг общественного и нравственного долга»⁴⁵.

Проблема адекватности типов военного прогресса соответствующим типам общества периодически обостряется, когда в очередной раз актуализируется вопрос о векторе развития человечества. Часть ученых уверены, что история человечества слишком явно свидетельствует о движения человечества к лучшему, более высокому уровню. Однако не менее основателен и прямо противоположный взгляд. В любом случае периоды упадка и регресса в человеческой истории ничуть не менее обширны, чем периоды взлёта и прогресса. В связи этим важно подчеркнуть, «...поскольку процесс войны..., сопровождает всю историю каждой из цивилизаций и каждой из культур, да, мы имеем возможность, редкую возможность изучать любую культуру, любую цивилизацию, любой их опыт, только изучая их войны»⁴⁶. Действительно, существует тесная связь между военным прогрессом и историей: кто владеет прошлым, тот управляет настоящим и будущим. Каждая новая власть переписывает историю под себя и соответственным образом позиционируется военный прогресс.

Актуализация конкретного типа военного прогресса в конкретных исторических условиях обусловлена также тем фактом, что в войне очень

⁴⁵ Казаева Е.А. Проблемы развития гражданского воспитания в истории педагогической мысли России // Ученые записки. 2005. № 3.

⁴⁶ Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 25.

многое решают стартовые условия, что прекрасно понимали такие исторические личности, как Сун-цзы и Клаузевиц, утверждающие: как война начинается, такими и будут ее результаты. Это положение геополитики вписывают в пространство, поэтому стартовые условия войны имеют четкое пространственное выражение. На этом строится собственно геополитический анализ войны – совершенно отдельный от идеологического, экономического или военно-технического анализа. Об этом свидетельствует обзор стартовых условий Второй мировой войны с геополитической точки зрения.

Актуализация военного прогресса определенного типа во многом детерминирована социальной системой, важными характеристиками которой являются неравновесность как следствие постоянного колебания между: 1) порядком и хаосом; 2) организацией и дезорганизацией; 3) стремлением к смерти и инстинктом самосохранения. На подобном базисе формируются социальные конфликты и противоречия, стимулирующие военный прогресс.

Актуализация исследования военного прогресса детерминирована, в частности, особенностями военного планирования: «...л) военное планирование – определение порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения и всестороннего обеспечения»⁴⁷.

Еще одна важная функция, которая реализуется на разных этапах военного прогресса – это борьба с энтропией, однако актуализация военного прогресса каждого типа проявляется по-разному.

Актуализация военного прогресса наступательного типа

На сегодняшний день господствующим является вестернистский подход к прогрессу, согласно которому ведущей ценностью общественного прогресса является осознание его «...как поступательное восходящее движение социума с

⁴⁷ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 5 февраля 2012 г.

расширением его функциональных возможностей. Развитие общества понимается как однолинейный процесс с хорошо просматриваемым финалом»⁴⁸. Исходя из этого, можно констатировать, что военный прогресс наступления представляет собой осуществление особого социального заказа потребительско-гедонистического общества. В этом случае наступательный военный прогресс удовлетворяет непомерные запросы субъектов глобализации, постоянно провоцирующих вооруженные конфликты различных уровней. Естественно, что функция реакции на внешние угрозы также остается, однако она носит спонтанный характер, о чем свидетельствует хаотизация мирового пространства, которую несут США.

Для жизни общества западного типа характерен утилитаристский тип социального прогресса (проявление принципов отрицания всеобщей связи социальных явлений, индивидуализма и свободы). Социальный прогресс утилитаристского типа направлен на увеличение степеней свободы и преобладающее развитие сферы потребления (экономической сферы жизни общества). С этим связана практика удовлетворения, расширения, изобретения потребностей, например, постиндустриальная стадия развития предполагает состояние общества, когда недостаток материальных благ уже устранен и можно целиком сосредоточиться на их потреблении. В западной традиции армии, как правило, наемные, что предполагает не сознательный подход к защите отечества, а стремление побольше заработать на страданиях других народов. Понятно, что в этом случае теряют смысл такие категории, как «патриотизм», «самоотдача» и т. п. Кроме того, экономическая сфера – базовая сторона жизни общества индивидуалистического типа и, соответственно, уровень военного прогресса оценивается в первую очередь в экономических категориях. В соответствии с тем, что происходит в данной

⁴⁸ Бородин А.А. Аксиология процесса социальной эволюции в глобализирующемся мире // Глобализация: pro et contra: материалы Междунар. конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». СПб.: Астерион, 2006. С. 131–132.

сфере, распределяются богатство, власть, престиж, устанавливаются приоритеты и цели во всех других сферах или областях общественной жизни (богатство, власть, престиж принадлежат в разное время тем или иным социальным группам; все сферы жизни общества работают на экономику). Все общество предстает здесь как единая индустриально-экономическая машина.

К важным чертам реалистического мировоззрения относится убеждение, что международная политика управляется объективными законами, которые носят долгосрочный характер. Поскольку конфликтность международной системы коренится в ее природе, она лишь отчасти сдерживается международным правом, институтами и моральными нормами. Представители данного направления (Ганс Моргентау, Раймон Арон, Эдуард Карр) выделяют в основе структуры международных отношений национальные государства, отстаивающие свои интересы с помощью силового компонента. В этом случае международная политика представляется борьбой за власть между государствами, основывающейся на приоритете национальных интересов с целью обеспечения безопасности, выживания и сохранения суверенитета. Реалисты утверждают, что характер взаимодействия государств определяется количеством накопленных ими ресурсов, в которых выражается уровень мощи государства. По мнению Карра, для реалиста «неуместность государственного суверенитета – идеология доминирующих держав, которые рассматривают суверенитет других государств как препятствие для использования своего преобладающего положения»⁴⁹. Важно подчеркнуть, что государство при защите своего суверенитета может рассчитывать только на свои силы, поэтому они тяготеют к самодостаточной собственной экономике и военно-

⁴⁹ Карр Э.Х. Двадцать лет кризиса: 1919-1939. Введение в изучение международных отношений // Теория международных отношений. М., 2003. С. 57. С. 49-68.

промышленному комплексу, а также обеспечению контроля над стратегическими ресурсами. Условием мирного сосуществования государств является поддержание равновесия сил, нарушение которого ведет к войне. Возможности эволюционного развития появляются в результате приспособления к новой расстановке сил.

В свою очередь неореалисты расширяют традиционное понимание государственных функций, трактуя государственную мощь не только с точки зрения военной силы, а как комбинацию возможностей государства в разных сферах общества. Однако существование множества государств, пытающихся реализовать свои собственные интересы, при отсутствии признаваемой ими общей системы законов провоцируют потенциальные конфликты различных уровней. В частности, К. Уолтц уверен, что государство «...использует силу, если, оценив перспективы на достижение успеха, выяснит, что желаемые цели более привлекательные, чем спокойствие мирной жизни. Поскольку каждая держава – сама себе высший судья, поскольку любая страна в любое время может применить силу для проведения собственной политики, из-за этого другие страны вынуждены быть постоянно готовы ответить на силу силой или же заплатить за свое спокойствие»⁵⁰. В этом случае попытки обеспечить единодушную поддержку внешней политики являются успешными, поскольку граждане убеждены, что их собственная безопасности напрямую зависит от безопасности государства, т. е. единство нации укрепляется кризисами в международных отношениях. В связи с вышесказанным Уолтц делает вполне неореалистический вывод: «При этом важно не то, что появляется ненависть между народами разных

⁵⁰ Уолтц К.Н. Человек, государство и война: теоретический анализ // Теория международных отношений. М., 2008. С. 93.

стран, а то, что страна мобилизует ресурсы, интересы и чувства граждан для реализации военной политики»⁵¹.

В отличие от реалистов представители идеализма убеждены, что государства являются не единственными и, тем более, не главными акторы, поскольку эта роль принадлежит международным организациям. Для них ведущий вектор – это наличие универсальных, общечеловеческих ценностей, неотъемлемых прав человеческой личности, поэтому военный прогресс при таком подходе сконцентрирован на необходимости создания всеобъемлющей системы коллективной безопасности в целях сохранения и защиты подобных прав, несмотря на то, что большая часть мирового сообщества их не разделяет.

Принципиальное различие между этими направлениями состоит в том, что реалисты настаивают на безусловной конфликтности основных международных процессов, в то время как идеалисты твердят о переговорах и сотрудничестве и верят в создание справедливого международного права. У них остается иллюзия, что можно построить будущее без войн и вооруженных конфликтов между государствами путем правового регулирования и демократизации международных отношений. Именно поэтому одной из ведущих тем идеализма становится создание системы коллективной безопасности на основе добровольного разоружения и взаимного отказа от войны как инструмента международной политики.

Неомарксистское направление (Й. Галтунг, И. Валлерстайн, Р. Кокс и др.) представляет мир в виде глобальной системы многообразных экономик, государств, обществ, идеологий и культур. Неомарксисты уверены, что государства сегодня превращаются в агентов, пытающихся реализовать в

⁵¹ Там же. С. 106.

национальных экономиках требования мировой экономики, что необходимо в условиях конкуренции на мировом рынке. Подобная политика так или иначе может провоцировать военные конфликты, стимулируя военный прогресс.

Сторонники транснационализма (Джозеф С. Най-мл., Роберт О. Кохэн) считают, что на поведение дипломатов военных оказывают сильное влияние географические факторы, характер внутренней политики, научный и технический прогресс. В этом случае транснациональные организации формируют новые отношения, создавая мифы для обеспечения легитимности своей деятельности, в результате чего государства контролируются извне. При неравенстве государств транснациональные отношения могут дать преимущества более могущественным государствам и лишить каких бы то ни было преимуществ и без того слабые государства. Не отрицая роль правительств как наиболее важных игроков на политическом поле, авторы отмечают, что многие, не только малые и средние государства в системе баланса сил вынуждены смириться с низким уровнем контроля над внешним миром: они должны согласиться с изменениями, а не изменять силы истории⁵².

Создание новых видов оружия также оказывает влияние на формирование стандартов естественности у военных кадров. Боевая деятельность, как правило, несет в себе зло и насилие, увеличение степеней свободы, что соответствует принципам индивидуалистического общества. Некоторые современные отечественные теоретики рассматривают военную добродетель как различные черты характера человека, а не как стандарт естественности, который в условиях военной деятельности направлен на

⁵² Най-мл. Д.С., Кохан Р.О. Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений. М., 2003. С. 160-163.

добро как нравственное благо. Исследуя военную деятельность человека, целесообразно дать военному гуманизму следующее определение: военный гуманизм – это военная деятельность человека, которая реализуется на стандартах естественности общества.

Для понимания сущности военного наступательного прогресса важно учитывать его тесную связь с геополитикой, которая сегодня рассматривается как сугубо прагматическая концепция. Это американский подход, «озабоченный» тем, как обосновать свои собственные, совершенно корыстные политические, сиюминутные интересы чем-то «разумным, добрым и вечным». Сегодня, к сожалению, «...мало кто понимает, что политика по своему существу есть формальное отрицание международного права. В этом плане интересно наблюдать за американцами, которые одновременно пытаются строить правовое государство и правовую систему отношений в мире и при этом придерживаются, претворяют в жизнь последовательно геополитическую концепцию Збигнева Бжезинского. Эти две вещи совершенно невозможно делать вместе»⁵³.

Актуализация военного прогресса обороны

Актуализация военного прогресса обороны выступает как детерминант обеспечивающий жизнеспособность общества потребления. Отсюда следует, что военный прогресс наступления призван оправдывать гонку вооружений, вплоть до милитаризации, обслуживая финансовые интересы военно-промышленному лобби. На протяжении веков ученые считали важным специфическим требованием этики военной деятельности постоянную готовность осуществлять военное насилие, в том числе и вооруженными средствами. В этом случае военная деятельность представляет собой труд, который не является созидательным, а во время войны становится разрушительным. Однако в процессе военной деятельности по защите

⁵³ Интервью с С.Б. Перселегиным // Credo new. 2006. № 3 (47). С. 7–8.

Отечества от военного насилия извне происходит созидание, в том числе и формирование благоприятной для жизни общества политической ситуации, способствующей его жизнедеятельности. В этом случае военная деятельность осуществляется не как военное насилие, а как военная добродетель, несмотря на то что она реализуется в форме войны или вооруженной борьбы⁵⁴.

Несмотря на специфику воинской службы, такая важная категория, как единомыслие, раскрывается в качестве диалектики единого и многого. Естественным, что в данном случае не ставится под сомнение такой важный принцип армии, как соподчиненность, однако единомыслие в данном случае проявляется в четком понимании единой цели по защите Отечества. Единомыслие в таковом значении представляет собой не «единообразие», предполагающее подчинение всех людей одной воле. Диалектический смысл данных понятий заключается в приведении к единству многих волей посредством согласования их между собой, т. е. в стремлении найти в процессе всенародного обсуждения общее решение, приемлемое для всего общества. Русская политическая система исторически сложилась как система народоправства (вечевого правления, советов лучших людей), основанная на единстве многомыслия и единомыслия. Суть данной формы правления состояла не в конкуренции групповых интересов, а в стремлении к согласованию, т. е. гармонизации интересов всего общества.

Актуализация военного прогресса обороны опирается на концептуальные установки, высказанные русскими философами, где военная защита предполагает не только пассивные методы по и вполне активную позицию. В частности, для И. Ильина война в первую очередь представляет собой стимул к нравственному возрождению, ведь она понимается как пограничная ситуация, которая обращает человека к цели более достойной,

⁵⁴ Сигида Н.А. Кризис военного гуманизма. Красноярск, 2013. С. 25.

чем примитивное существование на уровне материального потребления. В речи «Духовный смысл войны» И. Ильин анализирует войну в качестве консолидирующего фактора, который способствует единству народа, потому что война создает поле интерсубъективности, пробуждая в людях чувство солидарности. Согласно И. Ильину война на практике предоставляет возможность определить смысл своего существования как отдельному человеку, так и целому обществу, поэтому Ильин определяет смысл войны как испытание, способствующее духовному единению. Таким образом, великий философ подвергает критике войну как разрушительный и деструктивный феномен, оправдывая при этом оборонительную войну. Опираясь на патриотический пафос, спровоцированный началом Первой мировой войны, Иван Ильин значительно расширяет границы оборонительной войны, включая в нее также духовно-оборонительный вектор, когда наступательные военные действия выглядят вполне оправданными. В качестве критерия, разделяющего войны на наступательные и оборонительные И. Ильин выдвигает защиту духовных ценностей, а не приоритет в объявлении войны. И далее философ позиционирует войну как своеобразный индикатор, посредством которого можно определить духовное состояние народа и его устойчивость. Война дает шанс народу максимально раскрыть свой духовный потенциал, и в этом плане, ее можно считать позитивным этапом для укрепления духовной жизни народа.

Отличительной чертой военного прогресса в русской традиции является единение всех личностей, сознательно проявивших себя в служении Отечеству. Данная традиция имеет позитивный характер, так как «...русские люди испокон веков находили свое земное предназначение исключительно в служении ближним и Родине, в искоренении социального зла, т. е. в

служении идеалу совершенства, характерному и для отечественной философской традиции»⁵⁵. Постепенно в отечественной истории воплощаются «внутренние», духовные, нравственные, интеллектуальные процессы и ценности. Исторические примеры доказывают, что разница в отечественном военном прогрессе обороны и западном наступательном военном прогрессе является принципиальной. Исследование военного прогресса на этом фоне – важнейшее условие не только адекватной оценки побед и поражений в прошлом, но и гарантии на будущее.

Актуализация военного прогресса обороны обусловлена необходимостью поддержания должного уровня безопасности и в этом плане связана с важной отечественной традицией, доказывающей, что для военного прогресса важны не только конкретные рациональные шаги по укреплению боеспособности страны. С древних времен военный прогресс в России предполагает особое управление обществом в соответствии с отечественными принципами, особенно в условиях войны. Правда выступает как характеристика всего того, что вносит, сообразуясь с понятиями XXI в., отрицательный вклад в социальную энтропию, ведь развитие военного прогресса «по правде», когда «...принятие решения выступает как отрицательный вклад в социальную энтропию»⁵⁶. «Правда», выступающая как определенная характеристика военного прогресса обороны, позволяет обобщить различные проявления угроз конкретному обществу и реально противостоять им. В таком контексте понятие «правда» предстает как фундаментальная характеристика, которая отражает антиэнтропийные процессы, проявляющиеся во всех сферах общества. Военный прогресс аккумулирует в себе степень совершенства всех государственных и

⁵⁵ Григоренко, Д.Е. Адекватность концепции управления обществом его культуры и цивилизации. Красноярск, 2007. С. 147–148.

⁵⁶ Чуринов Н.М. Правда и совершенство слова // Теория и история. 2007. № 1. С. 170.

общественных институтов, отражающих диалектическое противоречие социальной стройности и нестроения.

Пониманию сущности военного прогресса способствует раскрытие, развитие и всемерная организация коллективистских форм жизни, выступающих в качестве объективной диалектики жизни общества России. Коллективизм, в основе которого лежит диалектическое противоречие единого и многого, характеризуется в рамках понятийного аппарата, связанного с фундаментальной категорией «совершенства» (совершенство общественных отношений, усовершенствование общественной жизни и т. д.). В связи с этим естественное состояние общества России раскрывается в таких оформлениях социального совершенства, как организация, стройность, упорядоченность, диалектическое противоречие (единого и много – общества и личности; культуры и цивилизации; смуты и порядка и т. д.). Система управленческих решений, направленных на усовершенствование форм коллективистской организованности общества России предстает как основной антиэнтропийный вклад в его социальные нестроения. Соответственно, военный прогресс в таком виде выступает не просто в качестве антиэнтропийного средства, но и является критерием устойчивости сложившейся системы. Военный прогресс будет восприниматься как закономерная часть всего общественного прогресса только в том случае, если он предполагает совершенство всеобщей связи явлений и наличие множества оформлений совершенства, заключающих в себе соответствующие единства стройности и нестроения: диалектическое противоречие, системность, организованность, сложность, упорядоченность, гармоничность и т.д. Основополагающее значение для жизни Вселенной приобретает негэнтропийные процессы – система отрицательных вкладов в энтропию. Социальная реальность предстает как важнейшая сфера мира, в рамках которой с особой значимостью стоит проблема борьбы с энтропией.

Сущность данной системы состоит в следующем: субъект управления обществом должен осознавать естественное состояние данного общества и помочь ему развернуть такую модель жизни, которая позволит ему самостоятельно встать на путь совершенствования, противостоять росту социальных энтропий. В связи с этим концепция управления обществом является образом действительности общественной жизни России. Это положение является фундаментальным для изучения проблемы антиэнтропийного управления обществом⁵⁷. Можно продолжить эту важную мысль автора: военный прогресс в диалектическом содержании призван быть главным противодействием энтропии.

Важную роль приобретает военный прогресс обороны в борьбе с социальной энтропией, что особо проявляется в контексте гардарикского прогресса, который отражает специфику построение страны как определенной формы закрепления населения на трудной для проживания территории. Как свидетельствует история России, антиэнтропийный характер социального прогресса предполагает гармоничное развитие всех сфер жизни общества, а не одной сферы – например, сферы потребления. Именно поэтому военный прогресс обороны не может быть оценен на уровне только технических критериев, поскольку аккумулирует в себе такие понятия, как «боевой дух» и т. п.

Военный прогресс обороны включает в себя несколько направлений, основанных на антиэнтропийном принципе организации жизни общества России и управлении им «по правде». Данные направления имели место в исторической действительности российского общества и получили фактическое обоснование своей актуальности и эффективности для него. С позиций развертывания прогресса обороны все его структурные элементы

⁵⁷ Чуринов Н.М. Совершенство слова и дела // Теория и история. 2007. № 1. С. 21.

находятся во взаимосвязи, в то время как в военном прогрессе наступления преувеличивается значение отдельно взятой сферы потребления.

Опасность для общества происходит от пренебрежительного отношения к военному прогрессу, когда перестают заботиться о совершенствовании армии, поскольку в этом случае провоцируется социально-экономический хаос. Угроза исходит, в частности, от «демократического» европейского мира, агрессивность которого становится все более явной. Разрушение принципов военного прогресса обороны ведет к уничтожению формировавшейся на протяжении веков системы защиты страны.

В критические моменты нашей истории резко возрастает роль личности в военном прогрессе; раскрываются полководческие таланты. Человек изначально формируется по линии становления в качествах свободной личности или по линии становления в качествах совершенной личности⁵⁸. К примеру, понятие коллективизма исследуется А.А. Богдановым в рамках диалектики части и целого: «Органическое единство в жизни таково, что ее целое всегда отражается в каждой части. Так и любая социальная форма – форма труда или познания – отражает в своей истории и в своем строении путь развития и принцип организации общества»⁵⁹. Дело в том, что «общественный прогресс не устраняет собственных задач личности, как и наоборот, внутренняя жизнь личности не исключает путей общественного прогресса. И личное творчество, и общественное созидание находят свой истинный смысл в стремлении к абсолютному идеалу»⁶⁰. Естественно, что военный прогресс приобретает в этом плане определенные черты, реализуясь в личностях такого уровня, как Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский и др.

Военный прогресс обороны предполагает не только регулярное техническое совершенствование, но и постоянное воспитание боевого духа,

⁵⁸ Косолапов Р.И. Истина из России. Тверь, 2004. С. 29.

⁵⁹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 166.

⁶⁰ Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Парог, 1993. С. 105.

что ставит на повестку дня вопрос о соотношении военного, светского и духовного параметров развития. Стоит обратить внимание и на тот факт, что для общества коллективистского типа характерно диалектическое соотношение культуры и цивилизации. Культура зависит от содержания цивилизации, которая определяет жизнеутверждающие установки культуры, направляет развитие культуры по пути совершенствования («цивилизация культурна»); в свою очередь, совершенствование цивилизации определяется развитостью культуры («культура цивилизована»). В связи с этим культура и цивилизация предстают как диалектическое единство. В условиях коллективистского общества единство человеческого мира представлено совокупностью взаимно предполагающих друг друга и находящихся завершение друг в друге социальных норм, институтов, раскрываемых мерами совершенства. Военный прогресс обороны в этом случае проявляет себя как гарант выживания конкретного общества, не несущий угрозы соседям.

Актуализация военного прогресса обороны обусловлена также важной задачей государственной власти накануне войны и в ходе боевых действий: «...повышение уровня патриотизма в обществе, в том числе за счет формирования выгодных руководству страны стереотипов массового сознания...»⁶¹. Ведущую роль в этом плане всегда выполняли СМИ, которые демонстрируют свое значение «...в деле формирования «образа врага» и его укоренения в гражданском сознании»⁶². Популярным направлением является отрицание принадлежности врага к «цивилизованному миру», что в сознании русского человека иногда приводило к полному неприятию иной культуры, носителем которой является враг⁶³.

⁶¹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 17.

⁶² Волковский Н.Л. История информационных войн: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2003. С. 70.

⁶³ Рюзен Й. Нові шляхи історичного мислення/ Йорн Рюзен. Львів, 2010. С. 151.

Таким образом, можно заключить, что актуализация типов военного прогресса обусловлена особенностями развития общества, а развертывание военного прогресса происходит как следствие проявлений особенностей общественного бытия и актуализирует различные типы военного прогресса в переломные периоды исторического развития под влиянием кризиса. В конкретной исторической ситуации может быть востребован тот или иной тип военного прогресса, поэтому актуализация конкретных типов военного прогресса также может быть связана с попытками манипуляции определенной частью социума в политических целях и тогда военный прогресс становится полем идеологической и политической борьбы.

1.4. Особенности методологии военного прогресса

Методология исследования во многом обусловлена тем фактом, что понятие «военный прогресс» «появилось как потребность исследования сложнейшей динамики тех изменений в развитии социоприродной эволюции, которые предстали перед человечеством во всей своей очевидности в середине XX в. и стали самостоятельным предметом научного анализа. Это понятие возникло в рамках системного подхода к изучению рассматриваемых тенденций»⁶⁴.

При исследовании военного прогресса целесообразно основываться на разработке системных принципов развития универсального сообщества в государственной системе, учитывать их диалектическое единство и противоположность, переход количества в качество и при этом руководствоваться законами, закономерностями глобалистической науки

⁶⁴ Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. М.: Изд-во Москов. ун-та, 2010. С. 37.

(гуманитарной, естественной и технической сфер). Закономерность развития цивилизованного интегрированного универсального общества в измерениях времени, пространства и на разных уровнях глобальна и специфична.

Современная глобальная практика свидетельствует, что в процессе научного познания преимущественное развитие получают элементы военной науки, отражающие структуру познаваемого предмета. Для осознания сущности военного прогресса целесообразно констатировать следующее: военная наука включает систему знаний о категориях, законах, закономерностях, принципах, содержании, формах и методах подготовки и ведения вооруженной борьбы, составной части войны в целом.

Исследование военного прогресса предполагает особый методологический базис, в основе которого лежит диалектическое единство военных традиций прошлого и современных концепций. Методологической основой изучения военного прогресса является системный и прогностический подходы, позволяющие руководителям разного уровня четко выделять цели и задачи своей прогностической деятельности и планомерно их выполнять⁶⁵. Это связано с тем, что при детальном рассмотрении прогресса человечества в целом на первый план выходит поступательное ускорение развития. Исходя из данных о хронологической продолжительности последовательно сменяющих друг друга эпох, обнаруживающей ускорение ритма истории, и следует рассматривать проблему военного прогресса в обществе.

Политологи и военные ученые давно доказали, что содержание и структура военного прогресса не являются неизменными, ведь по мере развития человеческого общества увеличивается объем, содержание и качество военных знаний. В связи с этим совершенствуются наши представления о характере взаимных связей между отдельными элементами

⁶⁵ Красиков В.И. Дискуссии по евразийству и формирование евразийской социальной сети в русской эмиграции 20–30 гг. XIX века // Credo. 2012. № 1. С. 78.

военной деятельности, что ведет к объективному развитию наших представлений о содержании и структуре военной науки. «Без осуществления сложного комплекса мероприятий всестороннего обеспечения не приходится говорить ни о ведении эффективных боевых действиях, ни об устойчивом, оперативном, гибком, скрытном управлении войсками, ни о подготовке и поддержании боеготовности и боеспособности необходимых группировок войск»⁶⁶.

Взаимосвязи военной науки и гуманитарных наук осуществляются и в вопросах невоенных форм борьбы – идеологической, экономической, дипломатической. Теория военной науки дает исходные положения по военно-технической стороне ведения войны, опираясь на которые социальная (идеологическая), экономическая и дипломатическая науки разрабатывают невоенные пути действий в интересах обеспечения успешной вооруженной борьбы, достижения победы в войне.

Сегодня в мире утверждается новый тип рациональности, который в настоящее время более всего проявляется в науке и технологиях, имманентно включает рефлексию над ценностями, а также резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, что характерно для традиционных восточных культур. Из этого не следует, что происходит снижение ценности рациональности, имеющей приоритетный статус в западной науке. Хотя сам тип научной рациональности сегодня основательно изменяется, однако сама рациональность остается необходимой для понимания различных культур и рефлексивного отношения к их базисным ценностям. Дело в том, что рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех базовых ценностей и открытости различных культурных миров для диалога, поэтому рациональность остается важнейшей опорой в поиске новых

⁶⁶ Бабич В.В. О системе основных категорий и понятий военной науки // Военная мысль. 2010. № 11. С. 20.

мировоззренческих ориентиров. Тем не менее рациональность в современном глобальном мире обретает новые модификации, что принципиальным образом влияет на исследование военного прогресса. По справедливому замечанию В.С. Степина, в современных условиях «...новые точки роста создают иную, чем ранее, основу для диалога западной культуры с другими культурами. У человечества есть шанс найти выход из глобальных кризисов, но для этого придется пройти через эпоху духовной реформации и выработки новой системы ценностей»⁶⁷

Военный прогресс может быть адекватно исследован, если используются данные других наук, в частности, военной. Для выяснения сути военного прогресса необходимо уточнить, что вопрос об объекте и предмете познания военной науки многими политологами, философами и военными учеными воспринимается по-разному, порою предлагаемые ими понятия смешиваются и даже отождествляются. Каждая частная военная наука изучает частичку этого мира – свой частный объект познания. То есть объектом познания явления действительности является его проблема в целом. Объект познания военной науки представляет собой некую конкретную часть реального мира, объективной действительности. Объект научного познания существует объективно, он не создается и не конструируется.

Основное отличие между объектом и предметом научного познания военной науки состоит в том, что в предмет научного познания входят лишь отдельные, наиболее существенные признаки объекта научного познания. В современных условиях традиционно объектом военной науки является война, а ее предметом – вооруженная борьба. При таком понимании объекта

⁶⁷ Стёпин В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. проф. Д.И. Дубровского. — М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 24 – 25.

военной науки ее предметом следует рассматривать связи и отношения, закономерности и тенденции вооруженной борьбы, ее характер, формы и способы протекания на различных уровнях и в различных условиях. Именно анализ этих сторон вооруженной борьбы, ее материальных и духовных составляющих, таких факторов, как пространство и время, скорость, огонь, движение, удар, объяснение причин, условий и механизма устойчивости боевых порядков, побед и поражений, успехов и неудач противоборствующих сторон в складывающейся обстановке и т. д. как раз и определяет предмет военной науки.

В методологическом плане научная картина мира служит стилем мышления и выступает как единый подход в научном исследовании. Диалектический подход предполагает рассматривать военный прогресс как системный, взаимосвязанный процесс, представляющий собой определенный симбиоз социальной, духовной и производственной сфер страны, основываясь на национальных, религиозных и территориальных и особенностях.

Методология военного прогресса предполагает выяснение особенностей рационального и иррационального его проявлений. Военный прогресс в комплексе приоритетов техногенной цивилизации представляет собой определенную ценность научной рациональности, поскольку научно-техническое отношение к окружающему миру выступает базисом для его преобразования. Создается уверенность в особой способности человека контролировать внешние обстоятельства и на рациональной основе совершенствоваться, подчиняя природу, а потом и саму социальную жизнь. Именно это ложное представление о своем всемогуществе, характерное для субъектов глобализационного давления, формирует иллюзию безнаказанности за военные преступления, что корректирует формы военного прогресса в XXI в. В частности, предпочтение отдается тем видам

вооружения, которые приносят максимальный эффект, не взирая на потери среди мирного населения и т. п. Вместе с тем, как показывает практика, четкого разделения рационального и иррационального начал в военного прогрессе не существует.

В современных условиях на уровне системно-философского подхода в определении национальной безопасности акцентируется внимание на сохранении целостности, устойчивости, стабильности и нормального функционирования системы (страны, государства, общества как социальной системы) при деструктивном воздействии на нее⁶⁸. А.Д. Московченко справедливо подчеркивает, что «...в международной политике такими полярными понятиями являются для нас «состояние мира» и «состояние войны» и резкий переход от одного к другому, присущий только вашей логике, но противоречащий природе»⁶⁹. Другими словами, военный прогресс, по нашему мнению, является связующим элементом между социальным прогрессом и социальным регрессом.

В результате определённого «отставания» в разработке отечественного диалектического теоретизирования при идеологической экспансии со стороны теоретиков либерального или консервативного принципов познания, исследование военного прогресса все чаще приобретало искаженный характер, где не было места доблести, а учитывались интересы ангажированных элит, озабоченных «правами человека» во всех частях света. Закономерным следствием пренебрежительного отношения отечественных мыслителей к военному опыту и военному прогрессу предстают события XX в.

⁶⁸ Поздняков А.И. Сравнительный анализ современных подходов к определению понятий национальной и военной безопасности // Военно-философский вестник. 2008. № 2.

⁶⁹ Московченко А.Д. Русский космизм. Автотрофное человечество будущего: моногр. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2012. С. 126.

Диалектический подход к военному прогрессу основывается на особенностях социального развития общества и между различными направлениями социальной действительности наблюдается взаимозависимость. Подобный характер социальной действительности, который подчиняется, по словам Ю.М. Резника, «...своим собственным закономерностям с прозрачными и весьма динамичными социальными перегородками, опирающейся на независимого активного индивида, представляют собой не что иное, как гражданское общество»⁷⁰.

Исследуя военный процесс, включающий в себя техническую и духовную деятельность, важно концентрироваться на самой существенной особенности социальных действий, с помощью которых изменяется окружающее пространство. В связи с этим важно выделить некоторые методологические основания, на которых базируется исследование военного прогресса. Во-первых, это принцип всеохватности, при котором в качестве прогрессивных понимаются все элементы общества. Во-вторых, это принцип адекватности, когда под военным прогрессом понимается его представление в конкретном типе общества. В-третьих, это принцип контрастности, когда все общества, которые не соответствуют критериям военного прогресса, принятым в данной политической ситуации, рассматриваются как нецивилизованные.

Интегративный характер военного прогресса предполагает особую методологию. Например, в работе «Социальная термодинамика и проблема идентичности» авторами С.Б. Перелегиным, Е.Б. Перелегиной, С.Е. Боровиковым развивается «термодинамический» подход к социальным явлениям⁷¹. О.А. Назарова справедливо подчеркивает, что использование

⁷⁰ Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч. II.: Теоретико-методологические аспекты исследования. М., 1998.

⁷¹ Перелегин С.Б., Перелегина Е.Б., Боровиков С.Е. Социальная термодинамика и проблема идентичности. [Электронный ресурс] URL: http://www.igstab.ru/materials/black/Per-Soc_Termo_Htm.

диалектического метода предполагает учет того, что между предметом знания и содержанием знания, оформленном в определенной системе понятий, не существует качественного различия, поскольку «...они определяются только характером данного предмета знания»⁷². Однако методологическая культура предполагает требовательное отношение к любым вновь вводимым принципам (в том числе и к заимствуемым из арсенала естественно-математических и технических наук) и, кроме того, выявление их мировоззренческой ориентации⁷³.

Проблемность исследования военного прогресса связана с противоречивым характером его проявлений. Попытка защитить развитие от влияния внешней среды, от угроз и опасностей субъективного и объективного характера может спровоцировать ускоренное накопление социальной энтропии, т. е. застой. Можно утверждать, что сохранение статус-кво как формы безопасного существования системы не гарантирует оптимальных темпов развития, поскольку во всех проявлениях военного прогресса и социальных систем важно реализовать формы их наиболее эффективной взаимосвязи. Постановка этой проблемы носит системно-междисциплинарный характер и в настоящем исследовании основное авторское внимание уделяется философским основам и конкретным методологическим направлениям, которые необходимы для решения всего комплекса проблем, связанных с военным прогрессом во всех его проявлениях.

Новизна концептуально-методологического видения проблемы военного прогресса в философском ракурсе обуславливается и все возрастающей значимостью проблемы безопасности различных объектов –

⁷² Назарова, О. А. Онтологическая гносеология С. Франка как основа самооправдания метафизики // Философские науки. 2006. № 3. С. 47–48.

⁷³ Демин В.Н. Лев Гумилев. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 285–286.

человека, общества, государства, цивилизации (проблемы которая, в отличие от проблемы развития, гораздо позже была включена в орбиту философских исследований). Сложность исследования военного прогресса связана с особенностями его структуры. Важно также учитывать, что военный прогресс, включает в себя совокупность иерархических уровней, потому что «...не только герои, выделенные лица оказываются включены в глубинные социальные течения, невидимые на поверхности мелких колыханий социального океана, но включены в них и массы, каждый человек без исключения; вопрос только в градации активности и пассивности включенности. Но и пассивность массы лиц синергичным образом производит и направляет сам поток»⁷⁴.

Содержание и структура военного прогресса зависят от уровня научных знаний в целом и степени зрелости самой военной науки и ее теоретико-методологических основ в частности: характера и особенностей развития материально-технической базы военного дела; характера экономических, социально-политических отношений в обществе и состояния политической системы государства; характера и основных тенденций каждой конкретной эпохи, ее противоречий и тенденций.

Военный прогресс продолжает развиваться неотделимо от общеисторического процесса развития человеческого общества. Формирование, становление и развитие военного прогресса продолжает идти по восходящей от одной исторической эпохи к другой под воздействием, прежде всего, экономических, социально-политического и других факторов военно-технического прогресса. При этом каждой общественно-

⁷⁴ Аллюшин А.Л., Князева Е.Н. Многоуровневое темпоральное строение реальности // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 86.

экономической формации присущи свои военные воззрения, теории, уровень состояния и развития военно-научных знаний⁷⁵.

Распространенное понимание объекта и предмета военной науки показывает, что недопустимо, как это делается, в ее определение включать понятия о предотвращении войн или о подготовке страны к отражению агрессии, поскольку эти явления иного порядка по сравнению с теми, что являются объектом и тем более предметом военной науки⁷⁶.

Военный прогресс является сложным объектом, который предполагает интегрированных усилий ученых многих направлений. При исследовании военного прогресса используется междисциплинарный подход, сущность которого «заключается в осуществлении комплексного прогнозирования и составлении целостной картины субъекта, проходящего ступень зрелости, для того «...чтобы целенаправленно и творчески активно помочь ему достичь духовно-нравственных, физических и профессионально-культурных уровней в общественной и государственной системе»⁷⁷.

В вопросе методологических оснований военного прогресса, как, впрочем, и социального прогресса вообще, можно констатировать внушительное множество различных взглядов и подходов. Данная плюралистическая ситуация в области западного методологического теоретизирования, конечно же, не исключает возможность обобщений. И в случае реализации этой исследовательской процедуры обобщения обнаруживаются две тенденции в постановке общенаучных проблем. Одна тенденция имеет логико-методологическую направленность и занимается анализом логических и семантических структур научного знания, проверкой

⁷⁵ Чекинов С.Г., Богданов С.А. Развитие военной науки на начальном этапе XXI столетия // Вестник Академии военных наук. 2011. № 4. С. 108.

⁷⁶ Там же. С. 117.

⁷⁷ Калаков Н.И. Методология прогностического исследования в глобалистике (на материале анализа прогнозирования социально-образовательных процессов). М.: Академический Проект; Культура, 2010. С. 76–77.

их на логическую непротиворечивость, например, методом верификации. Как справедливо подчеркивает Н.А. Князев, «другая же тенденция выводит анализ динамики научного знания на связь с историческими, социально-психологическими, политическими и культурными факторами»⁷⁸. Это важно учитывать в исследовании военного процесса.

Диалектическая логика может быть реализована только в той модели мира, в которой могут иметь отношения, способные становиться более совершенными или менее совершенными. И данная динамика отношений получает свою законченность в диалектической логике⁷⁹. Как отмечает Л.Н. Гумилев, чтобы анализ удался, приходится «...применять панорамную и стереоскопическую методику, заполнять темные места изолиниями, рассматривать объект с разными степенями приближения, и таким сложным путем можно получить канву достоверных фактов и синтезировать процесс этнокультурного становления, руководствуясь логикой событий. Но и этот результат мы считаем полуфабрикатом. Он нужен лишь для того, чтобы, наложив его на закономерности природы, уяснить себе мировую причинно-следственную связь»⁸⁰. Благодаря Л.Н. Гумилеву появилась возможность исследовать военный прогресс в неразрывной связи с пониманием сущности прогресса в целом, включая не только географические и исторические факторы, но и менталитет, что проявилось в теории пассионарности (Л.Н.Гумилев).

Если анализировать военный прогресс на уровне синергетики, то стоит подчеркнуть, что в теории социальной энтропии имеются внутренние ограничения методологического характера, которые «...не позволяют ей претендовать на роль универсальной теории социальных изменений»⁸¹. Эта

⁷⁸ Князев Н.А. Философские основы проектного анализа науки // Теория и история. 2004. № 3. С. 142.

⁷⁹ Чуринов Н.М. Совершенство слова и совершенство отношения // Теория и история. 2010. № 2. С. 29.

⁸⁰ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М.: ДИ-ДИК, 1994. С. 423.

⁸¹ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань, 1999.

концепция фиксирует основное внимание на неравновесных моментах развития, хотя при этом явно недооцениваются принципиальные для самосохранения системы состояния стабильности и устойчивости. Кроме того, к сожалению, не учитывается тот факт, что хаос также может играть конструктивную роль, что демонстрируется, в частности, на уровне военного прогресса. Подобное направление исследования может быть полезным при анализе военного прогресса, поскольку он включает в себя как периоды мирного, относительно системного развития, так и ситуацию хаоса, что несут в себе войны. Согласно негэнтропийному принципу информационной реальности, антиэнтропийный процесс при рассмотрении социальных явлений определяется как процесс внесения отрицательного вклада в социальную энтропию.

При исследовании военного прогресса важно базироваться не только на формационном базисе, но и с учетом культурно-цивилизационных подходов. Понятие «цивилизация» определяется как «совокупность функциональных и корреляционных связей между социально-экономическими, политико-правовыми и культурологическими факторами, образующими тенденции, традиции, институты, отношения в определенном, достаточно длительном, пространственно-временном диапазоне⁸².

Методология исследования военного прогресса в отечественной традиции проявляется в том, что определяющие политику современной России сторонники Запада попытались автоматически перенести в отечественную науку, схемы и стандарты, что столетиями разрабатывались в чуждом для нас обществе. В частности, для понимания сущности военного прогресса необходимо учитывать, что для Западной Европы характерной является постоянная борьба светской и духовной властей, которая внешне скрашивалась при помощи таких изначально искусственных

⁸² Хвостова К.В. Особенности византийской цивилизации. М.: Наука, 2005. С. 7.

регуляторов, как проекты «толерантности», «поликультуризма» и т. д. Они абсолютно произвольно создаются как проявления субъективизма той или иной политической группы или господствующей элиты. По справедливому замечанию Н.А. Бердяева, «западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей, для которых европейская культура есть мечта о далеком, а не внутренняя их сущность»⁸³.

В методологическом плане важно учитывать традиции не только западной научной школы, но и богатейший опыт восточной цивилизации. Тем более, что «поворот к Востоку» наблюдается во всех сферах общественной и государственной жизни. Уникальность геостратегического положения России, а также наличие огромных запасов природных ресурсов дает нашей стране шанс на новом витке истории обеспечить себе достойное место в геополитическом раскладе XXI столетия. Весьма примечательно, что идеологи евразийства ставили перед «рах rossica» прежде всего «задачи культурного творчества», а не силовой экспансии. Их позиция значительно отличается от современной концепции «рах America», насаждаемой в Европе и Азии посредством бомб и крылатых ракет, лжи и дезинформации мирового сообщества. В этом плане становится понятной притягательная сила геософского наследия Савицкого в наши дни⁸⁴.

В книге В.Г. Федотовой «Хорошее общество»⁸⁵ ставится вопрос о реконструкции, формировании целого на основе возрастающего разнообразия определенного типа его элементов, с необходимостью постоянного внимания к их различиям, к их обсуждению. Поскольку поступательное развитие общества имеет качественную и количественную

⁸³ Бердяев Н.А. Судьба России [Электронный ресурс] URL: http://www.golden-ship.ru/_ld/10/1032____.htm.

⁸⁴ Макаров В.Г., Матвеева А.М. Геософия П.Н. Савицкого: между идеологией и наукой // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 133.

⁸⁵ Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005.

стороны, то качественная сторона военного прогресса характеризуется совокупностью общественных отношений, которые показывают развитие материальной и духовной культуры и распределение ее благ.

Исследование военного прогресса предполагает учет того факта, социальное пространство человеческого бытия, которое значительно расширилось в последние десятилетия, не всегда согласуется с определенной системой защищенности. В частности, коллективный труд «История методологии социального познания. Конец XIX–XX век»⁸⁶ – сборник статей, связанных единой исследовательской целью выстроить логико-историческую последовательность парадигмальных сдвигов в области методологии социального знания. Для выработки методологической основы исследования военного прогресса важно учитывать, что на протяжении нескольких столетий главным содержанием развития страны был процесс европеизации, преодоления последствий того величайшего исторического бедствия, каким стало для Восточной Европы татаро-монгольское нашествие. В историософском смысле это было трудное возвращение России в Европу, ее вторичное утверждение как неотъемлемой части единой европейской христианской цивилизации»⁸⁷.

Доказательством необходимости тщательного изучения военного прогресса на адекватной методологической основе является теоретическая война, которая позиционируется прежде всего как несовместимость идеологий и попытки нейтрализовать альтернативную методологию. Именно поэтому победа в теоретической войне над противником возможна лишь при использовании в качестве оружия отечественную философскую методологию. Каждая методология реализуется в соответствующих теориях. Задача философов – опрокинуть альтернативные теории и навязать обществу

⁸⁶ История методологии социального познания. Конец XIX–XX век. М., 2001

⁸⁷ Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления // Теория и история. 2007. № 2. С. 9.

чуждые теории как передовые, блокировать самостоятельность мышления противника. В частности, «...в методологическом плане важно учитывать, «что схемы периодизации, основанные на опыте Западной или любой другой отдельной цивилизации, оказывают плохую услугу при объяснении траекторий других обществ»⁸⁸. Дело в том, что именно на этой основе делаются выводы о «нецивилизованности» того или иного общества, что может быть поводом для нагнетания военной истерии и стимулирования военного прогресса.

Методология исследования военного прогресса тесно связана с проблемой безопасности в жизнедеятельности современной цивилизации, которая приобрела не менее важную роль, чем проблема развития и оказалась тесно связанной с перспективами выживания человечества в условиях глобализации и обострения глобальных проблем. И хотя дисциплинарное утверждение безопасности как категории, выражающей способ относительно «спокойного» бытия того или иного объекта, существенно отстает от проблемно-поисковых разработок, тем не менее может быть поставлен вопрос о становлении уже в ближайшее время общенаучной дисциплины, предметом изучения которой окажется проблема обеспечения безопасности в ракурсе устойчивого развития, о чем уже высказывались определенные соображения⁸⁹.

Методология исследования военного прогресса предполагает учет духовной составляющей. В частности, по мнению И.Л. Солоневича, православие – «...это есть принципиальный отказ от автоматизма и насилия,

⁸⁸ Бентли Д. Межкультурные взаимодействия и периодизация всемирной истории // Время мира: альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 171–172.

⁸⁹ Урсул А.Д. Безопасность и устойчивое развитие: От концепций к научным дисциплинам // Безопасность России. Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии. М., 1998.

а также принципиальное признание свободы человеческого духа, долженствующего сделать свой свободный выбор между добром и злом»⁹⁰.

Методология анализа военного прогресса тесным образом связана не только с особенностями протекания войн и совершенствования техники, но и с особенностями становления системы мирного сосуществования. В связи с этим важно подчеркнуть, что с методологической позиции мирное сосуществование – это тоже вид теоретической войны. Н.А. Сигида справедливо пишет «Мирное сосуществование, «разрядка», «новое мышление», перезагрузка отношений – «эти ложные ориентиры позволили замаскировать ведущуюся против СССР и затем России теоретическую войну, внедряющую стандарты естественности общества индивидуалистического типа, общества потребления. Новизна и неочевидность на первоначальном этапе результатов войны нового поколения проявляется на заключительном этапе войны и приводит к контролю над страной противника»⁹¹. Это подтверждает и военный ученый В.В. Круглов: «Запад сделал немало для того, чтобы в российской социальной практике были искажены русская (евразийская) онтология бытия и фундаментальные законы природы»⁹².

Методология военного прогресса заслуживает большего внимания и постепенно оформляется в особое направление, на базе которого осуществляется рефлексия над армией и всех остальных проявления военного прогресса. Таким образом выявляются рациональные основания познавательной деятельности исследователя, а также исследовательские процедуры и приемы. Подобная методика вытекает из особенностей конструирования объекта и позволяет анализировать не только структуру произведенного знания, но и дает возможность оценивать его.

⁹⁰ Солоневич И. Л. Политические тезисы // Наш современник. 1992. № 12. С. 158–159.

⁹¹ Сигида Н.А. Теоретическая война // Теория и история. 2011. № 2. С. 170.

⁹² Круглов В.В. О скрытых угрозах национальной безопасности РФ и методах их выявления // Военная мысль. 2010. № 3. С. 5.

Методологической основой комплексного прогнозирования управления являются системный и прогностический подходы, позволяющие руководителям разного уровня четко выделять цели и задачи своей прогностической деятельности и планомерно их выполнять⁹³.

Философия всегда пыталась создавать максимально обобщенную картину мира и человека в нем. Она не может не откликаться на вызовы и развития, формируя при этом новые мировоззренческие ориентиры, которые способствовали бы выживанию цивилизации и продолжению ее бытия. Можно согласиться с А.Н. Кочергиным, который резонно подчеркивает: «Современная философия, отвечая на свои вечные и основные вопросы, «должна стать прежде всего философией выживания»⁹⁴.

Исследование военного прогресса предполагает анализ таких различных факторов, как исторический опыт, технический уровень развития общества. Исследование военного прогресса предполагает особый методологический базис, в основе которого диалектическое единство военных традиций прошлого и современных концепций. Военный прогресс выполняет мировоззренческую и методологическую функцию, способствуя раскрытию сущности и критериев прогресса в системе всеобщей связи явлений.

Таким образом, распространение технологических инноваций определяет методологию исследования военного прогресса, критерии которого имеют аксиологический характер и формируются на основе улучшения показателей безопасности общества, связанных с доминирующими общественными ценностями. Методы исследования

⁹³ Калаков Н.И. Методология прогностического исследования в глобалистике (на материале анализа прогнозирования социально-образовательных процессов). М.: Академический Проект; Культура, 2010. С. 22–23.

⁹⁴ Кочергин А.Н. Философия выживания // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003, С. 1087.

военного прогресса предполагают не только учет теории и практики, но и состоятельности концепций и идеологических установок, а также проверку их на уровне конкретных военных операций, что связано с многогранностью военного прогресса.

Выводы.

Существуют различные типы военного прогресса, что детерминировано различными историческими традициями, менталитетом и уровнем социальной энтропии, складывающимся в конкретной стране под влиянием внешних факторов.

Актуализация типов военного прогресса обусловлена типом общества, которое, в свою очередь, формируется конкретными историческими условиями, а также обусловлено географическими, геополитическими, климатическими и прочими факторами.

Актуализация типов военного прогресса тесным образом связана с преобладанием в массовом сознании упрощенного, проявляющего себя в технических показателях представления о военном прогресса, что вызывает высокую подвижность в определении критериев и перспектив развития общества. Актуализация конкретных типов военного прогресса может быть детерминирована также попытками манипуляции общественным сознанием определенной части социума в своих политических целях; тогда военный прогресс становится полем идеологической и политической борьбы.

Методология исследования военного прогресса тесно связана с проблемой безопасности в жизнедеятельности современной цивилизации, которая приобрела не менее важную роль, чем проблема развития и оказалась тесно связанной с перспективами выживания человечества в условиях глобализации и обострения глобальных проблем. И хотя дисциплинарное утверждение безопасности как категории, выражающей способ относительно «спокойного» бытия того или иного объекта, существенно отстает от

проблемно-поисковых разработок, тем не менее может быть поставлен вопрос о становлении уже в ближайшее время общенаучной дисциплины, предметом изучения которой окажется проблема обеспечения безопасности в ракурсе устойчивого развития, о чем уже высказывались определенные соображения⁹⁵. Диалектический по своей сути процесс противостояния различных сил проявляется в конкретных условиях, где в качестве средств выступают конкретные политические акции, а также военные действия. Проблема состоит в том, по мнению А.А. Грякалова, что «...объяснение положения осуществляется с помощью специфических для глобального мира символических конструкций»⁹⁶.

⁹⁵ Урсул А.Д. Безопасность и устойчивое развитие: От концепций к научным дисциплинам // Безопасность России. Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии. М., 1998.

⁹⁶ Грякалов А.А. Контекст глобализации и философия события // Глобализация: pro et contra : материалы Междунар. конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий : приоритеты российской культуры и искусства». СПб.: Астерион, 2006. С. 22.

Глава 2. НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ ВОЕННЫЙ ПРОГРЕСС

На Западе идея военного прогресса формировалась на базе конкретных воззрений, создающих условия для выработки агрессивного характера военного прогресса. Однако трудности исследования военного прогресса в его наступательной версии обусловлены тем фактом, что наряду с традиционной войной появились ее разновидности. Традиционная война представляет собой прямую военную конфронтацию между государствами, когда в качестве объекта основных операций выступают вооруженные силы страны. Стратегическая цель агрессора заключается в уничтожении боеспособности противника, захвате территории, обеспечении политических изменений в стране, которая является объектом нападения. Современная гибридная война не имеет традиционных военных признаков, поэтому ее трудно анализировать на уровне привычных пространственно-временных параметров. Военный прогресс в современном мироустройстве теряет традиционные формы, видоизменяется, приобретая новые черты путем использования таких неоднозначных концепций, как трансгуманизм, кибервойна, которые угрожают самой природе человека, что ставит новые задачи перед исследователями и практиками. Соответственно, наступательный военный прогресс последовательно отражает стандарты западного сознания периода постмодерна, проявляющимися в таких концептах, как «конфликт цивилизаций», «конец истории», «золотой миллиард», которые разрабатываются сторонниками укрепления своего господствующего положения в будущем мире.

Во второй главе исследуются особенности наступательного военного прогресса в его консервативном и либеральном проявлениях, а также последствия реализации военного прогресса, характерного для Запада.

2.1. Военный прогресс по консервативной стратегии

Взаимообусловленность социального и военного прогресса особо проявляется в консервативной версии военного прогресса, где на первое место ставятся интересы государства и его реальные и мнимые военные победы.

С точки зрения консервативной версии государство должно распространять свое влияние на все сферы общественной жизни, ведь в этом случае происходит огосударствление произвольно максимального количества сфер общественной жизни. Консервативный подход к институциональному оформлению гражданского общества в конечном счете представляет собой определенную абстракцию, которая не поддается реализации в полной мере. Исходя из этого сторонники консервативного подхода пытаются организовать особую систему государственного контроля, проникая во все сферы жизни общества. В данном социальном взаимодействии гражданское общество также выступает как трансцендентальный субъект, который восполняется произвольным составом социальных институтов. Поэтому социальное взаимодействие между государством и гражданским обществом осуществляется как между двумя трансцендентальными субъектами⁹⁷. Таким образом возникает государство, в котором благодаря искусственному ограничению (общественному договору) на смену естественному эгоизму, определяющему поведение индивидов, приходит эгоизм разумный. Следовательно, индивидуалистическая специфика жизни общества сохраняется, получая лишь необходимое для дальнейшей жизнеспособности общества правовое оформление. Гоббс в связи с этим замечает: «Всякое общество создается либо ради пользы, либо ради славы, то есть из любви к

⁹⁷ Черноусова Л.И. Взаимодействие социальных институтов государства и гражданского общества // Теория и история. 2010. № 1. С. 118.

себе, а не к ближнему»⁹⁸. Если следовать за Гоббсом, то военный прогресс аккумулирует в себе пользу и славу. Сегодня вопрос о консервативной версии военного прогресса тесно образом связан с проблемой сохранения государства в условиях давления мондиалистских тенденций, несущих в себе нестабильность отношений в обществе, аксиологическую дезинтеграцию, региональные кризисы. В плане исследования военного прогресса консервативный подход предполагает определенный набор идей, подпитывающих милитаризм как доказательство существования незыблемых государственных структур. Как полагал Г. Зиммель, для поддержания конкуренции вражда необходима в различных сферах жизнедеятельности общества: в экономике, науке, искусстве. «Два рода общности следует принять во внимание как фундамент особенно острого антагонизма: общность качеств и общность благодаря включенности в единую социальную связь»⁹⁹.

Понимание особенностей военного прогресса в консервативной версии предполагает также учет того факта, что важнейшим элементом политической системы общества является государство. Для реализации военного прогресса в консервативной концепции используются символические конструкции, которые часто основываются на произвольном отношении к историческим фактам. Необходимо учитывать, что военный прогресс в восточных концепциях традиционно имеет свою специфику. Например, Л.С. Васильева справедливо подчеркивает, что «консерватизм корпоративных связей способствовал политической стабильности даже в случае смены династий, например, в средневековой Индии»¹⁰⁰. В подобных условиях формировался военный прогресс по консервативной стратегии, что гарантировало выживание конкретного государства даже в условиях агрессии.

⁹⁸ Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 287.

⁹⁹ Зиммель Г. Человек как враг [Электронный ресурс] URL: <http://www.musa.narod.ru/zimml.htm>

¹⁰⁰ Васильева Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1993.

Военный прогресс в своем консервативном содержании предполагает культивирование государственных структур как ведущих, определяющих социальный прогресс вообще и военный в частности. Однако в современных условиях консервативная версия военного прогресса значительно корректируется, что связано со сложностью взаимоотношений между светской и духовной ветвями властей.

В консервативной версии государство является искусственным образованием, которое сконструировано благодаря воле конкретных людей. Степень оптимальности подобной искусственной конструкции в значительной обусловлена тем, насколько адекватен ей общественный проект, который будет реализован в итоге. В этом случае нельзя избежать определенного утопизма, что обусловлено представлениями о правильном общественном порядке, который можно пытаться реализовывать вне времени и пространства.

Исследование военного прогресса в его консервативной версии предполагает несколько этапов. К примеру, в начале XX в. начала выстраиваться новая модель капитализма в идеологически привлекательном оформлении «общества всеобщего потребления и равных возможностей». По сути, это хорошо известная модель Римской империи, когда «гражданам Рима», обеспечивается высокий уровень потребления «хлеба и зрелищ» за счет неравноправного обмена с периферией и захвата новых земель. Эта модель отлично работает ровно до тех пор, пока военная сила позволяет захватывать новые ресурсы и поддерживать неравномерные обмены.

Консервативное государство предусматривает концентрацию усилий всех социальных институтов, которые подлежат максимальному огосударствлению для достижения общественного идеала посредством внедрения государственной идеологии, национальных идеалов и т. д. Подобная система выступает в качестве аппарата претворения в жизнь теории

мирового правительства, т. е. мондиалистских тенденций. Военный прогресс в этом случае призван выполнять важную роль не только на уровне конкретного государства, но и в мировом масштабе.

Военный прогресс в рамках консервативного содержания понимается как определенная практика, целью которой является реализация интересов отдельных государственных институтов, которые противопоставляются обществу. Подобная антропоцентрическая трактовка сущности социальных институтов принята за основу понимания их субъектной определенности. Данное направление характеризует западную философскую школу. В соответствии с логикой неоминализма в неореализме принцип антропоцентризма задает специфику управленческой деятельности социальных институтов, которые выступают как свободные и трансцендентальные субъекты. Этим объясняется произвольность не только в выборе путей развития военного прогресса, но и в трактовке современного его состояния.

Для понимания сущности военного прогресса наступления в его консервативной версии важно выделить существенную черту современного консерватизма, которая проявляется в стремлении государства использовать в политике насильственные методы, причем правые консерваторы не склонны использовать социальное маневрирование для согласованного решения проблем во взаимоотношениях между обществом и государством. Именно поэтому военный прогресс по консервативной стратегии базируется на принципах антропоцентризма, что во многом определяет его особенности. В частности, консерваторы всегда позиционирует себя в качестве сторонников жесткой политики, обосновывая подобные действия необходимостью защиты государственных интересов.

Вопросы о том, что является критерием военного прогресса в его консервативной версии, лежат в основе целостности общества, ведь

безопасность — основа государственной политики. Консервативные концепции исходят из тезиса, что в основе любого общества лежит концепция индивидуализма, согласно которой игнорируются понятия, характеризующие внутренние взаимосвязи между людьми, представляющими целостные социальные структуры. Тем не менее для понимания особенностей военного прогресса в его консервативной версии важно подчеркнуть, что формирование общественной и государственной целостности во многом обусловлена внешней угрозой. Исходя из специфики протекания консервативного прогресса, довольно сложно выявить его критерии. В частности, в качестве таковых могут выступать: 1) наличие военных традиций; 2) количественные (технические) показатели; 3) внешние атрибуты армии.

Существующий в современной международной практике принцип суверенного государства сложился не случайно, а на протяжении столетий войн и конфликтов. Однако практика показывает, что эти ценности нивелируются военными ударами.

В «Философии права» Гегель подчеркивает «нравственный момент войны» выделяя высокое значение войны, благодаря которой сохраняется нравственное здоровье народов. «Вечный мир», по мнению Гегеля, подобен загнивающему озеру, которое приводит к нравственным проблемам в социальном организме, поскольку в такой ситуации высшие духовные начала пребывают в концентрированном виде. Война стимулирует индивидуальную волю, которая стремится к конкретной целостности индивидуальных воль в едином «народном духе», что максимально концентрируется в государстве. Если народ, составляющий определенное государство, обладает высокой нравственной культурой, то он доказывает свою состоятельность во всех проявлениях военного прогресса, что в свою очередь обеспечивает устойчивое развитие этой системы. «Нравственный момент войны есть

средство формирования нравственных императивов и предписаний, а также правовых норм и принципов, которыми должно руководствоваться определенное государство как внутри себя, так и в контексте международных отношений»¹⁰¹.

Амбивалентность военного прогресса наиболее ярко проявляется в войнах. За всю историю человечества произошло 14 тыс. 530 войн, и только 292 года человечество жило в мире. Однако только в XX в. войны стали мировыми, т. е. социальная масштабность войн поднялась на несколько порядков выше. Одним из наиболее явных характеристик военного прогресса, в частности, являются две мировые войны, где можно с различных позиций оценивать социальный и военный прогресс. Если в первой мировой войне принимало участие 38 стран, то во вторая мировая война охватила 61 государство, т. е. 80 % всего человечества. Результатами этих войн стала гибель десятков миллионов людей и одновременно изобретение самых совершенных военных машин.

Ведущей отличительной чертой наступательного прогресса является потенциальное провоцирование войн различного уровня. Марвин Харрис предлагает следующую классификацию войны.

Война как проявлений солидарности. Согласно данной концепции, наличие внешних врагов порождает чувство групповой идентичности и усиливает корпоративный дух, а группа, члены которой вместе сражаются, остается сплоченной.

Война как игра. Сторонники этого подхода попытались уравновесить материальные издержки и выгоды от войны, представляя ее как доставляющий удовольствие, полный состязательности командный спорт. Если люди в самом деле получают удовольствие, рискуя своей жизнью в

¹⁰¹ Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М., 1998.

бою, то война, будучи расточительной в материальном отношении, может быть ценной в психологическом, и затруднение таким образом снимается.

Война как проявление человеческой природы. С позиций сторонников данной концепции, война происходит, потому что люди, в особенности мужчины, обладают «инстинктом убивать».

Война как политика. В рамках этого подхода считается, что военный конфликт является логическим следствием попытки одной группы защитить или увеличить свое политическое, социальное или экономическое благополучие за счет другой группы. Война происходит, потому что она приводит к отчуждению территории и ресурсов, захвату рабов или добычи, а также к накоплению дани и податей по принципу «добыча принадлежит победителю». Негативные последствия для побежденных можно попросту сбросить со счетов – это вопрос «военной удачи».

Военный прогресс внешне реализуется в виде регулярных войн, под которыми понимаются войны, включенные в режимы жизнеобеспечения и самоорганизации хотя бы одного из воюющих сообществ, поэтому они ведутся постоянно с постоянными промежутками. Война в этом случае является социальным методом, выполняющим значимые для этого сообщества функции. Среди войн выделяются преднамеренные (включающие сознательные невынужденные решения лидеров сообщества-инициатора и специальное заблаговременное планирование) и непреднамеренные (войны, являющиеся результатом не сознательного решения, но складывающихся обстоятельств, иными словами, это войны, «которых никто не хотел»)¹⁰².

Война рассматривается как многомерное социальное явление, как взаимосвязанная совокупность различных силовых действий сторон, в

¹⁰² Розов Н. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // Время мира. Вып. 3. Война и геополитика / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2003. С. 93–94.

котором вооруженная борьба является главной, но не единственной формой силового воздействия на противника. На практике обозначилась устойчивая тенденция к снижению ее роли в процессе дальнейшего изменения содержания войны. Здесь наблюдается довольно распространенная ошибка, когда сторонники данного неправомерно переносят понятие войны на многие виды противоборства. Подобное объяснение вполне осмыслено для войн исторического периода, которые были прежде всего конфликтами между суверенными государствами. Такие войны, несомненно, подразумевают попытку со стороны одного государства поднять свой уровень жизни за счет других¹⁰³.

Важным фактором, актуализирующим проблему военного прогресса, является также то, что многие ученые ставят под сомнение сам факт прогрессивного развития человечества, из чего следует ошибочный тезис, согласно которому войны соответственно рассматриваются как естественные и неизбежные социальные явления, что зафиксировано во многих концепциях западных ученых. К временному миру и порядку, по их мнению, человечество может вывести лишь политическая и государственная власть, способная противостоять разрушительным импульсам народа. Все чаще в 'этих случаях диктаторы прибегают к услугам армии, используя ее не по назначению, и этим дезориентирует ее, искривляя сам вектор военного прогресса.

Военный прогресс по консервативной стратегии представляет собой не только защиту сложившейся системы, но также направлен на разрешение проблем, которые предполагают диктат, подчинение, порабощение, учреждение центра силы и т. п.

¹⁰³ Харрис М. Происхождение войны // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2003. С. 124-126.

Исследование консервативной версии военного прогресса предполагает уточнение сущности общества, которое обозначается расплывчатым понятием «западная цивилизация». Важно учитывать, что таким образом позиционируется особый тип общества, возникший в европейском регионе вследствие ряда мутаций традиционных культур. Постепенно подобное общество начало осуществлять свою экспансию на весь мир, что предполагает высокий уровень военного прогресса. В связи с этим важно подчеркнуть, что для выживания государств консервативного типа потребовалась определенная структура, которая обеспечивала целостность и жизнеспособность всего общественного организма. Сторонники консервативного государства предпочитали национальные традиции общественно-политическим институтам, стремясь приспособить их к соответствующим политическим принципам. Л.Н. Черноусова резонно подчеркивает, что «...в зависимости от типа консерватизма те или иные социальные институты сосредотачиваются на реализации общественного договора или господствующей идеологии, вероучения или национальных идеалов, достижения общественного идеала»¹⁰⁴.

Консервативная версия военного прогресса предполагает особое отношение к военной истории. Ангажированность подачи материала здесь сопровождается прямой фальсификацией всего, что не оправдывает особого геополитического положения конкретной страны. Во многом символическая сущность консервативного военного прогресса иллюстрируется С. Жижекком: «Первоначальное событие воспринимается как случайная травма, как вторжение некоего, не поддающегося символизации реального объекта. И только после того, как оно повторяется, оказывается возможным распознать его символическую необходимость – найти ему место

¹⁰⁴ Черноусова Л.Н. Взаимодействие социальных институтов в гражданском обществе в отношениях консервативного правового государства // Теория и история. 2011. № 2. С. 137.

в символической системе»¹⁰⁵. В исторической перспективе победы и поражения во многом приобретают символический характер и становятся базисом для реализации консервативных концепций. А.А. Грякалов совершенно справедливо отмечал: «...Исток глобального мира усмотрен в начале истории, что делает символически легитимным господствующий проект. При этом господство символического предстает столь очевидно и мощно, что наводит на мысль о критической массе глобальной информации – возникает опасность «большого взрыва»¹⁰⁶.

Для консервативного подхода к военному прогрессу характерен отход от холизма и организмизма в понимании общества к индивидуализму и, соответственно, от социально-исторического ракурса рассмотрения исторической преемственности к социально-экономическому и правовому, что, естественно, проявляется в особенностях протекания военного прогресса. Глен Т. Мартин особо подчеркивает эту особенность понимания военного прогресса консерваторами. «Мировой порядок без демократически принятых, исполняемых, единых для всех законов является по сути своей террористическим, т. е. использование силы или угрозы силой для достижения политических или социальных целей встроено в саму систему»¹⁰⁷. Преобразующая деятельность, связанная с реализацией военного прогресса в его консервативном содержании, может быть оценена в качестве процесса, который обеспечивает господство над внешними обстоятельствами.

Консервативная версия военного прогресса проявляется в том, когда ему придается значение какого-либо общественного идеала в значении какого-

¹⁰⁵ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 67.

¹⁰⁶ Грякалов А. А. Контекст глобализации и философия события // Глобализация: pro et contra: материалы Междунар. конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». СПб.: Астерион, 2006. С. 23.

¹⁰⁷ Глен, Т. Мартин. «Суверенные» национальные государства как источник терроризма и прочность мирового порядка / пер. с англ. А. В. Митрофановой // Вестник РФО. 2004. N 3. С. 71.

либо варианта трансцендентальной реальности (вероучения, общественный договор, какая-либо идеология, какая-либо дедуктивная или индуктивная теория, например, теория государств и права, теория мирового правительства и т. п.). В условиях консервативного нормотворчества институциональность, призванная осуществлять, претворять в жизнь тот или иной общественный идеал, стремится поставить под контроль максимально возможную часть сфер общественной жизни. Для понимания особенностей проявления военного прогресса в данной версии важно учитывать, что крайней формой консерватизма является тоталитаризм.

Исследование консервативной концепции военного прогресса предполагает учет того факта, что в истории человечества можно различить два основных типа цивилизаций. Каждая из них, как традиционная, так и техногенная реализуется в всем многообразии конкретных видов общества. По мнению авторитетного историка Арнольда Тойнби, всего в истории человечества существовала двадцать одна цивилизация, большинство из которых представляли собой традиционные общества. Для них характерно наличие чрезвычайно устойчивых консервативных тенденций сохранения соответствующего образа жизни и воспроизводства социальных отношений. Понятно, что самое консервативное общество не может оставаться неизменным, поэтому традиционные общества также изменяются под влиянием инноваций не только в области производства, но и в сфере регулирования социальных отношений.

Историческая практика подтверждает, что прогресс, который является следствием накопления цивилизационных завоеваний, идет довольно медленно. Сменяющиеся поколения могут не замечать изменений, поскольку наблюдают приблизительно одинаковые структуры общественной жизни. В частности, виды деятельности, а также средства и цели этой деятельности веками существуют в качестве устойчивых стереотипов. Военный прогресс

обусловлен тем фактом, что в культуре подобных обществ приоритет отдается традициям, в которых аккумулирован положительный опыт предков. Именно поэтому инновационная деятельность в консервативных обществах не обладает той ценностью, на которую ориентируются, и, как правило, допустима только в рамках апробированных традиций. Подобный тип социальной организации присущ многим государствам «третьего мира», однако их столкновение с техногенной цивилизацией постепенно приводит к серьезным трансформациям традиционного образа жизни.

Военный прогресс по консервативной стратегии зависит от реализации практики подчинения государству в качестве одного из важнейших проявлений консервативной методологии управления обществом. Однако государство в этом случае выражает интересы консервативной социальной элиты, которые выражаются в конкретных идеальных ценностях. Жесткая государственная политика по консервативному проекту предполагает подчинение общества абстрактному общественному идеалу с целью реализации интересов той части общества, которую он представляет. Данная практика предполагает преобладание государства над всеми негосударственными институтами общества, что в полной мере определяет вектор военного прогресса по консервативной стратегии.

Значительным представляется тот факт, что управление «сверху» сложными общественными системами никогда не может учесть все возможные проявления социального творчества и самостоятельности различных его элементов. Это приводит, с одной стороны, к неизбежному росту органов контроля и управления «подопечным» населением. Рано или поздно управленческие структуры власти, как свидетельствует мировая история, сосредотачиваются на реализации собственных интересов. А с другой стороны, в результате такого «отрыва» в логике исторического процесса обнаруживается возникновение самостоятельных элементов

общества, которые образуются гражданами внутри государств в противовес коллизиям и противоречиям между властью и обществом. Как целостная система государство оказывается неустойчивым и разрушается с тяжелыми последствиями для своих граждан и сопредельных обществ¹⁰⁸. Все это в той или иной мере отражается в консервативной версии военного прогресса.

Реализация военного прогресса в его консервативной концепции предполагает следующий набор мероприятий: во-первых, призыв к сохранению государственных устоев, как правило, автоматически подразумевает особые отношения к обороне, что стимулирует военный прогресс; во-вторых, механизм увеличения численного количества армии. В-третьих, наличие умозрительной идеи («враги Отечества» и т.п.) идеологической установки.

Государственная элита в рамках консервативного режима является ставленником предпринимательских кругов и лоббистом их интересов. Это, естественно, касается и армии, которая стоит во основе выработки определенного алгоритма военного прогресса.

В современном мире соперником государства выступают сетевые сообщества. Это связано с тем, что государство полноценно по своей природе, территории и истории. Современное состояние евроатлантической цивилизации характеризуется упадком национальной государственности классического типа (декоративные монархии Европы, псевдоимперия Соединенных Штатов) и ее быстрым смещением от модерна (буржуазно-демократическая республика) к постмодерну (анонимно-сетевая организация политики, экономики и культуры, поддерживающих «общество спектакля»). В таких сообществах отсутствует само понятие социальной истины, ибо истина по существу универсальна, требовательна и в этом смысле

¹⁰⁸ Марцева Л.М. История безгосударственной самоорганизации обществ как альтернатива государственному типу упорядочения социальной жизни // Теория и история. 2007. № 1. С. 221.

несвободна (именно против нее направлена знаменитая теория «открытого общества» К. Поппера). В перспективе подобная общественная архитектура крайне неустойчива и предполагает определенный уровень военного прогресса, развернутого на базе консервативных ценностей.

Особенности проявления военного прогресса в консервативной стратегии можно проследить на примере современных мондиалистских тенденций в мире. В расширяющемся Евросоюзе столкнулись различные представления о его задачах, однако русофобская политика, к сожалению, объединяет многие бывшие социалистические страны. Однако антироссийская политика не поддерживается в «старых» европейских странах, что особенно проявляется в условиях обострения новых угроз. Даже представления о противостоянии этим новым угрозам серьезно расходятся, ведь если «старые» члены ЕС традиционно делают ставку на дипломатию, то новые члены поддерживают агрессивную политику США, в полной мере предоставляя свои территории для военных учений. С. Погорельская уверена, что все это несет «...сомнительные перспективы для «общеевропейской» внешней политики»¹⁰⁹. В этом заключается одна из основных проблем европейской интеграции, основанных на консервативном мышлении, в основе которого – договор. Подобный договор в виде «Конституции» часто вступает в серьезное противоречие не только с либерально-демократической концепцией конституционного права, но также и с конкретной политической практикой стран западного мира. Отсюда следует, что военный прогресс в своей консервативной версии, являясь определенным гарантом выживания государства на базе его традиционных ценностей, тем не менее представляет угрозу для соседних государств, поскольку несет в себе элементы диктата.

¹⁰⁹ Погорельская С.В. Конституция versus демократия? // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 61.

История свидетельствует, что по мере укрепления роста крупных национальных государств Запада многочисленные этносы, населявшие эти территории, либо прекратили свое существование, либо превратились в этнографический материал. Известна трагическая судьба коренного населения Северной Америки, славян – в Германии, кельтов (бриттов) – в Англии и т. п. На современном этапе поменялись лишь методы. Запад в наши дни, даже прибегая к прямой агрессии, действует под маской «гуманитарных, общечеловеческих ценностей и «борьбы с международным терроризмом». Цель же – власть во имя извлечения прибыли – осталась прежней.

Подлинная суть нынешнего консерватизма состоит в том, что его носители на Западе, не стремятся к формированию гармоничного общечеловеческого будущего, поскольку их глобализм не идет дальше присвоения планетарных ресурсов алчным меньшинством «избранных», считающих все остальное человечество не достойным этого богатства. Для того, чтобы сохранить максимально долго выгодную для себя ситуацию в мире, сторонниками подобного положения востребована именно консервативная версия военного прогресса. Военный прогресс в консервативной версии является следствием развития государства, которое проявляет свой диктат при помощи своих ведущих институтов. Однако в современных условиях сторонники подобного подхода являются не только приверженцами консервативных устоев, но и одобряют пересмотр чужих границ военным путем, что связано с условностью идеологических ценностей, которые исповедуются в современном консервативном государстве. Здесь важно учитывать тот факт, что существует здоровый консерватизм по отношению к своей истории, который позволяет культивировать патриотизм нации, настроенность на победу, что позволяет выиграть борьбу за интерпретацию своей истории. Несмотря на то, что история стран сложена не только из побед, но и позорных поражений и

вообще «темных» страниц, а также чудовищных преступлений, цивилизованному обществу хватает мудрости гордиться своими победами и извлекать уроки из поражений без самобичевания и самоуничтожения.

Одной из определяющих тенденций современных трансформационных процессов является ускоренное развертывание инструментальных возможностей техногенной цивилизации по овладению природными ресурсами и социокультурным пространством обществ традиционного типа. Претендуя на мировое господство в качестве единственно верного, универсального социального проекта, техногенная цивилизация, упираясь в «пределы роста» и подводя человечество к глобальному антропологическому кризису, обнаруживает признаки исторической несостоятельности. Подобная перспектива, а точнее, ее отсутствие, обусловлена логикой развития самой техногенной цивилизации. В связи с этим особо актуализируется проблема военного прогресса в его консервативной версии.

Отражением изначальной двойственности (тождественности и нетождественности общества и государства) стало второе свойство данной системы: государство здесь понималось в двух смыслах. С одной стороны, государство в широком смысле, включающее и растворяющее в себе вообще все – и общество, и политическую элиту. С другой стороны, государство как нечто отличное от общества, не совпадающее с обществом, как инструмент управления обществом, контроля и принуждения общества для реализации поставленных этим государством целей. Двойственность эта не случайна, и она не является простым результатом терминологической неясности. Именно эта, тщательно оберегаемая при всех политических режимах и на разных исторических этапах, двойственность делала и делает возможной

легитимизацию подобной архаичной патерналистской системы со стороны общества¹¹⁰.

Хотя современный консерватизм носит неоднозначный характер, однако для характеристики военного прогресса важно учитывать его важнейшую характеристику – антропоцентрическое стремление к подчинению жизни общества определенной государственной идее. Важной составляющей военного прогресса по консервативной стратегии в комплексе аксиологического подхода является особая ценность научной рациональности, а также научно-технического взгляда на окружающий мир, поскольку подобное отношение к миру является основанием для разного рода преобразований.

Принципиальное влияние на военный прогресс в его консервативной версии оказывает также тот факт, что жесткий централизованный контроль со стороны государства отразился на особенностях функционирования политических отношений в этих странах. Власть, конечно, открывала максимальный доступ к избыточному продукту, однако потеря власти чаще приводила к потере не только достатка, но и жизни.

Реализация военного прогресса в консервативной версии проявляется на протяжении всей истории, ведь любой агрессор, готовясь к войне, обеспечивает себе преимущество над противником. Не добившись своего начального превосходства, он просто не начнет боевых действий и откажется от своих планов. Преимущество может быть количественным, качественным или количественно-качественным. Оно проявляется в характеристиках вооружения, боевой выучке личного состава или в мастерстве организации кампании (операции, сражения, боя) и достигается наращиванием боевого и численного состава войск (сил и средств), их рациональной организационной структурой, применением лучших систем управления, выбором форм и

¹¹⁰ Глинчикова А.Г. Социальное значение русского раскола // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 18.

способов боевых действий, наиболее полно отвечающих условиям обстановки. Наличие такого превосходства одной стороны над другой и обуславливает асимметрию вооруженной борьбы.

Таким образом, военный прогресс по консервативной стратегии – это попытка сохранения традиционных представлений о войне, армии и т.д., которая достигается путем реализации военных планов посредством государственного аппарата.

2.2. Военный прогресс обеспечения диктата

Консервативная версия военного прогресса несет в себе угрозу идентичности другим странам, поскольку базируется на диктате государственных институтов, в том числе и армии, что убедительно прослеживается на примере истории. В течение пяти тысяч лет оседлой истории человечества ключевыми ресурсами, за которые шла ожесточенная борьба, были земля и вода. Тысячу лет назад к стратегическим ресурсам добавились металлы, включая золото и серебро, специи, шелк. Крестовые походы – это не что иное, как двухвековая идеологически легендированная баталия за контроль над ключевым торговым путем того времени и стратегическими ресурсами начала второго тысячелетия нашей эры. Можно согласиться с В. Гиренком, который убежден, что «Европа знала только одну форму – тотальность сознания. В погоне за множественным она потеряла единое и отказалась от культуры, построенной на единстве самосознания»¹¹¹.

Попытки реализации консервативной версии военного прогресса имеют также вполне конкретную практическую сторону. Как

¹¹¹ Гиренок Ф.И. Метафизика пата. М., 1995. С. 102–103.

свидетельствуют документы, уже в 1945 г. Объединенный разведывательный комитет США наметил двадцать советских городов для атомной бомбардировки. Необходимо подчеркнуть важный момент: атомное нападение планировалось не только в случае агрессии СССР, но и в том случае, когда успехи нашей страны в экономической области будут указывать на возможность нападения на США или создание надежной обороны против нашего нападения. Комитет советовал «предоставить приоритет стратегической авиации», при этом заметил, что атомные бомбардировки относительно малоэффективны против обычных вооруженных сил и транспортной системы, а значит, будут пригодны только для массового истребления мирного населения¹¹².

Консервативный военный прогресс направлен на обеспечение диктата одной страны или группы стран над остальным миром. Его успешность обусловлена тем, во-первых, в какую сторону качнется Россия, и, во-вторых, насколько далеко зайдут США в своем поощрении империалистических устремлений нынешних сателлитов. Имперская политика, что недавно ассоциировалось исключительно с США, перестала быть привилегией одного государства и постепенно начинает толковаться более расширенно. Все это свидетельствует о том, что идеологии мондиализма, при котором происходит нивелирование всех социокультурных особенностей народов планеты, может реально противостоять Россия, имеющая соответствующий уровень военного прогресса.

Примеры реализации военного прогресса по консервативной стратегии как проявления диктата довольно наглядно просматривается на протяжении всей истории. К примеру, Д. Куликов справедливо отмечает, что главным результатом фултоновской речи стало не объявление холодной войны, как

¹¹² Sherry M. Preparing for the Next American Plans for postwar defense. 1941-45. Yale University Press. P. 212-213/

принято считать. Главным ее содержанием является «...провозглашение единого союза свободных европейских народов, лидерство в котором Британская империя передает США, признает это лидерство и призывает Америку возглавить борьбу с СССР»¹¹³. Нередко для этого прибегают к историческим примерам.

Иллюстрацией консервативного подхода к военному прогрессу является политика США. В последнее время доминировала американская система управления, предполагающая «жесткий финансовый контроль и максимально эффективное снижение издержек, сменилась на совершенно иную – японскую, доказавшую эффективность «веры в единую судьбу у всех работников и акционеров». Каждой стране присущи свои подходы в управленческой деятельности, сформировавшиеся под влиянием различных факторов, в том числе и социальных. Факты свидетельствуют, что еще в сентябре – ноябре 1945 г. США приняли доктрину «превентивного удара», создав план внезапной ядерной атаки против Советского Союза – американского союзника во Второй мировой войне. К середине 1948 г. был составлен план «Чариотир», в соответствии с которым в первый период войны намечалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. В последующие за этим два года войны предполагалось сбросить еще 200 атомных бомб и 250 тыс. т. обычных бомб. Командование стратегической авиации было уверено, что после этих бомбардировок или Советский Союз капитулирует¹¹⁴. «Мощное стратегическое воздушное наступление против ключевых элементов советского военного потенциала может быть проведено

¹¹³ Куликов Д., Сергейцев Т. Победа как национальный архетип и стержень русской культуры // Однако. 2013. Август–сентябрь. С. 269.

¹¹⁴ Drop Shot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957. Ed. By A. Brown. N. Y. 1978. P. 6.

по плану»¹¹⁵¹. Однако слабое ядерное вооружение СССР сочеталось с самой мощной сухопутной армией мира, которая обладала уникальным опытом ведения затяжной войны, поэтому СССР представлялся опасным противником, схватка с которым для западных стран могла закончиться трагично. Вот почему, когда в 1962 году внезапно для США на Кубе появились советские ядерные ракеты средней дальности, агрессивный энтузиазм Вашингтона окончательно сошел на нет¹¹⁶.

Биполярность как важный исторический период в противостоянии, в частности, двух военных прогрессов, имеет свою интерпретацию в консервативной версии. Ими рассматривалась версия о «разрядке» как форма модернизации биполярной системы. На рубеже 60–70-х гг. стало очевидно, что многие традиционные стереотипы, возникшие еще во времена становления биполярной системы, по ряду важных параметров плохо коррелируют с реальной действительностью международной жизни тех лет. И в советском и в американском руководстве росло понимание того, что базовые устои биполярной системы нуждаются в определенной модернизации. Именно это обстоятельство и дало исходный импульс «разрядке».

История свидетельствует, что, несмотря на всю риторику, консерваторам выгодно подрывать сложившийся порядок в пространстве национальных государств. Отсюда и проистекают те удивительные парадоксы и двойные стандарты «цивилизованного сообщества», которые мы наблюдаем сегодня. Например, на Украине под флагом борьбы за прогресс, в том числе и военный прогресс, за консервативные ценности фактически происходит разрушение базовых элементов государственности, о чем свидетельствуют, например, частные армии.

¹¹⁵ Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945-1950. Ed. By T. Etzold and J. Caddis. N. Y. 1978. P. 357-360.

¹¹⁶ Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.: Эксмо, 2003.

Как продемонстрировала история, сторонники консервативной версии военного прогресса не останавливаются ни перед чем, чтобы разрушать достижения модерна на уровне больших наций в пользу племенного сепаратизма и экстремизма, что мы наблюдаем в постсоветском пространстве, на территории Югославии.

«Холодная война», по нашему мнению, может быть рассмотрена как результат реализации консервативной версии военного прогресса. «Холодная война» существенно отличалась от «обычной» войны:

- впервые страна инициировала мировую войну и выиграла ее;
- геополитические противоречия носили ярко выраженный идеологический характер;
- разрешение этих противоречий на глобальном уровне осуществлялось исключительно с использованием жестких невоенных и нетрадиционных средств противоборства;
- наличие ракетно-ядерного оружия, осознание опасности мировой ядерной войны и ее последствий не позволили применить военные средства;
- военные средства использовались только на региональном уровне;
- «холодное» противоборство, длившееся полстолетия, осуществлялось на фоне научно-технической революции, приоритетного развития компьютерных и других информационных технологий и велось даже в космосе;
- после окончания войны осталась одна великая держава.

Военный прогресс по консервативной стратегии приводит к конкретным последствиям. В частности, Первая мировая война поставила под сомнение действенность всех гуманистических идеалов, которые были наработаны на протяжении столетий. Однако Вторая мировая война продемонстрировала всю глубину человеческого падения, где были попорчены

все позитивные консервативные ценности. Использование атомного оружия показало, что не только война, но и мир предполагает выработку новой аксиологической шкалы. Человечество приближается к трагической перспективе самоуничтожения, которая провоцируется конфронтацией различных систем, а также непомерной гонкой вооружений. Замена биполярной системы однополярной в этом свете выступает как замена протекционистской мировой системы, страхующей слабых, системой безраздельного господства «сильных». Те, кому хотелось бы еще сохранять свои иллюзии, касающиеся американской миссии в мире, могут утверждать, что устранение протекционистских барьеров предназначено для ускоренного взросления слабых, которым вредит авторитарная сентиментальность протекционизма. Но факты свидетельствуют, что слабых для того и лишают всех средств самозащиты, чтобы они и не смели мечтать стать вровень с сильными. Исторический опыт показывает, что протекционизм и фридридерство являются закономерными фазами циклической экономической динамики. И напротив, никому и в голову не придет искусственно закрывать ее на той стадии, когда она готова к эффективной конкуренции. Вот почему консервативная версия военного прогресса потенциально провоцирует войны.

Президент Академии военных наук М. Гареев так оценивает современную международную ситуацию и перспективы реализации военного прогресса: «Выдвигая на первый план установление контроля за поставками энергоресурсов под эгидой НАТО, США исходят из того, что у них нет другого выбора, так как американцы потребляют четверть добываемой на планете нефти, располагая лишь 3 % разрабатываемых запасов. Неумолимо сокращаются не только сырьевые и водные ресурсы, но и леса, плодородные земли, экологически благополучные районы. В ближайшие 10–15 лет экологический и энергетический факторы станут главной причиной

политических и военных конфликтов»¹¹⁷. Дело в том, что с момента существования ООН произошло около 130 войн, приведших к 25 млн. жертв. Большинство жертв были гражданскими лицами. По сравнению с этим количество людей, убитых неправительственными террористами в ходе взрывов машин, самоубийственных взрывов, политических убийств и т. д., кажется незначительным»¹¹⁸.

Последние события показывают, что консервативные проявления военного прогресса иногда понимаются многими как неприкрытая реализация своих геополитических проектов, т. е. попытка диктата. Наносить превентивные ядерные удары по противнику, который применяет или только замышляет применение оружия массового уничтожения (ОМУ), разрешит новая редакция ядерной доктрины США. Ее принятие – вопрос нескольких недель, сообщила газета «Вашингтон-пост». Документ «Доктрина совместных ядерных операций» без грифа секретности подготовлен в Объединенном комитете штабов США (ОКНШ) и сейчас проходит последние согласования перед утверждением президентом. США постепенно подготавливает мировое сообщество к возможности нанесения ядерных ударов по странам, которые относятся к так называемой «оси зла». В частности, Косово является ярким примером рационализации военного прогресса, который однозначно выступает на стороне конкретных деструктивных сил. На примере Косово очень хорошо виден новый момент в международных отношениях, когда принцип суверенитета национального государства на своей территории уступает место другим более абстрактным принципам. Для мирового сообщества, интересы которого представляет сегодня прежде всего США, принцип территориального суверенитета национального государства уступает место принципу прав человека.

¹¹⁷ Владыкин О. Без противника // Московские новости. 2007. 26 января – 1 февраля.

¹¹⁸ Глен Т. «Суверенные» национальные государства как источник терроризма и прочность мирового порядка // Вестник РФО. 2004. № 3. С. 69–70.

Современная международная действительность демонстрирует столкновение консервативных и либеральных тенденций, что отражается и на особенностях развертывания военного прогресса по консервативной стратегии. В частности, все чаще под сомнение ставится тезис, согласно которому США представляется единственной сверхдержавой. Это связано как с эволюцией традиционной международной системы, так и с трансформациями, характеризующими непоследовательность поведения США на международной арене. Последние вооруженные вмешательства американских войск во внутренние дела суверенных стран свидетельствуют, что консерватизм этой страны носит условный характер. Кроме того, военный прогресс, обеспечивающий диктат США, не всегда однозначно поддерживается Европой. Например, Франция не поддержала США в агрессии против Ирака, что несколько видоизменило общую картину. С другой стороны, появилось много новых стран бывшего соцлагеря, которые согласны однозначно поддержать США в любых, даже самых грязных начинаниях.

Диктат субъектов вестернизма, проявляющийся в консервативной версии военного прогресса проявляется, в частности, в том, что постепенно на первые места выдвигается проблема взаимоотношений между США и окружающими странами. Имеется в виду не только круг стран, которые однозначно поддерживают все агрессивные акции США, но также вся совокупность проблем, обусловленных определением новой роли окружающего мира по отношению к США как мировой державы, а также выстраивание обратной связи – от США к окружающему миру. Только при этих условиях военный прогресс по консервативной стратегии приобретает свой изначальный смысл.

Диктаторская сущность консервативного военного прогресса проявляется в том, что цель политики США состоит из двух частей:

необходимости закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере на период существования одного поколения, но предпочтительно на еще больший период времени, и необходимости формирования геополитической структуры, способной минимизировать напряженность, вызванную социально-политическими переменами. Естественно, что никаких оправданий от руководства США за нарушение сложившейся геополитической структуры мира мир не услышал. Правящие круги США открыто выступают за безоговорочную гегемонию Америки в международных отношениях после завершения холодной войны и формирование нового однополярного миропорядка. Этим подтверждается известный факт, что ведущей геостратегической задачей США является максимальное сохранение контроля над всем пространством Евразии. При этом недвусмысленно утверждается, что единственной серьезной угрозой для США является Россия, поэтому ее необходимо изолировать и расчленить. Отсюда Бжезинский приходит к соображению о зависимости контроля США над Евразией от согласия на это со стороны двух американских протекторатов: Европы и Японии – пока те поддерживают претензии США на мировое лидерство, американская империя неуязвима при условии сохранения консервативного военного прогресса на достаточном уровне.

США продолжает оказывать определяющее влияние на большинство стран мира, которые в этом случае выступают в качестве объектов глобализационного давления. Особенности диктаторской политики, осуществляемой путем реализации военного прогресса консервативного типа, можно определить следующим образом. Во-первых, влияние США представляет собой воздействие сверхдержавы, которая является последней, что осталась после холодной войны и пытается любой ценой сохранить свой статус. Во-вторых, США представляет собой страну, привыкшую позиционировать себя в качестве ведущей. В-третьих, США имеют

крупнейший военный потенциал, что позволяет осуществлять контроль практически над большей частью планеты.

США вряд ли в состоянии принципиально поменять свою политику в отношении России. По мнению В. Батюка, поскольку американцы делают «ставку лишь на политических маргиналов из «Другой России», поэтому вряд ли у США будет много друзей в нашей стране»¹¹⁹. Широкое военное присутствие у границ России мощного Североатлантического союза во главе с США представляет серьезную угрозу России и может быть использовано (под ширмой борьбы с международным терроризмом) для создания локальных конфликтов, в целях прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела нашего государства или стран СНГ. Определенные круги Запада, прежде всего руководство США, которые с исчезновением Советского Союза остались, пожалуй, одним из немногих идеологически ориентированных государств современного мира.

Диктат как следствие консервативного военного прогресса состоит и в том, что США просто хотят отодвинуть возможный военный конфликт подальше от себя, отводя Европе роль буферной зоны. Все более явными становятся планы Вашингтона о ведении ограниченной термоядерной войны за пределами Америки и превращения Европы в «самостоятельный театр военных действий» без использования своего стратегического оружия. Военный прогресс как реализация диктаторских целей военного прогресса проявляется также в том, что западное мировоззрение сочетает веру в прогресс с ощущением триумфа. Запад уверен, что необходимо внедрять автономию личности в жизнь разнообразных обществ Востока, игнорируя их исторические традиции, менталитет и т. п. Этим народам постоянно внушалось, что можно многого добиться, если сократить бюджетные

¹¹⁹ Батюк В. Российско-американские отношения: что нам ждать в 2007 году? // Московские новости. 2007. 19–25 января.

дефициты, а также открыть свои рынки для западных кампаний. Международный валютный фонд, Государственный департамент Соединенных Штатов и другие аналогичные органы с той же целью оказывали серьезное давление на некоторые страны¹²⁰. США разворачивают свой военный прогресс и диктуют миру свои условия, пользуясь сложившейся ситуацией. В частности, после распада СССР не удалось укрепить связи между Россией и соседними государствами до такой степени, чтобы США не сумели оторвать Украину. США принуждают страны НАТО проводить единую антироссийскую линию, опираясь на глобализационные цели, то есть силы НАТО используются везде, где это выгодно Пентагону. США даже добились принятия довольно опасного решения, согласно которому европейские союзники должны уже не на основе консенсуса участвовать в американских военных авантюрах, причем они сами должны финансировать эти акции.

Диктат проявляется также в позиции сторонников размещения американских ракет в Европе, ведь они «...противопоставили воле большинства населения Западной Европы, выступающего против размещения новых американских ракет, результаты голосования по этому вопросу в парламентах ФРГ, Великобритании и Италии в конце 1983 г. Действительно, правительства этих стран имели на своей стороне большинство парламентских мандатов. При этом делались попытки выдать результаты состоявшихся незадолго до этих выборов в парламенты Великобритании и ФРГ как голосование в пользу «довооружения» НАТО. Однако известно, что избиратель в капиталистических странах голосует, как правило, руководствуясь прежде всего своими представлениями о том, чья партийная платформа сулит ему в обстановке нынешнего кризиса если не улучшение, то по крайней мере

¹²⁰ Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. С. 72.

сохранение его жизненного статуса и благосостояния. Он принимает «в пакете» всю партийную платформу, где вопросы внешней политики фигурируют далеко не на самом видном месте»¹²¹.

Анализ американской доктрины перспективного развития вооруженных сил и документов военного управления показывает, что в центре вооруженной борьбы продолжает оставаться человек, требования к подготовке которого растут пропорционального качественному совершенствованию эксплуатируемой им боевой техники. История свидетельствует о разнообразии проявлений военного прогресса в его консервативной версии. К примеру, английский журналист и историк Дэвид Мэйсон подчеркивает: «Американский сенатор Бора придумал выражение «призрачная», или «мнимая война». Черчилль, говоря об этом периоде, употребил определение Чемберлена «сумерки войны», а немцы называли ее «сидячей войной». Это было время, когда противники в Европе бросали друг на друга свирепые взгляды, стараясь угадать, что намеревается предпринять другая сторона, период воинственных поз, усталости и вялости, когда настоящих военных действий почти не велось»¹²². На самом деле «странная война» объяснялась целым комплексом очень сложных факторов, в основе которых – попытка направить гитлеровцев на восток, на СССР, причем это реализовывалось при помощи классических консервативных принципов. С точки зрения консервативного военного прогресса важно подчеркнуть, что идея покорения российских пространств переехала из Европы за океан. Американские ПРО создаются для того, чтобы Европа продолжала бояться вооруженного нападения России, хотя политические гарантии мира являются общей

¹²¹ Европа XX века: проблемы мира и безопасности / отв. ред. А.Ф.Чубарьян. М.: Междунар. отношения, 1985. С. 237–238.

¹²² Мэйсон Д. Странная война // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны. М.: Политиздат, 1992. С. 80.

ценностью именно для европейских стран, но не для США, которые не знают, что такое массовая война на собственной территории.

Политика диктата проявляется также в официальных документах США. В частности, 1995 г. в официальном изложении стратегии национальной безопасности США американский президент Б. Клинтон заявил, что Соединенные Штаты являются величайшей державой мира с глобальными интересами и глобальной ответственностью и единственной страной, способной в сложившихся условиях взять на себя руководство миром. При этом американский президент отметил, что «с исчезновением угрозы коммунистической экспансии создана благоприятная возможность для предоставления США поистине неограниченной свободы действий в реализации своих планов»¹²³. Конкретные шаги по реализации этих намерений выразились в проведении ряда военных акций против суверенных государств. Однако не только США, но и другие «демократические» страны Западной Европы – члены НАТО – продемонстрировали свою солидарность с Америкой в 1999 г. во время агрессии против Югославии (Германия, Франция, Великобритания, Италия и др.). В течение 78 суток авиация этих стран подвергала ракетно-бомбовым ударам не только военные объекты, но и объекты жизнеобеспечения населения, в результате чего были убиты 1 200 женщин, детей стариков, 5 тысяч ранены, а число беженцев из страны составило 860 тысяч. При этом была выведена из строя транспортная сеть страны: 70 % автомобильных и 50 % железных дорог. В ходе боевых действий авиация НАТО совершила 35 тысяч боевых вылетов¹²⁴. На стыке столетий, во время агрессии НАТО против Югославии, НАТО впервые продемонстрировало, что т.н. «гуманистические ценности» стоят выше, чем традиционные ценности, включая территориальную целостность и

¹²³ Цит. по: Ташлыков С.Л. Общие черты и некоторые особенности содержания современных военных конфликтов с участием США и их союзники // Военная мысль. 2010. № 8. С. 21.

¹²⁴ Независимое военное обозрение. 1999. № 25.

государственный суверенитет. Такая политика поставила под сомнение такой незыблемый принцип, как принцип мирного сосуществования стран, благодаря которому мир избегал очередной мировой войны. Получается, что абстрактные гуманитарные ценности, декларируемые в качестве «общечеловеческих», дороже жизни миллионов людей.

Важно подчеркнуть одну важную тенденцию, характерную для консервативной версии военного прогресса как основы для диктата: на фоне сокращения объема национального суверенитета наблюдается бурный рост национализма, выражающийся в стремлении даже самых малых народов обрести собственный суверенитет. Объяснение причин современного сепаратизма на первый взгляд может показаться парадоксальным: национализм усиливается потому, что ослабевают государства как системы. В этом плане иракская война 2003 г. обнажила существенные особенности глобализационных процессов начала XXI в. Прежде всего она стала рубиконом, определившим практическое начало существования однополюсного мира. Своими действиями Соединенные Штаты Америки продемонстрировали то, как конкретно будет действовать механизм такого мира¹²⁵. В современных условиях прямые руководители могут сталкиваться с ситуациями, когда их решения будут оказывать влияние на события оперативного и даже стратегического масштаба. Надо признать, что в этом контексте позиция руководящих документов вооруженных сил США в равной степени далека как от переоценки возможностей информационных технологий, так и от одностороннего увлечения воспитанием «боевого духа» войск¹²⁶. Оценивая постбиполярную систему, А. Зиновьев справедливо констатировал, что Запад, сумел насильственно навязать миру свой способ

¹²⁵ Барлыбаев Х.А. Общая теория глобализация и устойчивого развития. М.: Издание Государственной Думы, 2003. С. 281–282.

¹²⁶ Костырев С.В., Ефремов О.Ю., Звере С.Э. Концепция сетецентрических войн в свете доктрины «Единый взгляд 2020» // Военная мысль. 2014. № 1. С. 63.

понимания реальности, представляя его в качестве единственно правильного. «Это было начало одной из величайших трагедий истории. Это сделали новые хозяева мирового интеллекта. Они им овладели и творят с ним то, что соответствует их интересам и силе»¹²⁷. Прошлая система альянсов осознанно потоплена «победителями» Первой мировой войны, согласно тезисам президента США Вудро Вильсона, поддержанным широким общественным мнением на обеих сторонах Атлантики, тезисам о том, что система баланса сил и альянсов является главной причиной войны¹²⁸.

Нарастающий до бесконечности уровень потребительства порождает не только столкновение империй, но и другое грандиозное столкновение – человека и материи. «Производство ненужных вещей, сверхпотребление и злоупотребление природными ресурсами приводит к кончине экологических систем. А это уже не борьба между победителями и проигравшими, это борьба против наших детей»¹²⁹.

Все чаще консервативная версия военного прогресса проявляется как пересмотр устоявшейся аксиологической шкалы. Одним из ведущих инициаторов углубления социокультурного кризиса и потери социокультурной идентичности народов бывшего СССР, как показывают факты, являются США. Характеризуя современные США, С. Кургинян отмечает: «Им нужен новый пояс, включающий в себя Кавказ и Украину. И этот новый пояс должен стать для нас своеобразной геополитической «берлинской стеной». Только теперь не мы, а они будут ее выстраивать»¹³⁰. Запад, показав свою несостоятельность в Косово, Боснии и Герцеговине, Сомали, Ираке и даже в Афганистане, не испытывает в связи с этим никаких комплексов и продолжает диктовать всем принципы не только внешней, но и

¹²⁷ Зиновьев А. Фактор понимания. М.: Алгоритм. Эксмо, 2006.

¹²⁸ Браун С. Причины войны: структурные факторы // Война и геополитика. Вып. 3. Время мира. Новосибирск, 2003. С. 64.

¹²⁹ Кьеза Д. Мощная атака на Россию // Лит. газ. 2006. 22–28 ноября.

¹³⁰ Кургинян С. Понимать надо! // Лит. газ. 2005. 27 апреля – 5 мая.

внутренней политики. «Не надо было быть нобелевским лауреатом по экономике, чтобы предвидеть, что если в США четверть кукурузы войдет на производство этанола, а ЕС тоже постарается не отстать в деле обеспечения энергетической независимости, то мировые цены на продовольствие взлетят. Разве наша верность историческому выбору Петра, от которого нельзя отказаться, оставаясь в здравом уме, должна нам мешать называть глупость глупостью, а лицемерие – лицемерием?»¹³¹. Применение идеологического начала на путях продвижения демократии по всему миру с помощью революций и вооруженной агрессии поставили во главе угла внешнеполитической стратегии стран – субъектов глобализации. Здесь имеет место характерная для американского национального сознания склонность к смешиванию морали с морализаторством и идеологизацией.

Современная практика показывает, что максимальный суверенитет, т. е. наименьшие ограничения в использовании суверенных прав, как это ни парадоксально, ныне имеют государства идеологически и экономически закрытые (Китай, Иран, Саудовская Аравия, Северная Корея, Куба). Нередко именно из-за их «суверенных прав» (в том числе права создавать ядерное оружие) в мире возникают острые конфликты. В целом же даже их суверенитет начинает сужаться. Что касается достаточно открытых и развитых государств, то тенденция делегирования ими своих полномочий региональным и глобальным органам очевидна. Исключение составляют Соединенные Штаты Америки, которые позволяют себе порой идти вопреки мнению многих стран, открыто ставят свои национальные интересы выше мировых и союзнических¹³².

¹³¹ Шупер В.А. Россия в глобализированном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 15.

¹³² Кох Л.А. О конфликте глобальных интересов и национальной безопасности в России // Военная мысль. 2011. № 6. С. 18.

В современных условиях сопротивляться диктату может страна, обладающая высоким уровнем военного потенциала. В первую очередь таковым является наличие ядерного потенциала, что гарантирует возможность интенсивного воздействия государства на другие страны угрозой использования средств вооруженного насилия. Однако сам факт наличия даже столь мощного оружия не исчерпывает содержания понятия «военный полюс». Только совокупность установлений (военная доктрина, доктрина национальной безопасности, концепция государственной внешней политики, официальные заявления и поведение политических лидеров государства, отношение общественного мнения к возможностям применения силы и др.), институтов и средств, определяющих военную силу как главное орудие политики данного государства, формирует статус державы как военного полюса¹³³.

Проблема неоконсерваторов нынешней волны, на идеях которых базируется внешнеполитическая стратегия Вашингтона, заключается в том, что у них установка на морализаторство и идеологизацию приняло крайние фундаменталистские формы. Явочным порядком провозгласив себя носителями единственно верного учения, они поставили его на службу идеологического обоснования политики экспорта демократии и прав человека по всему миру. Одним из стержневых элементов этого учения при администрации Дж. Буша-мл. стал так называемый демократический, или, как его назвал Дж. Сорос, рыночный фундаментализм. Страны, диктующие свои условия существования для всего мира, во многом опираются на ведущий тезис Ф. Фукуяма: «Опыт двадцатого столетия ставит под сомнение заявления о конечной точке развития общества посредством прогресса только на основе науки и техники. Способность технического прогресса

¹³³ Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. М.: Изд-во Московс. ун-та, 2010. С. 181.

улучшать людям жизнь не может быть обособлена от параллельного морального прогресса человека¹³⁴. В полной мере это касается и консервативной версии военного прогресса, который все больше проявляется как попытка любой ценой сохранить существующее мироустройство на базе вестернистских ценностей.

Таким образом, военный прогресс по консервативной стратегии представляет собой особый механизм реализации целей, обеспечивающих диктат, который проявляется в качестве ярко выраженных преимуществ военного потенциала отдельных стран не только в условиях военных действий, но также реализуется посредством угрозы перманентного давления в мирное время.

2.3. Военный прогресс по либеральной стратегии

Понятие «либерализм» является ключевым понятием общественно-политической сферы не только современности, но и прошлых столетий.

Либеральная версия военного прогресса может быть востребована в том случае, если общество сохраняет конкуренцию социальных институтов. Именно свободная конкуренция есть главное условие реализации интересов социальных институтов, в том числе и военных, как свободных субъектов.

Особые черты приобретает военный прогресс в либеральной версии. Либерализм – идейное и общественно-политическое течение, возникшее в европейских странах в XVII–XVIII вв. В XIX и начале XX в. сформировались основные положения либерализма: гражданское общество, права и свободы личности, правовое государство, демократические политические институты, свобода частного предпринимательства и торговли. Однако однозначного

¹³⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. С. 33–34.

определения либерализма до сих пор не существует, потому что традиционный подход не дает возможности оценить все либеральные проявления современности. поскольку классические определения в наши дни теряют актуальность, уступив позиции неолиберализму. Можно утверждать, что это доктрина всевластия капитала, который берет на себя функции тотальной регуляции в обществе, а государству отводит лишь вспомогательную роль. Тем не менее основы либеральной идеологии можно вполне четко проследить на примере военного прогресса, выделяя следующие особенности.

Во-первых, вполне обоснованное убеждение в исходном, природном неравенства людей, их разделении на «сильных» и «слабых», что естественным образом востребует военный прогресс.

Во-вторых, необоснованная вера во всецелие денег как «всеобщего» эквивалента», мерила всех вещей, а значит, армия и даже победы рассматриваются через эту призму.

В-третьих, декларация формального равенства людей в правах, при котором, природное неравенство не будет иметь никаких препятствий для реализации. Однако в этом случае особое наполнение приобретают такие понятия, как «защита родины», поскольку в либеральной традиции альтернативой государственному насилию выступает «гражданское общество», имеющее универсальные, глобальные корни.

Военный прогресс может быть либеральным, когда государство как аппарат насилия выходит по максимально возможной мере из всех сфер общественной жизни. Взаимоотношения социальных институтов в гражданском обществе в либеральном правовом государстве строятся на определенных принципах, таких как конкуренция и вражда, стихийность, изолированность друг от друга, стремление удовлетворить собственные интересы и потребности. Институты гражданского общества выступают как

свободные субъекты, свободные от государства, обязательно вмешивающиеся, к примеру, в дела армии.

Принцип дуализма в рамках либеральной методологии управления обществом предполагает стандарты отдельности субъекта и объекта управления (политика или политической силы в обществе), а также стандарты разделения духовной и светской властей. Согласно либеральному теоретизированию светская власть приобретает первичное значение, поэтому она должна быть свободной и не зависеть от диктата любой власти, включая духовную. Именно в дуализме духовной и светской властей особо ярко отражается либеральный аксиологический подход, согласно которому ценность представляет то, что имеет материальный эквивалент, а ценности, что несет в себе духовная власть, вторичны. В связи с этим развертывание военного прогресса во либеральной стратегии также нацелено на достижение материальных ценностей, которые реализуются в плане достижения определенных степеней свободы. Отсюда следует, что определенный уровень военного прогресса, как, впрочем, и любых других социальных деяний, носит случайный характер: степень адекватности либеральной методологии управления армией зависит от случайного совпадения его принципов с ее реалиями. В соответствии с принципом антропоцентризма либеральное нормотворчество в сфере военного прогресса предстает в качестве силы, материально ориентированных наемников, для которых понятия «патриотизм», «отвага» и т. п. не являются ведущими.

Сторонники либеральной концепции военного прогресса исходят из тезиса, что любое общество основывается на концепции индивидуализма. Соответственно, исследование коммуникационных связей, а также анализ армии как коллективного субъекта войны, не входит в число базовых понятий либерального проекта военного прогресса. В частности, образование целостности может быть следствием внешнего давления, что в любом случае

не затрагивают бытие личности. Подобная антропоцентрическая трактовка сущности сложных социальных феноменов выступает основой для понимания всех проявлений военного прогресса в западной философской традиции. В соответствии с логикой неоминализма принцип антропоцентризма задает специфику управленческой деятельности социальных институтов, которые выступают как свободные и трансцендентальные субъекты.

В рамках либеральной методологии управления обществом востребовано неоминалистское понимание социальных институтов как свободных субъектов. В соответствии с неоминалистской теоретической основой либерализма в онтологическом плане сущностью являются определенные степени свободы (свобода индивидов и групп), а их возможное теоретическое описание выступает в качестве существования.

Либеральная концепция исходит из тезиса о потенциальной разумности человека и общественных отношений, о практической возможности устранения личностных и социальных конфликтов, рационального регулирования иррациональных и стихийных факторов общественной жизни. Задача состоит лишь в том, чтобы, не разрушая основ буржуазно-демократического общества (частной собственности, соответствующих форм политического плюрализма), устранять средствами государственного и социального регулирования конфликтные жизненные ситуации, возникающие в условиях рыночной экономики и политического противоборства различных социальных групп.

Западными исследователями «общество потребления» декларируется в качестве единственной возможности идентификации общества в глобальном мире, которую можно восполнить преимущественно с помощью специально изобретенных технологий. Военный прогресс в либеральной стратегии, характерной для современного западного общества, базируется на концепции

«общества потребления», что формирует его особенности. Во-первых, такой подход принципиальным образом влияет на структуру армии, поскольку она, как правило, состоит из профессионалов, которые рассматривают войну как важный источник заработка. Во-вторых, такой прогресс потенциально провоцирует войну, поскольку обеспечить всему мировому сообществу такой же уровень потребления, как в Европе, невозможно в принципе. В-третьих, военный прогресс в этом случае в полной мере зависит от военно-промышленного лобби, ТНК и т. п. В этом же контексте позиционируется и военный прогресс, т. е. он отражает цели потребительского общества по сохранению любой ценой соответствующего уровня жизни для «золотого миллиарда».

Являясь одним из структурных элементов гражданского общества, военный прогресс в глобальных условиях имеет сложный характер, который показывает систему взаимоотношений различных социальных групп в государстве по вопросам войны и мира. В связи с этим выделяются несколько основных групп населения: кадровые военные, политики, дипломаты. Одно из важных направлений военного прогресса состоит в обеспечении определенного баланса политических, экономических интересов и материальных возможностей конкретных групп.

Реализация военного прогресса в либеральной версии тесно связана с такими декларируемыми «ценностями», как «демократия», «права человека» и т. п. Демократия в наиболее распространенном словоупотреблении понимается не как процесс социальной эволюции, но – в линейной перспективе – как некоторое данное положение дел, существующее в некотором месте и времени и могущее быть перенесенным в другое место и время. В таком случае обеспечение демократии требует не предоставления всем людям права и возможности быть субъектами социальной власти и деятельности, что достигается в ходе естественного развития, но

механического перенесения и приспособления отдельных черт и организационных форм вне зависимости от их социального контекста. Такое перенесение только закрепляет и еще более усугубляет «отставание» одних обществ, которым не дают возможности развиваться на собственной основе, от других, от «экспортеров» линейно понимаемой демократии.

Подобный «демократический транзит» не может вести к подлинной демократизации общества. В качестве его следствия видится лишь унификация социального и политического. Подобная «унифицированная», «космополитическая» демократия не служит интересам всего народа и каждого человека. Она представляет и обслуживает в основном интересы глобальных финансовых субъектов. Носителями и проводниками власти в мире глобализации оказываются транснациональные корпорации, а не народ. Вот почему само понятие «демократия» часто оказывается пустой фикцией.

На Западе бытует мнение, что лишь западная модель демократии со всеми ее традиционными атрибутами – правовым государством, разделением властей, гражданским обществом и парламентаризмом, является единственно возможным воплощением идеи и идеала демократического устройства общества. Тогда получается, что любое отклонение от указанной модели, недостаточный уровень развития одного из ее элементов или его полное отсутствие в какой-либо стране должны рассматриваться как недемократическое положение дел. Либерализм всегда ведет двойную, лицемерную политику, что проявляется и в представлениях о военном прогрессе. По мнению А. Кончаловского, именно «...наша политическая терпимость позволяет заслуженным либералам совершать любую глупость»¹³⁵.

Либеральное течение в Германии, вопреки распространенному мнению, базировалось не столько на силе оружия, сколько на превосходстве

¹³⁵ Кончаловский А. Новая диктатура // Аргументы недели. 2007. 25 января.

немецкой культуры. Во всех экспансистских внешнеполитических актах максимальное значение придавалось созданию национальной идеологии в качестве базиса будущей мировой державы. Такой основой национального согласия стала идея «Великой Германии», которая спровоцировала потенциальные войны. Вместе с тем в Германии широкое распространение получили идеи пацифизма, выражавшиеся в пропаганде идеи разоружения и создания прочного мира в Европе, которая постоянно присутствовала в немецком общественно-политическом дискурсе. «Война не воспринималась либеральными кругами и социал-демократами как отвечающая интересам нации. Поэтому вопрос о войне перетек в вопрос о ее причинах и в плоскость поиска виновных в ее развязывании. Еще до начала войны правительство смогло внедрить в общественное мнение тезис об оборонительном характере грядущей войны – прежде всего, против России. Тем самым поражение Германии не могло не привести не только к чувству национального унижения, но и к реваншистским настроениям¹³⁶.

Для понимания сущности военного прогресса в либеральной версии важно учитывать, что процесс взаимодействия социальных институтов в гражданском обществе в отношениях либерального правового государства рассматривается в рамках неоминалистской философской традиции и происходит стихийно. Либеральное государство лишь ограничивает взаимоотношения нормами и правилами, контролирует и направляет их действие согласно изобретаемым государством законам. В условиях либерального государства гражданское общество выступает как свободный субъект, свободный от государства. Институты гражданского общества также

¹³⁶ Цимбаев К.Н. Проблемы войны и мира в немецкой общественно-политической мысли пред- и послевоенного периода // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. С. 59.

выступают как свободные субъекты. Свободные субъекты (институты) изолированы друг от друга, действия каждого из них автономны, институты зачастую настроены друг к другу враждебно, взаимодействие выстраивают на принципах конкуренции, взаимовыгодных отношений и компромисса. В либеральном гражданском обществе занижается значение духовной власти по сравнению с властью светской, и духовная власть не предстает как существенное качество гражданского общества и не может результативно противостоять светской власти. Вследствие этого в отношениях либерального правового государства любое сплочение институтов гражданского общества предстает как идея тоталитаризма. Номотетическое конструирование действительности оперирует понятием консенсуса. Понятие консенсуса указывает на разновидности и способы связи элементов в социальной системе. Дополнение этого понятия органической теорией и телеологическим принципом приводит к понятию эволюции. Оба эти понятия можно комбинировать друг с другом.

Особую сторону идеологии либерализма включает в себе идея общественного договора. Рормозер подчеркивает: «Либеральное представление, согласно которому индивиды вступили между собой в договор об условиях осуществления своей природы, – это, конечно, чистейшая фикция. И Гоббс, и Руссо знали это. И все же вплоть до наших дней эта фикция считается критерием оценки либеральности конкретного общества»¹³⁷. Рассуждая с либеральных позиций, Д. Ролз подчеркивает, что «...без социальной активности граждан, без их политических добродетелей нельзя защитить демократические свободы и сохранить конституционный режим»¹³⁸. Проблема состоит в том, что для либерала эти права выше государственного суверенитета, что провоцирует потенциальное

¹³⁷ Рормозер Г. Кризис либерализма. М.: Ин-т философии РАН, 1996. С. 80.

¹³⁸ Ролз Дж. Идея блага и приоритета права // Современный либерализм: Ролз, Бёрлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уордон. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. С. 102–103.

вмешательство во внутренние дела суверенных стран, свидетелями чего мы стали в последнее время.

Проблема исследования военного прогресса в либеральной концепции осложняется тем, что в политическом либерализме вряд ли возможна универсальная теория, ведь любая всеобъемлющая концепция, по мнению либерала, угрожает свободе и может нести в себе элементы тоталитаризма. Именно поэтому предпочитается определенный перечень законодательно оформленных потребностей, допустимого в рамках представлений о плюрализме. Данная тенденция довольно отчетливо прослеживается в реализации тех или иных проявлений военного прогресса по либеральной стратегии. Строго говоря, стратегическое мышление также не является отличительной чертой либерального подхода к окружающему миру, ведь культ свободы, который проповедуют либералы, потенциально порождает хаос. В разрезе исследуемого нами военного прогресса подобный подход провоцирует непредсказуемость внешней политики и потенциальные военные конфликты,

Либералы признают переломный характер нашей исторической эпохи, понимают, что современное человечество лишь тогда сможет справиться со сложнейшими проблемами своего существования, если откажется от многих привычных, унаследованных от прошлого форм хозяйственной и политической жизни, межчеловеческого и международного общения, от старого миропонимания и мироощущения. Вместе с тем они противятся признанию и принятию всего того, что выходит за пределы коренных форм капиталистической цивилизации. Сколько бы они ни провозглашали себя сторонниками социального прогресса, они утратили понимание качественного характера поступательного движения истории, того, что каждая новая ступень истории в известном смысле прерывает непрерывность ее движения, создает качественно новые формы

общественной жизни. Что бы ни говорили либеральные теоретики, они не признают в полной мере того факта, что настоящее есть преходящий момент, ступень в историческом процессе. Считать капитализм высшей точкой развития цивилизации или видеть в нем социальную форму с неограниченными возможностями самосовершенствования – это, по существу, одно и то же. Это значит не признавать дальнейшего прогресса истории в его подлинном смысле.

Для понимания особенностей проявления военного прогресса в либеральной стратегии необходимо обратить внимание на тот факт, что либерально-демократическая идеология опирается на Всеобщую декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., которая является ее теоретическим фундаментом. Данный документ можно рассматривать в качестве логического завершения принятой во времена Великой французской революции Декларации прав человека и гражданина. Гуманистическая направленность данного документа не вызывает сомнений, несмотря на то, что он, по мнению В.Н. Даниленко, «...не предусматривает реальных механизмов реализации провозглашенных прав и свобод, а также мер ответственности за их несоблюдение»¹³⁹.

Либеральная версия военного прогресса проявляет себя как стандартная западная форма господства элит, когда современная демократия выступает в роли декорации, позволяющая отстранить население от процесса принятия стратегических решений. «Потому что стратегические решения в этой системе – это решения об управлении финансовыми потоками. Однако маленькая проблема: центр управления этими потоками находится точно не у нас»¹⁴⁰. Современные либеральные элиты отличаются друг от друга по своим взглядам на долгосрочные последствия глобализации, но тем не менее почти

¹³⁹ Даниленко В.Н. Декларация прав и реальность. К 200-летию Декларации прав человека и гражданина. М.: Международные отношения, 1989.

¹⁴⁰ Леонтьев М.В. Идеология суверенитета // Однако. 2013. Август–сентябрь. С. 9.

все они считают глобализацию, или некоторые ее аспекты, процессом неизбежным¹⁴¹. Исходя из подобной оценки глобализации определяются и основные параметры военного прогресса в его либеральном проявлении.

Доведенный до совершенства механизм либеральной демократии оставляет наверху социальной лестницы политкорректную посредственность, выступающую в роли «политиков», однако не государственных деятелей. «На горизонте, во всяком случае в «цивилизованном мире», не видно не то что рузвельтов или черчиллей, даже рейганов, тэтчеров и колей. Одни меркели с обами — идеальные политехнологические «конструкции» для использования в избирательных шоу-кастингах. Однако постепенно «приходит понимание того, что либеральная демократия к народовластию не имеет никакого отношения, что народовластия не существует, что в большом числе конституций о принадлежности власти народу написана ложь...»¹⁴².

Военный прогресс в либеральной версии находится под влиянием таких симулякров современного либерализма, как «мультикультурализм», «политкорректность», «толерантность». Дело в том, что они призваны отвлекать население от истинных целей идеологов вестернизации по контролю над мировым пространством. К примеру, «политкорректность — это такая нормировка человеческого поведения, существующая в современном светском либерально-демократическом обществе, дабы это общество пребывало в состоянии покоя и необременённости мышлением. Кто эту норму поведения нарушает, тот хам, грубиян и дикий варвар. Его нужно срочно перевоспитать или превратить в маргинала или устранить каким-либо другим образом»¹⁴³. Мультикультуризм как идеология признает права за коллективными субъектами — этническими и культурными группами. Такие

¹⁴¹ Хантер Д., Йейтс Д. Мир американских глобализаторов // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 366–367.

¹⁴² Куликов Д. Антимиф. Очистить себя от лжи о самих себе // Однако. 2013. Август–сентябрь. С. 39.

¹⁴³ Там же. С. 43.

права могут выражаться в предоставлении возможности этническим и культурным общинам управлять обучением своих членов и даже давать политическую оценку. Мультикультуризм – часть либералистической идеологии толерантности, то есть терпимости ко всему отличному от тебя и от того, что тебе принадлежит. Поскольку просто уничтожить удастся все меньше и меньше, а вообще-то могут уничтожить и тебя (терроризм), то приходится терпеть, т. е. быть толерантным. Так называемый крах так называемого мультикультуризма у современных западных европейцев есть всего лишь предел терпению (граница толерантности).

Исследуя военный прогресс в его либеральной версии, приходится признать, что либеральная система в XX в. с самого начала была тоталитарной, поскольку создала политическую конструкцию, в которой германская контрсистема 1933–1945 гг. имела стопроцентно либеральные корни. Сегодняшние либералы, выступая как неолибералы, отрицают равные возможности, полагая, что они затрагивают интересы обладателей экономических привилегий, т. е. возвращаются в свое прошлое, к сословному государству. А ведь либеральный проект появился в результате европейских буржуазных революций XVIII в., ведущим пунктом программ которых являлось требование уничтожения сословий. Это дает нам право сравнивать современный неолиберализм и фашизм:

- 1) фашизм и либерализм имеют одну социальную базу – «средний класс»;
- 2) либеральную и фашистскую идеологии объединяет общий моральный императив – тотальная конкуренция, представляющий собой по сути принцип естественного отбора;
- 3) объединяющим признаком также является разделенного мира: классический колониальный либерализм и фашизм гитлеровского образца.

По мере ужесточения либеральной политики все более активной становится борьба с религией, что также проявляется в либеральной версии военного прогресса.

Опасность либерального подхода проявляется на уровне социального прогресса во всех его проявлениях, поскольку представление о безграничной свободе и противопоставление общества и государства всегда чреваты далеко идущими последствиями с часто непредсказуемым финалом. Тем более это справедливо и вдвойне актуально относительно либеральной версии военного прогресса в современном глобальном мире: региональный конфликт может перерасти в общемировой, причем данный алгоритм не в состоянии спрогнозировать как ученые-политологи, так и военные-практики.

Понимание сущности военного прогресса предполагает учет того факта, что для либерального сознания характерна уверенность в том, что западный, потребительский образ жизни является безальтернативным. Можно согласиться со следующей характеристикой современного либерализма, которую дал А. Ципко: «Мышление новых российских либералов, как и мышление неосталинистов-державников, плоско и поразительно одномерно. Оно сводит все человеческие проблемы к дихотомии: личность – государство». Страх перед опасностью возрождения диктатуры у новых либералов настолько силен, что подавляет и национальное сознание, и национальное достоинство»¹⁴⁴. Это подтверждается тем фактом, что отечественные либералы всегда резко выступают против любых попыток укреплять обороноспособность России, называя это «необоснованной милитаризацией».

Несмотря на определенные различия, существующие между современными либеральными концепциями общественного развития, их

¹⁴⁴ Ципко А. Надо ли бояться иновласти // Лит. газ. 2007. 24–30 января.

объединяет общее убеждение в возможности освободить капиталистическое общество от его коренных пороков, не изменяя порождающих их социально-экономических отношений. Либеральные теоретики признают поступательный характер общественного развития, объявляют себя сторонниками реформ, но при этом остаются принципиальными приверженцами рыночной экономической системы.

Проблемы реализации военного прогресса в его либеральной версии обусловлены тем, что современные либерально-демократические, рыночные фундаменталисты предлагают принимать мировые реалии не такими, какие они есть на самом деле, а какими они должны быть, т. е. отказаться от мира реального и принимать виртуальный, идеальный мир, сформулированный в кабинетах разного рода мечтателей, поставивших своей целью теми или иными рецептами осчастливить человечество. При этом упор делается не просто на смену отдельных неугодных Западу политических режимов, а на радикальное изменение ценностных систем, на которых зиждутся мировоззренческо-парадигмальные составляющие жизнеустройства народов.

Либеральная концепция военного прогресса связана с двойственностью его проявлений в западной традиции. Для понимания сути военного прогресса в условиях современного полицентрического миропорядка важно учитывать, что любые идеи, в том числе идея прав и свобод человека, необходимы в качестве конкурентов других идей, в качестве сдержек и противовесов другим идеям. Но взятые в качестве стержневой составляющей идеологического обоснования внешнеполитической стратегии, они не могут не быть сопряжены со многими непоправимыми для международного мира и стабильности негативными издержками. Во всяком случае, при нынешнем положении вещей комплекс этих ценностей может быть предложен человечеству в качестве некоего идеала, а не единственного пути решения стоящих перед мировым сообществом проблем.

Либерально-правовая глобализация ярко иллюстрирует истинные намерения западных государств распространить свое влияние в том числе на все мировое государственно-правовое пространство. В первую очередь это относится к России, поскольку наша страна обладает огромными ресурсами и всегда у врагов возникает соблазн их перераспределения. Вот почему проблема либеральной глобализации для нашего Отечества – эта проблема сохранения ее культурно-традиционной и политико-территориальной целостности, а значит, и соответствующего уровня прогресса.

Либеральные представления о военном прогрессе под влиянием глобализационных процессов приобретают новые черты:

- 1) геополитические изменения в системе мировых отношений;
- 2) реальность угрозы уничтожения человечества;
- 3) аксиологический сдвиг в системе ориентаций современного мира;
- 4) культ «общечеловеческих ценностей»;

Либеральные проявления военного прогресса, характерные для эпохи глобализации, свидетельствуют о продолжении мировой конфронтации, которая приобретает все более изощренные виды и требует адекватной реакции со стороны субъектов международного права. Носители либерального понимания военного прогресса на Западе – в сущности те же этнические провинциалы, которые не хотят общечеловеческого будущего; их глобализм не идет дальше присвоения глобальных (планетарных) ресурсов алчным меньшинством «избранных», считающих все остальное человечество не достойным этого богатства. В.М. Калашников, последовательно разрабатывая идею либерализма, подчеркивает западные корни этого течения¹⁴⁵. Более того, к началу XX в. понятие «либерализм» в русском

¹⁴⁵ Калашников М.В. Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века// «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 464–513.

общественном сознании утратило свой потенциал¹⁴⁶. В свое время Н.А. Бердяев был уверен, что понятие «либерализм» искажается, поскольку «идеальные принципы либерализма исходят из глубины человеческого духа и являются раскрытием вечных нравственных ценностей». В августе 1917 г. Бердяев писал: «Чисто либеральные идеи – тепло-прохладные идеи, в них нет огня. Бескрылый русский либерализм сделался национально настроенным лишь во время войны. Но национальная идея не имеет в нем глубоких корней, для русских либералов в массе патриотизм есть вопрос политической тактики. Они патриоты через силу»¹⁴⁷.

На наш взгляд, либеральная концепция военного прогресса последовательно отражает стандарты новейшего западного сознания. Однако «...служить Отечеству могут только пассионарии, исполненные в делах своих искренними помыслами политической добродетели. Для элиты социальный прогресс не является целью. Следуя идеалам технократического детерминизма, элита изобретает законы становления общества, тогда как социальный авангард коллективистского общества следует естественным законам общественного развития. Он создает благоприятные условия для социального прогресса»¹⁴⁸. Именно поэтому для военного прогресса Запада в его либеральной концепции характерны наемные армии, война с мирным населением и т. п.

В современном мире происходит универсализация характерной для Запада неолиберальной модели цивилизованного развития, поэтому вхождение новых стран мира в индустриальное сообщество значительно

¹⁴⁶ Калашников М.В. Понятие «либерализм» в политическом дискурсе Н.А. Бердяева в годы Первой мировой войны // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. С. 68.

¹⁴⁷ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого, Глава VII. М., 2011.

¹⁴⁸ Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. Красноярск, 2001. С. 23.

увеличивает антропологическую нагрузку на планету. Только постепенный переход от вестернистской к оптимальной системе ценностей дает миру реальный шанс на выход из тотального кризиса мировой цивилизации.

Таким образом, военный прогресс по либеральной стратегии представляет собой доминанту, которая является следствием реализации идеи максимального контроля над государственными структурами, в том числе и армии, со стороны общественных организаций, а также использования армии для насильственного навязывания либеральных ценностей другим государствам при полном игнорирования их традиций.

2.4. Военный прогресс для обеспечения выгод и обогащения

Либеральный тип военного прогресса сориентирован на достижение результатов грабежа новых источников обогащения и выгод. В данной связи ведущую роль играет главный вектор прогресса, конечной целью которого является создание «общества потребления» на базе системы «общечеловеческих ценностей».

В постиндустриальном обществе, где человек, его личность и культура не защищены от логики рынка и технических средств, материальные блага являются преобладающими. Этот аспект, естественно, влияет на протекание военного прогресса, потому что включение общества в систему рыночных отношений, развитие и внедрение информационных технологий приводит к переоценке духовных ценностей, утрате высших идеалов культуры, без которых не бывает побед. «Ситуация, сложившаяся на сегодняшний день, показывает, что человек в повседневной жизни стал руководствоваться «престижными» ценностями, придавая второстепенное значение традициям,

религиозным, нравственным и эстетическим нормам»¹⁴⁹. В такой ситуации меняется вся структура военного прогресса западного типа, отличительной чертой которого является наемная армия со всеми ее особенностями.

Либеральные представления о военном прогрессе носят довольно хаотичный характер. Но нынешнее либертарное западничество в целом удивительно и забавно слепо в отношении собственного кумира – Запада – и основ его великой романо-германской культуры, рожденной не «правами человека», а великими табу.

Классический идеал рациональности, под эгидой которого прошли XVIII и XIX вв. терпит крушение, когда мир сталкивается с феноменом мировой войны. Эта самая рациональность, успешно просуществовавшая несколько столетий и принесящая массу плодов в виде стройных философских систем и конструкций, не располагала необходимым инструментарием для понимания такой войны. М.К. Мамардашвили утверждал, что «...философия есть техника, способ делать мир приемлемым, обитаемым для человека»¹⁵⁰. По мнению М.К. Мамардашвили, «...вся современная культура и философия есть ответ, попытка осмыслить, переварить, освоиться с одним явлением, с одним историческим актом, а именно с Первой мировой войной»¹⁵¹.

Вторая мировая война разрушила главный интеллектуальный базис европейского общества, который состоит в безграничной вере в могущество человеческого разума. Разделяя взгляды Арнольда Тойнби, литераторы как Старого, так и Нового света воспринимают войну как опыт самоуничтожения Запада и пытаются сформировать реальный, а не навязанный пропагандой,

¹⁴⁹ Кудашов В.И. Достоинство философа в современном мире (Субъективные заметки по поводу III Росс. философского конгресса) // Теория и история. 2002. № 1. С. 93–94.

¹⁵⁰ Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии/ М. Мамардашвили. СПб., 2012. С. 34.

¹⁵¹ Там же. С. 27.

сильно романтизированный образ войны¹⁵². Однако Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Восстание масс» подчеркивал социальную неоднородность общества: «При нормальном общественном порядке масса – это те, кто не выступает активно. В этом ее предназначение. Она появилась на свет, чтобы быть пассивной, чтобы кто-то влиял на нее»¹⁵³. Различные способы воздействия на сознание, методы ненасильственной обработки властных и иных групп известны давно. Об этом писали Н. Макиавелли и французские энциклопедисты, Г. Торо и М. Ганди, Т. Лири и Р. Уилсон. Сам термин «мягкая сила» был предложен Наем в 1990 году и лишь спустя 14 лет, в 2004 г. вышла его самая известная книга «Мягкая сила: Средства достижения успеха в мировой политике»¹⁵⁴.

Роль и значение «мягкой силы», которая использовалась еще в подготовке крушения советской системы и вплоть до реализации проекта, постоянно возрастает. В современных условиях именно «мягкая сила» зачастую обеспечивает информационную артподготовку, готовит плацдарм для прямого военного вмешательства.

Военный прогресс реагирует на современные тенденции не в меньшей степени, чем какие-либо другие составляющие социального прогресса, хотя он часто носит завуалированный характер. Например, ярко проявляется тенденция, оправдывающая философию потребления как результат безграничной свободы проявления биологического в человеке, ведет к взаимному истреблению человека, природы и цивилизаций. Конкретные этапы военного прогресса в этом случае максимально отражают геополитические трансформации XXI в., «...усложняющиеся пределами

¹⁵² Королькова Е.Д. Восприятие Первой мировой войны в европейской и североамериканской истории // Война и историческая память: тез. докл. Междунар. науч.-практич. конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург. госуд. университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. СПб.: Издательство «Фора-принт», 2014. С. 91.

¹⁵³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 107.

¹⁵⁴ Пономарева Е. Железная хватка «мягкой силы» // Однако. 2013. №6. С. 22.

экстенсивного промышленного и земного освоения земного пространства из-за фактического совпадения гео- и техносферы»¹⁵⁵.

Полноценное развертывание военного прогресса всегда предполагало основательную информационную подготовку. Однако в современном информационном обществе информационная война выдвигается на одно из первых мест. В свою очередь, наиболее эффективной информационная атака становится тогда, когда объектом нападков становится историческое прошлое. К сожалению, часто зрителю «...подается исторический материал переработанный, определенным образом трансформированный. Из этого материала изъяты нравственное начало и смысл, а подлинные исторические личности заменены манекенами»¹⁵⁶. Либеральные журналисты настойчиво пытаются лишить нас истории, заменяя ее своими «псевдоисторическими» поделками.

Важное следствие реализации военного прогресса по либеральной стратегии состоит в том, что традиционные военные действия все чаще заменяет информационные войны. Еще в 1806 г. военный теоретик А. Бюлов подчеркивал, что цели войны могут достигаться без сражений с помощью угроз и сообщений, чем предвосхитил почти на 200 лет практику информационной борьбы. При этом он заметил, что чем больше успехов в теории войны, тем меньше крови в сражениях. Эти идеи являются продолжением мысли великого китайского теоретика и полководца Сунь-Цзы: «Мудрый полководец побеждает, не вынимая меча из ножен». Надо вовремя продемонстрировать противнику свою силу и указать путь мирного решения конфликта в свою пользу. «Главное заключается в том, что объектом борьбы (войны) являются не только материальные объекты (в

¹⁵⁵ Марцева Л.М. Особенности хозяйственного освоения пространственно-временных границ российской цивилизации (Опыт сопоставления) // Теория и история. 2002. №1. С. 17.

¹⁵⁶ Разумовский Ф. Между фактом и домыслом // Литер. газ. 2006. 21–27 июня.

войне – живая сила и вооружение), но и мировоззрение и сознание человека, а также нормы права, по которым победитель определяет условия жизни побежденных»¹⁵⁷. Важное условие: если в информационной войне придерживаться оборонительной тактики, то поражение неизбежно¹⁵⁸.

Особую роль в распространении либеральных идей играет военный прогресс в своем информационном проявлении, о чем пишет Ж. Бодрийяр в статье с красноречивым названием «Войны в заливе не было»¹⁵⁹. Французский философ имел в виду то, что события, которые происходили в ходе войны 1991 г. между США и Ираком и которые корпорация CNN транслировала в реальном времени, с точки зрения массового телезрителя, смотревшего соответствующие репортажи, воспринимались как чистая видимость или фикция, реальность которых была не выше, чем реальность реклам и мыльных опер, которые в это же время транслировали другие каналы¹⁶⁰. Еще более определенно высказывается Е.В. Лучук: «К проблеме войны нельзя подходить однобоко. Но обычно люди знакомы лишь с одной стороной – позицией победителя»¹⁶¹.

В последние десятилетия военная теория разрабатывает, а практика проверяет концепции войн нового, шестого поколения с применением высокоточного оружия и оружия, основанного на новых физических принципах. Эти виды оружия и военной техники и формируют в настоящее время «новый облик» Вооруженных Сил.

¹⁵⁷ Круглов В.В. О скрытых угрозах национальной безопасности Российской Федерации и методы их выявления // Венная мысль. 2010. № 3. С. 6.

¹⁵⁸ Расторгуев С. Информационные войны – угроза для цивилизации // Литер. газ. 2013. 23–29 окт.

¹⁵⁹ Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3.

¹⁶⁰ Леонов В.Е., Смирнова А.П. Войны глазами участника как ситуация принципиально непередаваемого опыта Понятие «либерализм» в политическом дискурсе Н.А. Бердяева в годы Первой мировой войны // Война и историческая память: тез. докл. Междунар. науч-практ. конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург. госуд. университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: Издательство «Фора-принт», 2014. С. 75.

¹⁶¹ Лучук Е.В. Человек и война (опыт преодоления «тотальной бесчеловечности») // Война и историческая память: тезисы докл. Междунар. науч-практ. конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербургский госуд. университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: Издательство «Фора-принт», 2014. С. 76.

Особым проявлением либеральной версии военного прогресса является значительная активизация информационных войн, провоцирующих серьезные трансформации в обществе и видоизменяющие природу самого военного прогресса. Для США проблематика информационных войн давно представляла актуальное направление современного военного прогресса, являясь важной составляющей политики обеспечения национальной безопасности государства.

Информационная война предполагает не только серьезную перестройку военного прогресса в структурном отношении, но и намного более высокий интеллектуальный компонент. Это означает, что страны, где на высоком уровне представлены современные информационные технологии, всегда будут опережать остальных. Проблема состоит в том, что разнообразие информационного воздействия не дает возможность эффективно противодействовать ему вовремя, тем более, что оно носит системный характер.

Постепенно на первый план выдвигается понятие глобального информационного окружения, на базе которого все чаще формируются военные решения, ведь появляется возможность освещать события в реальном времени. В качестве доказательства важности информационного оружия известный специалист в данной области Г. Почепцов цитирует официальные военные документы США: «Глобальное информационное пространство является таким важным источником информации, что его следует принимать во внимание во всех будущих военных операциях»¹⁶².

В информационной войне некоторые СМИ занимаются внедрением в структуры государственного и военного управления так называемых «агентов информационного влияния» и формированием «пятой колонны» среди национальной интеллигенции, способствующих принятию

¹⁶² Почепцов Г.Г. Информационные войны. М: «Рефл-бук», 2000. С. 570.

неэффективных экономических программ, пропаганде чуждого образа жизни; искажению языка и культуры народа; дезинформации, воздействующей на духовность и психику народа, руководства стран¹⁶³.

Реализация военного прогресса на основе либеральной концепции предполагает не только максимальное использование информационных технологий, но и формирование «образа врага», что, по сути, является конечной целью любой информационной войны. Образ врага формируется на базе непосредственного боевого опыта, однако до мирного общества он доносится в видоизмененном виде, создавая основу «коллективной исторической памяти, а пропагандистские клише времен войны постепенно уходят в прошлое¹⁶⁴.

Сохранять особое положение в мире на протяжении длительного периода Запад сможет при условии сохранения искаженной версии исторического процесса, поэтому фальсификация истории в либеральной версии военного прогресса является важной частью информационной войны либералов. Американский военный историк Майкл Ланнинг в книгу «100 величайших полководцев всех времен» внес Наполеона и Гитлера, но не упоминает Кутузова и Сталина. К тому же в этом рейтинге он Суворову отводит 50-е место, а Жукову – 70-е¹⁶⁵. В связи с этим важно привести следующий пример. Учитель из США Джошуа, который несколько лет жил в России, указал на различия в образовании России и США: «У вас любой ученик ответит на вопрос, когда закончилась Вторая мировая война. Наши дети этого не помнят. Их спрашивают: а что было бы, если бы Америка не

¹⁶³ Кузнецова Н.А. Об актуальности проблем, связанных с угрозой информационной безопасности // Вестник Академии воен. наук. 2013. № 3(44). С. 46.

¹⁶⁴ Сенявский А.С., Сенявский Е.С. Взаимовосприятие государств и народов в новейшей истории в контексте конфликтного взаимодействия (методология исследования) // Проблемы российской истории. Вып. VII. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006. С. 124.

¹⁶⁵ Там же.

участвовала в этой войне? Знание важно, но думать над причинами еще важнее»¹⁶⁶.

Объектом фальсификации всегда являлась Вторая мировая война. Например, оккупация Чехословакии встревожила общественное мнение в Англии и Франции. Спустя шесть месяцев после Мюнхена, объясняясь в палате общин, Чемберлен заявил, что он не мог предположить, что подобное может случиться. «Мы будем продолжать нашу политику умиротворения. Нет никакого сомнения, что Гитлер хочет нас услышать»¹⁶⁷. Известный американский журналист У. Ширер отметил: «Ясно, что в то время, когда немцы совершенно открыто готовились к нападению на Польшу, а итальянцы продвигались на Балканы, французы и англичане не предприняли серьезных усилий, чтобы вступить с русскими в военный союз против Гитлера»¹⁶⁸.

Советское правительство не прекращало условий по созданию системы коллективной безопасности. 17 апреля 1939 г. СССР предложил Англии и Франции заключить трехсторонний оборонительный пакт на основе равноправия, с четко определенными формами взаимопомощи в случае агрессии. Однако советские предложения не устраивали Лондон¹⁶⁹.

Особенность военного прогресса часто проявляется как пересмотр устоявшихся исторических элементов. В частности, генерал М. Докучаев, ставший Героем Советского Союза за участие во взятии Берлина, справедливо подчеркивал: «В стремлении к реваншу и расширению жизненного пространства фашистская Германия напала бы на Советский

¹⁶⁶ Королева Л. В Сибирь – учиться жизни // Литер. газ. 2006. 22–28 марта.

¹⁶⁷ World War II in Europe. An encyclopedia. N. Y. Ldn, 1999. С. 14.

¹⁶⁸ Shirer W.Z. The Collapse of the Third Republic. An industry into the Fall of France in 1940. N.Y., 1969. P. 425.

¹⁶⁹ Андреев А.Г. Была ли возможность предотвратить вторую мировую войну? // Геополитика и безопасность. 2015. №2(30). С. 10 –11.

Союз в 1941-м в любом случае – управляй ею царь, генсек, президент или парламент. Кто ненавидит Сталина – победителя, просто за ревизией истории войны скрывают себе неудовольствие нашей Победой»¹⁷⁰.

В 1945 г., вскоре после бомбардировки Нагасаки была издана книга, получившая название отчет Смита. На ее страницах участники создания американской атомной бомбы А. Эйнштейн и другие известные ученые, разъясняя читателю всю катастрофическую опасность атомного оружия, не осуждают при этом США за его создание и применение. Их цель – убедить другие страны отказаться от идеи «защиты национальных интересов» с помощью этого смертельно опасного «для самой цивилизации» оружия и рассекретить все свои исследования в данном направлении. Соединенные же Штаты, доказывают они, должны сохранить монополию на атомное оружие минимум на ближайшие 4–5 лет, иначе они «могут оказаться отчужденными, во враждебном мире... (под угрозой) внезапной гибели»¹⁷¹.

Необходимо подчеркнуть разницу в оценке роли нашего народа во Второй мировой войны политиками того времени и современными. В своей книге¹⁷². С экономической точки изучения работ Германии в области ракетной техники послужило скорейшей организации в СССР ракетостроения как отрасли народного хозяйства. К ракетной технике было привлечено внимание всемогущей иерархии партийного, государственного и военного руководства. СССР поступил правильно, организовав изучение и восстановление техники на территории Германии, обладавшей еще мощным техническим потенциалом, с участием немецким специалистов. «Подобных

¹⁷⁰ Жукова Л. Место в истории // Литер. газ. 2011. 29 июня – 5 июля.

¹⁷¹ Родин А.М. Атомные секреты или Троянский конь «холодной войны» // Вестник Академии военных наук. 2013. № 3(44). С. 155.

¹⁷² Тейлор Т. Американский солдат в советском танке. Война Джозефа Байерли в войсках США и СССР. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2010.

по масштабам условий работы в первые два послевоенных года в нашей стране обеспечить было невозможно»¹⁷³.

Информационные войны, являясь важной составной частью современного военного прогресса, всегда тщательно готовились лидерами США. В частности, это делалось при помощи глобальной сети неправительственных организаций (НПО). Декларировалось, что они создаются для максимального быстрого продвижения идей демократии и «гражданского общества», хотя на практике НПО используются как механизм собственного влияния. Эту ситуацию М.Г. Делягин прокомментировал следующим образом: «НПО больше не являются независимыми и не могут сами говорить о том, что видят и слышат»¹⁷⁴.

Подобные двойные стандарты несет в себе либерализм, что принципиально отражается на взаимоотношениях между Востоком и Западом. Аятолла Хомейни корреспонденту газеты «Коррьере дела сера» заявил: «Вещи – это хорошая сторона Запада. Мы не боимся ни вашей науки, ни вашей техники. Мы страшимся ваших идей и ваших обычаев. Политически и социально это значит, что мы опасаемся вас... Отныне мы будем выступать против всех тех, кто провоцирует нас справа и слева, здесь и там»¹⁷⁵.

Вместе с тем важно отметить, что попытки реализации либеральной политики, в том числе и в военной области, заканчиваются трагически. Военный прогресс стимулируют тенденции современного Запада. Многие ученые и известные деятели подчеркивают, что место культуры постепенно занимает антикультура. «Она будет эстетизировать только зло. Традиционная культура сначала эстетизировала только добро, потом романтизировала борьбу со злом и победу добра, потом борьбу добра со злом и победу зла,

¹⁷³ Черток Б.Е. Ракеты и люди. 2-е изд. – М.: Машиностроение, 1999. С. 127–128.

¹⁷⁴ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 328.

¹⁷⁵ Цит. по: Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 30.

после этого зло остается единственным объектом»¹⁷⁶. Подобные установки порождают соответствующие настроения в обществе, согласно которым постоянное наличие врагов предполагает соответствующий уровень военного прогресса.

Насилие способно принимать скрытые формы, являющиеся, при доминировании либеральной идеологии, даже более эффективными, чем открытое принуждение, поскольку результаты проявляются не столько на материальном, сколько на духовном уровне. Таким образом, они сами и, главное, «свободно» выбирают требуемое направление действий. Насилие при этом не перестает оставаться насилием¹⁷⁷. «Новые правители могли оправдать себя, лишь ссылаясь на историческую необходимость насилием преобразовывать общество¹⁷⁸», – писал З. Бжезинский, не учитывая тот факт, что воспроизводимая им аргументация опиралась на революционный опыт.

В целом при изучении американских документов, посвященных перспективному облику вооруженных сил, складывается впечатление, что их авторов больше занимают проблемы, связанные именно с человеческим фактором. Вся концепция сетецентрических войн, если абстрагироваться от фантастических проектов, связанных с ней или приписываемых ей, стоит на двух «китах»: обеспечение военных руководителей всей полнотой информации о боевой обстановке и повышение активности и боевых возможностей самых мелких подразделений, составляющих, тем не менее, основу боевых порядков и несущих наибольшую нагрузку в бою»¹⁷⁹.

В современных условиях наблюдается все обостряющееся противоречие между правилами мирового порядка, зафиксированные в

¹⁷⁶ Интервью с А. Кабаковым // Москов. новости. 2007. 19–25 января.

¹⁷⁷ Иванов С.Г. Небольшое рассуждение об универсалиях, либерализме и сталинской эпохе // Кредо. 2009. № 3(59). С. 172.

¹⁷⁸ Бжезинский З. Большой провал. Агония коммунизма // Квинтэссенция: философ. альманах / сост. В.И.Мудрагей, В.И. Усанов. М., 1998. С. 260.

¹⁷⁹ Костырев С.В., Ефремов О.Ю., Звере С.Э. Концепция сетецентрических войн в свете доктрины «Единый взгляд 2020» // Военная мысль. 2014. № 1. С. 62.

Хартии, и правами, выраженными во Всеобщей Декларации. Если Хартия запрещает применение силы, нарушающее суверенитет государства, то Всеобщая Декларация гарантирует права человеку в репрессивных государствах. Вместе с тем все более явным становится тот факт, что эти документы оторваны от реальности. Не менее важно, что до сих пор не определен механизм воздействия на нарушителей прав, что значительно осложняет гуманитарное вмешательство извне.

Концентрирующий огромную экономическую мощь ЕС все более начинает использовать характерные для США методы: лицемерие и двойные стандарты во внешней политике, культурный империализм, а также готовность применять силу в международных отношениях, если это не чревато серьезными потерями. В.А. Шулер справедливо подчеркивает, что не Билл Клинтон, а лидеры миролюбивой Европы выступили инициаторами «гуманитарных бомбардировок» Сербии»¹⁸⁰. Можно согласиться с А.М. Ковалевым, что «конфликтный характер развития современного капитализма ведет не только к разрушению созданных трудящимися материальных ценностей, но и к распаду человеческой личности, подрыву человеческого фактора общественной жизни»¹⁸¹.

Для понимания механизма реализации либерального военного прогресса как гаранта обогащения за счет других стран важно также учитывать реальную наполняемость понятия «социальная агрессивность». На одно из первых место выдвигается целый комплекс проблем, связанных с анализом социокультурных причин возрастания социальной агрессивности, соотношения конфликта и агрессии и т. п. Таким образом, важным направлением военного прогресса в либеральной концепции выступает «...конструирование культурных кодов «агрессия» и «симулякров»

¹⁸⁰ Шулер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. №12. С. 8–9.

¹⁸¹ Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни. М.: Мысль, 1982. С. 214.

реальности посредством СМИ, основных видов вербальной агрессии, исторических корней религиозной агрессии и внерациональных форм ее преодоления»¹⁸². Средства коммуникации действуют все более и более в одном направлении и становятся все менее и менее взаимны», превращаясь тем самым в еще одно средство манипуляции людьми.

Военный прогресс по либеральной концепции в значительной мере базируется на мифологемах. Л. Трифонова подчеркивает, что «...мифологическое мышление отнюдь не в рудиментарном варианте сохраняется в сознании современного человека»¹⁸³.

Эффективность информационной войны как важной составляющей военного прогресса обусловлена параметрами информационного пространства, а также задается всем многообразием условий существования общества. «Человек все больше начинает жить не в мире реальности, а в мире соблазна, симуляторов, иллюзий»¹⁸⁴. В нашу информационную эпоху они, по убеждению И. Панарина¹⁸⁵, стали главным фактором мировой политики, а информационная война – «доминирующим способом достижения духовной, политической и экономической власти».

Приметой нашего времени становится виртуализация политического и информационного пространства. Например, «миротворец», получивший Нобелевскую премию мира Барак Обама не только не прекратил войну в Афганистане, но увеличил контингент на 30 тыс. человек; развязал войну в Ливии и т. д. Это тоже либеральные проявления военного прогресса по-американски. Либеральная общественность относится к понятию прав

¹⁸² Красиков В.И. Социальная агрессивность и гуманитарные исследования // Социальная агрессивность. Третьи Кузбасские философские чтения: материалы междунар. конф. Кемерово, 27–28 мая 2004: в 2 ч. Ч. 2. / отв. ред. В.П. Щенников. Кемерово, 2004. Ч. 1.

¹⁸³ Трифонова Л.Л. Исторические события в контексте мифологического мышления (по материалам эвенкийских сказок) // Проблемы российской истории. Вып. VII. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006. С. 437.

¹⁸⁴ Далокаров К.Х., Демидов Ф.Д. «Глобализация и проблемы нелинейности цивилизационного развития // Глобализация и перспективы современной цивилизации / отв. ред. К.Х. Далокаров. М.: КМК, 2005. С. 71.

¹⁸⁵ Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Изд-во «Поколение», 2006.

человека с сарказмом, пока дело не доходит до глобальной и «правозащитной» миссии США. Если речь заходит о США и их миссии, либералы все одобряют, ведь американская миссия у них не вызывает протеста, несмотря на зверства во многих странах, ведь либеральное крыло нашей политики – побочный продукт американской культуры.

Американская армия использует систему «визуализации», что позволит ей моделировать ситуации на основе весьма реалистических ролевых игр с целью подготовки войск к военным операциям в других странах»¹⁸⁶. Деформированное информационной атакой сознание находится под властью когнитивного диссонанса, в результате чего «образ врага» подталкивает к неоправданным действиям. Эти действия «...оправдываются тем, что «врагу» приписываются еще более злостные намерения, в результате чего возникает заколдованный круг враждебности»¹⁸⁷. Подобная ситуация создает условия для провоцирования крайних форм военного прогресса – милитаризации.

Реализация военного прогресса в его либеральной версии проявляется в том, что технический прогресс логических привел к созданию параллельной реальности, которую Ж. Бодрийяр точно определил как «гиперреальность». Первый шаг в этом направлении – появление не просто газет, а печатных изданий, выпускаемых массовыми тиражами и проникающих в каждый дом. С одной стороны, это резко расширило границы мира, поддающегося наблюдению простым гражданином. С другой стороны, массовые печатные издания начали сообщать ему о мире, который он сам не мог видеть, а получаемую информацию он самостоятельно он не в состоянии перепроверить. Ей можно только верить или не верить, потому что проверить не удастся. Таким образом постепенно формировалась параллельная гиперреальность – картина мира, конструируемая СМИ. Даже если

¹⁸⁶ Всепроникающий storytelling // Le Monde diplomatique. 2006. ноябрь.

¹⁸⁷ Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага» // Психология национальной нетерпимости. Минск, 1998. С. 194.

журналисты сообщают только самую правдивую информацию, гиперреальность отличается от реального мира настолько же, как детский рисунок может быть другим, чем запечатленная в нем жизненная ситуация. «Мы, безусловно, лишились могущества, опирающегося на материальную силу, осталось уповать, что придет день, когда наше могущество будет основано на разуме, пока же это весьма туманное будущее остается предметом неопределенных гаданий»¹⁸⁸. Это означает, что в ближайшие десятилетия можно ожидать приход жесткого «сетевого тоталитаризма», то есть такого мирового порядка, который построен на всеобщей относительности и заполняет пустоты, образовавшиеся на месте умершей религии и государственности. По мнению В.А. Светлова, «...конфликтов, не связанных с системами, не существует. Конфликт любых двух отдельных элементов или систем всегда представляет конфликт объединяющей их более общей системы»¹⁸⁹.

Идеалы личности как тотального потребителя составляют суть морального и жизненного кризиса на Западе, провоцируют процессы разрушения культуры и разложения общества. Западный человек сверхзабочен собственным материальным и чувственным удовлетворением и становится все более неспособным к моральному самоограничению. Но если мы на деле окажемся неспособными к самоограничению на основе четких нравственных критериев, под вопрос будет поставлено само наше выживание.

Это противостояние, с одной стороны, было настоящей войной, закончившейся насильственным переделом мира в пользу победителей за счет проигравших государств. С другой стороны, это была необычная, нетрадиционная война, осуществлявшаяся преимущественно в

¹⁸⁸ Мильдон В.И. Все еще наш XIX век // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 173.

¹⁸⁹ Светлов В.А. Введение в общую теорию анализа и разрешения конфликтов. М.: Либроком, 2011.

идеологической, политической, экономической и технологической сферах с использованием беспрецедентно жестких невоенных и нетрадиционных средств насилия. Применение для «продолжения политики» и разрешения противоречий насильственных, но не военных средств в конечном счете и обусловило природу «холодного» противоборства. В этом состояло коренное отличие «холодной войны» от войн первого поколения.

До XX столетия человечество жило и развивалось, осознавая себя бессмертным. В столкновениях, конфликтах и войнах могли исчезнуть государства, погибнуть отдельные народы и культуры, но все же человечество оставалось и продолжало свою историю. Теперь же возникла парадоксальная ситуация: наращивание силы, технологической мощи человечества привели его к такому состоянию, когда оно не только не может реализовать изначальные претензии всестороннего господства над обстоятельствами, а напротив, окончательно попадает во власть обстоятельств, становится заложником орудий массового уничтожения, которые оно само же изобретает. Так, во второй половине XX в. возникла проблема выживания человечества в условиях, когда научно-технический прогресс создает все более широкое поле возможностей для принципиально нового развития военной техники и оружия массового уничтожения.

Представители реалистской методологической традиции предъявили существующее независимо от социальной действительности понятие «человеческой природы», единственно из которого следует выводить особенности жизнедеятельности человеческой личности, ее идентичность. А уже в рамках номиналистской методологической традиции каждая выведенная из «человеческой природы» особенность была приписана личности, получив необходимую для доказательства гражданской концепции личности трактовку. Например, первоначально свобода естественного

человека трактуется как неограниченная, а затем в контексте личности в гражданском обществе трактуется как ограниченная в необходимой мере.

Для понимания сущности военного прогресса обороны как стратегии важно учитывать, что в основе всякой войны лежит претензия на субъектность. Война начинается в тот момент, когда кто-то почему-то решает защищать себя и свое имущество, когда потенциальный субъект решает сам строить свою жизнь. Здесь существует всего два способа избежать войны. Первый – не быть субъектом, не иметь суверенных претензий, согласиться с той ролью, которую тебе отведут другие субъекты. Второй – обрести сверхмощь, создать угрозу ответного удара такой силы, которая будет несовместима с жизнью нападающего.

Таким образом, реализация военного прогресса по либеральной стратегии способствует обогащению государств – агрессивных носителей «демократических ценностей», которые сегодня выступают в качестве субъектов глобализационного давления, использующих при этом любые военные средства, включая оружие массового поражения. Либеральная концепция военного прогресса выступает гарантом обеспечения выгод той части человечества, которая позиционирует себя как «цивилизованные страны», за счет эксплуатации всего остального человечества путем ведения информационных войны и т.п.

Выводы.

История военного прогресса в западной традиции представляет собой обеспечение диктата отдельных субъектов мировой политики над остальным миром. Военный прогресс в понимании Запада – это развитие военно-промышленного комплекса и армейских соединений до такой степени, чтобы сохранять постоянную возможность навязывать свою систему ценностей всему мировому сообществу.

В консервативной версии военный прогресс основывается на устоявшихся ценностях, однако они одобряют пересмотр чужих границ военным путем, что связано с условностью идеологических ценностей, которые они исповедуют. Военный прогресс, проявляющийся в своем консервативном содержании – это попытка сохранения традиционных представлений о войне, армии и т. д., что максимально проявляется в милитаристской машине Запада. Военный прогресс обеспечения диктата проявляется как ярко выраженные преимущества военного потенциала отдельных стран не только в условиях военных действий, но и путем угрозы перманентного давления в мирное время.

Либеральная концепция военного прогресса связана с двойственностью его проявлений в западной традиции, поскольку взятая в качестве стержневой составляющей идеологического обоснования внешнеполитической стратегии, она не может не быть сопряжена со многими непоправимыми для международного мира и стабильности негативными издержками. При нынешнем положении вещей комплекс этих ценностей может быть предложен человечеству в качестве некоего идеала, а не единственного пути решения стоящих перед мировым сообществом проблем.

Глава 3. ВОЕННЫЙ ПРОГРЕСС ОБОРОНЫ

Противостояние двух социальных систем, основательно определяющее ход истории, закончилась довольно стремительно и спровоцировала собой целую серию трансформаций: распад СССР; возникновение новой геополитической ситуации; интенсификация региональных конфликтов.

Подобная хаотизация мирового пространства во многом обусловлена тем, что механизмы военного прогресса, будучи важной частью общественного прогресса, до конца исследованы. Вместе с тем существует множество концептуальных объяснений современного глобального мира, выступающих в качестве фона для соотнесения различных позиций, на которых базируются представления о прогрессе вообще и военном в частности.

Военный прогресс обороны во многом обусловлен тем фактом, что к концу XX в. на смену геополитической парадигме приходит противоположная ей по содержанию глобалистская парадигма, базирующаяся на идее мондиализма. Важная характеристика военного прогресса обороны связана с теми обстоятельствами, что кардинальные трансформации последних двух-трех десятилетий, в том числе переход все более растущего числа стран и народов на рельсы рыночной экономики и политической демократии, не уменьшили риск войн и вооруженных конфликтов. Более того, одновременно с увеличением числа стран, вставших на путь демократического развития, возросло также число этнических, территориальных и иных конфликтов, гражданских и межгосударственных войн.

В данной главе исследуются проблемы, связанные с освещением военного прогресса, характеризующего общество обороны.

3.1. Структура военных угроз и возможность военных конфликтов

Структура военных угроз в последние десятилетия значительно усложнилась и включает в себя несколько уровней: 1) внутригосударственные; 2) локальные; 3) региональные; 4) глобальные.

Структура военных угроз предполагает определенный уровень военного прогресса, который мыслится как совершенствование отношений обществом на принципах единства и взаимосвязи явлений с целью сохранения социокультурной идентичности и суверенитета. Изменения в характере, содержании и формах вооруженной борьбы на протяжении веков происходили и происходят под влиянием известных факторов, к основным из которых относятся: развитие вооружения и военной техники, совершенствование организационной структуры войск, приведение положений теории военного искусства в соответствие с требованиями практики (поступательное развитие теории и практики), расширение сфер ведения вооруженной борьбы, изменения в геополитическом пространстве, демографической обстановке и др.

В современных условиях военные угрозы проявляются как определенные явления в области военного дела они развиваются на качественно новой материально-технологической и организационной основе, приобретая особые черты, свидетельствующие о масштабности и специфике их влияния на вооруженную борьбу. С учетом этого основными традиционными факторами, способными кардинально повлиять на развитие взглядов на характер вооруженной борьбы первой трети XXI в.

Современная практика свидетельствует, что в условиях мондиалистских тенденций, размывающих государство как таковое, довольно быстро происходит перерастание одного уровня в другой. Кроме того, условность границ и господство сетевых коммуникаций предполагает переброс военных угроз на соседние страны.

В современных условиях необходимо учитывать военно-техническую составляющую этих угроз: 1) скопление военной техники у границы; 1) внутригосударственный конфликт, провоцирующий потоки беженцев; 2) наличие военных баз; 3) наличие в соседней стране режимов диктаторского типа.

Актуализация проблем, связанных с военными угрозами, во многом обусловлена последними мировыми событиями, которые являются и причиной, и следствием военного прогресса. В частности, в недавно сформулированной Военной доктрине актуализируется понятие «военная опасность», рассматриваемое как состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы.

Феномен войны характеризуют такие признаки, как применение оружия между вооруженными организациями населения или между государствами, массовость и широкомасштабность, а также неизбежные людские жертвы, материальный и экономический ущерб, наносимый противоборствующими сторонами друг другу¹⁹⁰. Однако важной отличительной чертой современного наступательного военного прогресса является тот факт, что политики и военные избегают использовать термин

¹⁹⁰ Люткине Г. В. Современные концепции войны: философско-политологический анализ. Автореферат канд. полит наук. дисс... Московская пограничная академия ФСБ РФ. Москва-2011 Диссертации по гуманитарным наукам - <http://cheloveknauka.com/sovremennye-kontseptsii-voyny#ixzz3dgImL0PR>

«война», заменяя его словом «конфликт», что четко проявляется, например, в новой американской стратегии. Цель – добиться постепенного размывания таких базисных для сохранения человечества понятий, как «война» и «мир», хаотизируя мировое пространство ради достижения мирового глобального господства.

В современном мире на первый план все чаще выходят иррегулярные войны, которые представляют собой военные действия, связанные с проведением специальных операций и конфликтами малой интенсивности. Иррегулярная война – это война, в которой участвуют не только государства, но и негосударственные образования, в результате чего происходит экономия сил, ведь в горячие точки в этом случае посылается только ограниченный контингент военных, а основная тяжесть ведения войны ложится на союзников. Иррегулярная война проявляется в разных формах, ведь стратегическая цель направлена на то, чтобы захватить и удержать контроль над населением через использование политических, психологических, информационных и экономических методов. Можно констатировать, что в фокусе операций в иррегулярной войне находится население страны, которая подверглась нападению. Значение иррегулярной войны растет и уже сегодня на подобные войны в американской стратегии приходится более половины всех военных конфликтов. Иррегулярная война носит сетевой характер, что отражено в Национальной военной стратегии-2015 США, где говорится, что подобные методы войны будут направлены на борьбу с использующими насилие экстремистскими сетями. В частности, США используют созданную ими глобальную сеть терроризма в интересах иррегулярной войны.

Сложность и неоднозначность проявлений военного прогресса современности особо ярко проявилась в новом понятии «гибридная война», которое постепенно заняло ключевое место в американской военной

стратегии. Гибридная война представляет собой сочетание традиционных и иррегулярных боевых действий для того, чтобы перехватить инициативу и парализовать противника. Отличительной чертой гибридных войн является ставка на партизан и бандитов, что создает неопределенность в стране, подвергшейся нападению. Постепенно гибридная война как сочетание традиционной и иррегулярной войны становится стержнем современной американской военной стратегии и, скорее всего, сохранит свою значимость в будущем.

Западные СМИ изощряются в запугивании мира «восточной угрозой», под которой понимается Китай. Изучение российских представлений об угрозе с Востока – задача крайне важная. Различные фобии, страхи, как целенаправленно конструируемые, так и возникающие стихийно, консолидируют общество вокруг единой, пусть даже воображаемой опасности и влияют на отношение к тем, кто воплощает в себе эту угрозу¹⁹¹. Например, работа И.О. Ермаченко заслуживает особого внимания, поскольку ее автор опирался преимущественно на материалы периодической печати, зачастую игнорируемые другими¹⁹². Однако российские дискуссии о «желтой опасности» так и не стали предметом особого интереса или отдельной рефлексии. Об этом пишут многие российские исследователи, подчеркивающие, что риски и угрозы в современном мире постоянно возрастают¹⁹³. Особую значимость данное обстоятельство имеет для

¹⁹¹ См.: Молодяков В.Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М., 1996; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007; Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012. 3 Журавлева В.И. Русский «другой» в американской политической карикатуре: от века XIX к веку XXI // Вестник РГГУ. М., 2012. №7. С. 66.

¹⁹² Ермаченко И.О. Странный враг: образ Японии в специализированной русской прессе 1904–1905 гг. // Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001. Ч. 2. С. 3-7; Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция образа «врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

¹⁹³ Бельков О. А. Предварение к теории (концепции) национальной безопасности // Военно-философский вестник. 2008. № 2 (02). С. 30-36; Воробьев И. Н., Киселев В. А. Комментарии к статье «Войны настоящего и будущего» // Военная мысль. 2011. № 5. С. 54-58. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация

Российской Федерации, осуществляющей поиск и выбор путей дальнейшего развития, средств и способов обеспечения национальной безопасности¹⁹⁴.

Серьезную угрозу человечеству представляет милитаризация генных технологий, поскольку многие ведущие государства конкурируют за обладание совершенным биологическим оружием. Искусство и технологии ведения войны, распространившиеся на микроскопический мир хромосом и генов, способны вызвать опустошительные последствия. Со временем могут открыться новые сферы приложения той или иной технологии, как мирные, так и военные. К примеру, либеральная евгеника может обернуться попытками уничтожить «низшие» расы и создать «суперрасу», а успехи в клонировании животных могут быть закреплены клонированием определенных профессиональных групп, например, солдат, которые будут сражаться вместо нас.

Относительное геостратегическое равновесие, основанное на практически равных по мощи ракетно-ядерных потенциалах двух сверхдержав, перечеркнуло саму возможность применения военных средств в глобальном масштабе. В то же время научно-техническая революция и бурное развитие новых технологий способствовали острому идеологическому, экономическому и технологическому противоборству во всех уголках земного шара.

Современный мир остается кризисным, что обусловлено издержками глобализации. Углубляющийся дефицит ресурсов – одна из глубинных причин региональных и глобальных кризисов нового тысячелетия, ведь от

меняет наш мир. М.: Весь мир, 2004. 120 с. Кондаков Е. Е. Невоенные меры обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке: сб. научных статей / под общ. ред. А. В. Квашнина. М.: ГШ ВС РФ, 2004. С. 292-317. Тюшкевич С. А. Новый передел мира. М.: Велби; Проспект, 2003. С. 9.

¹⁹⁴ Араев С. И. Политическая безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва – 2008.

наличия или отсутствия необходимых природных ископаемых напрямую зависят жизненные стандарты населения земли, перспективы социально-экономического развития государств и международная безопасность. Анализ элитологической мысли и практики в ее западной, восточной и российской версиях, проведенный философом и политологом РФ А.М. Старостиным¹⁹⁵, показывает существенную зависимость той или другой из них от цивилизационного опыта и его своеобразия, а также от доминирующих культурно-мировоззренческих ориентаций, под влиянием которых находится военный прогресс.

Структуру военных угроз во многом определяет военно-технический аспект. Философию Запада в онтологическом плане можно рассматривать как философию техники, и, по мнению А.С. Панарина, «...она окажется фундированной лишь в том случае, если сконструированный им искусственный космос будет лучше и совершеннее природного¹⁹⁶. Естественно, что подобный подход является ограниченным, поскольку в лишь малой степени учитывает духовную составляющую, столь принципиальную для традиционной русской философии.

Анализируя структуру современных военных угроз, также важно учитывать тот факт, что путем использования локальных межгосударственных конфликтов западные страны стимулируют гонку вооружений на региональном уровне, создавая в других странах арсеналы оружия и опорные пункты для своих «сил быстрого реагирования». Все это способствует обострению международной напряженности в глобальных масштабах, способствуя разворачиванию более высокого уровня военного прогресса даже в тех странах, руководство которых не обладает достаточной устойчивостью для

¹⁹⁵ Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений: моногр. Ростов н/Д. СКАГС, 2009.

¹⁹⁶ Панарин А.С. Философия истории. М.: Гардарики, 1999. С. 26–27.

контроля за своей территорией. В современном мире наиболее серьезные последствия имеют региональные военные конфликты, поскольку они могут достигать глобального уровня. Многие из них искусственно поддерживаются странами Запада, ведь в своей политике гонки вооружений они постоянно создают глобальные проблемы. Кроме того, подобная политика подстегиваются все более воинственными стратегическими концепциями, которые предусматривают применение упреждающих ударов и даже ядерного оружия для защиты «жизненных интересов» в любом уголке земного шара.

Важно учитывать, что любой современный конфликт принципиален, потому что сталкиваются две отрицающие друг друга модели развития России как части «мировой цивилизации», с одной стороны, и самодостаточной цивилизации, – с другой. Этот конфликт обострился сразу после войны и, по мнению С. Кургиняна, вполне вписался в общемировой конфликт национально и транснационально ориентированных элит, раздирающий практически все сообщества практически всех значимых стран мира¹⁹⁷.

Запад пытается показать, что появление новых форм военного прогресса можно трактовать как вынужденную реакцию на государственные образования сепаратистского толка, которые стремятся перекроить карту мира в соответствии с этническими, религиозными и иными границами. Е.О. Новожилова справедливо подчеркивает, что «...в результате данных перемен власть расплывается и распределяется по многим негосударственным структурам, что повышает вероятность возникновения различных военных конфликтов»¹⁹⁸.

Продолжая оставаться одним из способов решения территориальных споров или расширения ресурсной базы, современные войны обретают новые

¹⁹⁷ Делягин М. Слишком много страха // Литер. газ. 2007. 17–23 января.

¹⁹⁸ Новожилова Е.О. Войны настоящего и будущего // Военная мысль. 2011. № 2. С. 8.

функции, в частности, они иногда позиционируются в качестве средства установления и поддержания мира. Когда миротворческие силы, принадлежащие надгосударственным структурам, привлекаются в качестве нейтральной стороны для поддержания правопорядка в горячих точках планеты, то роль армии расширяется. В последнее время армии активно включаются в такие виды деятельности, как оказание помощи при возникновении стихийных бедствий или техногенных катастроф.

Для понимания военного прогресса важно учитывать основное противоречие глобализации, которое усматривается в том, что этот процесс тормозит ход общественного прогресса и влечет серьезное ухудшение условий существования основной части человечества с одновременным ростом благосостояния его абсолютного меньшинства. По справедливому замечанию М.И. Дзалиева, «надежды на то, что при таком мировом порядке и распределении богатств планеты удастся избежать конфликтов между богатыми и менее благополучными странами, весьма слабы¹⁹⁹. Проблема стратегии военного прогресса является следствием кризисности современного мира. Целый ряд кризисов, периодически сотрясающих разные страны, заставляют человечество почувствовать свою беспомощность. Излишний оптимизм относительно всемогущества человека, базирующийся на ложной антропоцентрической установке, серьезно поколебали не только две мировые войны, но также экологические катаклизмы. Предсказывать конкретные этапы общественного прогресса становится все сложнее, поэтому военный прогресс как часть его носит скачкообразный характер.

Изменение структуры военных угроз современности во многом детерминировано: 1) военно-стратегическим характером войны; 2) способами подготовки и ведения вооруженной борьбы; 3) совокупностью военных

¹⁹⁹ Дзалиев М.И. Национальная безопасность в глобализирующемся мире // Глобализационные процессы и устойчивое развитие: сб. статей / отв. ред. А.Д. Урсул. М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. С. 160.

действий различного масштаба; 4) межвидовыми группировками войск; 5) изменившимися требованиями к способам управления войсками; 6) мотивировкой к обучению и воспитанию личного состава; 7) подготовкой экономики, населения и территории страны к войне.

Появление новых военных угроз, реально влияющих на структуру военного прогресса, стимулировало возникновение новых отраслей военных знаний. В военной науке появился ряд направлений, связанных с использованием кибернетики, различных областей математики, физики, а также получили развитие сетцентрические способы управления боевыми действиями межвидовых группировок войн. Все эти тенденции детерминировали новый этап развития военно-теоретической мысли, отражающий специфические явления в содержании региональных войн XXI в.: 1) экономический потенциал государства; 2) социальные возможности государств; 3) способность к милитаризации; 4) способность политического и военного руководства воспринимать современную войну как войну будущего. Исход войны стал зависеть от военно-технологического развития противоборствующих государств, наличия у них в достаточном количестве высокоточного оружия различного базирования и умения сторон с упреждением использовать информационные технологии. Получили развитие и другие тенденции современной войны. В связи с этим возникает необходимость уточнения законов ее ведения, имеющих определенное значение для содержания и структуры военной силы.

Еще один важный аспект исследования структуры современных военных угроз связан с европоцентризмом, поскольку европоцентричный номос (связь места, закона и порядка) позволял сохранять мир между сильными государствами и минимизировать жестокость в межгосударственных отношениях. Однако по мере снижения авторитета Вестфальской системы международных отношений росло предостережение

об опасности глобальной унификации, где англо-американский империализм, прикрываясь новой универсалистской фразеологией, разрушил классическое международное право, которое исходило из четкого разделения «земли» и «моря», стер линии демаркации и ввел дискриминирующее понятие врага, основанное на понятии «справедливой войны». Структура внешних угроз в значительной степени трансформировалась из-за уничтожения Вестфальской системы. В частности, потеря субъектности многими государствами не просто стимулирует региональные военные конфликты, но также предполагает определенный вектор военного поведения, ведь военный прогресс реагирует на соответствующие военные угрозы.

В современных условиях существенно изменяются взаимосвязи между деятельностью высшего политического руководства и действиями воинских формирований различного масштаба. Иначе говоря, политика может оказывать непосредственное влияние на вооруженную борьбу не только стратегического масштаба, но и ведущуюся на оперативном и тактическом уровнях.

Появление новых угроз приводит не только к изменению традиционной структуры военного прогресса. Видоизменения в алгоритме военного прогресса во многом обусловлены террористической угрозой. Терроризм представляет собой разновидность конфликтов низкой интенсивности, которые отличаются от настоящей войны, где все участники готовы жертвовать жизнью. В частности, необходимо учитывать следующие особенности современного терроризма: террористы, как правило, не преследует цели, свойственные настоящей войне (завоевательные и т. п.); терроризм характеризуется насилием, не имеющим четкого адресата; террористов трудно победить, потому что они представляют собой

противника без общества; серьезно затрудняет борьбу с террористами распыленная деятельность террористических организаций, которые не вписываются в правовое поле.

Серьезную обеспокоенность вызывает тот факт, что среди представителей властей Запада все чаще выдвигаются претензии к России, в которых высказываются сомнения относительно способности нашего государства эффективно распоряжаться собственными энергетическими ресурсами. Все чаще предлагается рассматривать природные запасы нашей страны в качестве «неотчуждаемого общественного блага». «Цель – заставить мировое сообщество свыкнуться с мыслью о том, что принцип национально-государственного суверенитета над природными ресурсами устарел и требует пересмотра»²⁰⁰.

Милитаристские силы всегда настаивают на поддержке «русофобских» сил на постсоветском пространстве, особенно в Украине и Грузии, а в самой Российской Федерации призывают поддерживать этнический сепаратизм и радикальный ислам (в первую очередь на Северном Кавказе), чтобы нанести по «географической оси истории» завершающий удар, после которого глобальная гегемония надежно и безвозвратно отойдет к США, Западу, «морскому могуществу» и «мировому правительству»²⁰¹. В силу своих культурных традиций и занимаемого географического положения Беларусь, Украина и Россия объективно стали главным препятствием на пути всеобщей американо-европеизации мира. Здесь важно подчеркнуть, что «...Украина (в составе СССР) по уровню экономического развития опережала Молдову, Турцию, Белоруссию, Румынию и Болгарию, находилась практически на одном уровне с Польшей и отставала только от Словакии, России, Венгрии и Чехии... В Германии уровень ВВП на душу населения превышал

²⁰⁰ Фролов В. Российская нефть должна принадлежать США? // Москов. новости. 2007. 19–25 января.

²⁰¹ Карпиленя Н.В. Геополитика: борьба за пространство и могущество в Евразии // Вестник Академии военных наук. 2014. №4 (49). С. 6.

аналогичный на Украине в 3,2 раза»²⁰². Однако только вместе с осознанием Россией своих настоящих целей придет и понимание адекватного военного поведения. В первую очередь это касается стран постсоветского пространства. А. Баринов вполне справедливо подчеркивает, что «...независимая Украина по своей природе не может быть иной, либо «хорошая» Украина – это чистый миф. Появится и иная, позитивная мотивация, учитывая, какое место в русском историческом сознании играют Киев, Полтава, Крым и насколько Украина необходима России как государству и русским как народу»²⁰³. События на Украине свидетельствуют, что Европа совершенно не стремится воевать за интересы дряхлеющих США, а сами американские генералы стали сомневаться в достижениях цифровой техники, полагая, что последнее слово в войне всегда принадлежит простому солдату, стоящему на вражеской территории. «Русские солдаты (...), по мнению тех же американцев, сейчас вполне успешно подтверждают эту вечную истину на Донбассе. Тогда как у Америки равноценных контраргументов нет, и, похоже, не предвидится. Во всяком случае, авианосцы здесь точно не помогут»²⁰⁴.

Обострение военных угроз в современном мире во многом является следствием поведения США и союзников, которое напоминает агонию, ведь они все чаще предпринимают агрессивные действия по отношению к другим странам в обход ООН и других международных организаций. Более того, многие политические деятели признают, что последние региональные кризисы представляют собой битву ценностей. Именно поэтому основной целью интервенций Запада является не только смена режимов, а изменение ценностных систем, на которых основывается жизнь соответствующих стран.

²⁰² Нигматулин Б.И. Украина. Ціна незалежності. Уроки для Росії // Вестник Академии военных наук. 2014. – №4(49). С. 20.

²⁰³ Баринов А. Новый век империй // Имперское возрождение. 2010. № 5. С. 106.

²⁰⁴ Юрий Селиванов. Миф о военном всемогуществе США // Военное обозрение. 02.02.2015 <http://www.regnum.ru/news/polit/1890507.html#ixzz3Qc17MWS5>

«Если мы хотим защищать наш образ жизни, то нет альтернативы, кроме как бороться за него. Это означает отстаивать наши ценности не просто в наших странах, но и по всему миру»²⁰⁵. Постепенно США превращаются в своеобразную глобальную метрополию, однако не все страны воспринимали их лидерство, и постепенно формируются определенные настроения антиамериканизма и недоверия. Западные стратеги хорошо осознают, что главной геополитической задачей на данном этапе для них является недопущение условий для формирования на континентальном уровне масштабного геополитического блока, сопоставимого с атлантической идеей НАТО. Подобные доктрины свидетельствуют о нежелании Запада возвращаться к биполярности, поскольку, по мнению А.Г. Дугина, для него это смертельно опасно²⁰⁶.

Военный прогресс связан не только с общемировыми тенденциями, но также с геополитическим положением и другими составляющими авторитета конкретной страны. На различных этапах военного прогресса доминировала соответствующая версия его протекания, где степень рационализма определялась мировыми тенденциями.

На фоне возрастающих военных угроз, принципиальную роль играет геополитическая функция военного прогресса. Важно подчеркнуть, что две основополагающие целевые установки – укрепление влияния России в Европе и на южном направлении (Крым, Кавказ) – воплощались в жизнь в тесной связи. Можно согласиться с В.А. Махониным в том, что если бы не было цели защиты православных славян, то многие войны, которые вела Россия, могли бы быть квалифицированы как захватнические в чистом виде и реакция других государств могла быть иная²⁰⁷.

²⁰⁵ Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 26.

²⁰⁶ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: «Арктогея», 1997. С. 161.

²⁰⁷ Махонин В.А. Государственная идеология и внешние войны // Военная мысль. 2011. № 5. С. 7.

Серьезные изменения структуры военного прогресса обусловлены также ростом геополитических проблем, что во многом связано с утратой порядка, который основан на национальном государстве и не имеет четкой организации больших пространств. Любое чрезвычайное положение в современном мире не может носить локальный характер, приобретая международный масштаб. А.В. Михайловский уверен, что «...нарушается связь между порядком и местом, единственный гарант смысла в мировой политике; номос замещается нигилизмом. Шмит полагал, что даже если США когда-нибудь удастся учредить мировой порядок, порядок без плюрализма будет означать конец политического»²⁰⁸.

Значительное изменение структуры военных угроз современности обусловлено усилением роли информационного оружия, которое превращается во все более важный элемент военного потенциала государств, дополняющий, а иногда и заменяющий обычные военные средства. Информационные диверсии в киберпространстве стали новым оружием негосударственных коллективных и индивидуальных субъектов. А кибервойны одних государств против других могут оказаться не менее разрушительными и жестокими, чем традиционные. Развитие и распространение информационного оружия, милитаризация информационных технологий и рост неуправляемости в сфере ИКТ оказывают разрушительное влияние на всю систему международных отношений и договоренностей.

В настоящее время возникла принципиально новая среда ведения боевых действий – киберпространство как часть общего геостратегического ландшафта. Компьютерная милитаризация, преступность и терроризм, т. е. использование потенциала ИКТ для обеспечения военно-политического

²⁰⁸ Михайловский А.В. Борьба за Карла Шмита. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. 2008. № 9. С. 163.

превосходства, силового противоборства и шантажа, меняющее представление о вооруженных конфликтах, тактике и стратегии ведения боевых действий и открывающее качественно новые направления гонки вооружений является в настоящее время одной из основных угроз информационной безопасности²⁰⁹.

Безопасными сегодня можно считать те общества и государства, которые придерживаются ценностей и практики демократического развития как на национальном, так и на международном уровнях. Опасными – те общества и государства, которые ориентируются на узкопрагматичные цели, провоцирующие нарушение устойчивости существующих систем, что ведет человечество к глобальной катастрофе.

Осознание реальности угрозы адекватного ответного применения силы, может вынудить потенциального противника отказаться от вторжения. В этом случае, как справедливо подчеркивают специалисты, информационное противоборство оказывается способным кардинально повлиять на стратегию вооруженной борьбы, вплоть до полного исключения последней²¹⁰.

При исследовании структур современных военных угроз нельзя игнорировать тот факт, что в современном глобальном мире изменились пространственные и временные характеристики современных войн. В частности, Космос добавляет войне четвертое измерение, расширив ее пространство при помощи ракет и спутников, применяемых пока в основном для выполнения задач оперативного обеспечения военных действий: ведения разведки, радиоэлектронной борьбы, связи, навигационного обеспечения и др.

²⁰⁹ Ромашкина Н.П., Колдобский А.Б. Новые методы противоборства XXI века // Вестник Академии военных наук. 2015. №1(60). С. 135.

²¹⁰ Дульнев П.А., Орлянский В.И. Основные изменения в характере вооруженной борьбы первой трети 21 века // Вестник Академии военных наук. 2015. №1(50). С. 45.

Многие особенности исследования военного прогресса обусловлены пониманием пагубных последствий применения оружия массового поражения, которое также играет двоякую роль. С одной стороны, ОМП в известной мере предотвращает глобальный военный конфликт, а также, частично, локальные конфликты, хотя это не означает, что оружие массового поражения способствует поддержанию мира. С другой стороны, постепенное расползание оружие массового поражения чревато потенциальной опасностью столкновения в глобальных масштабах. В условиях угрозы термоядерной войны на одно из первых мест выдвигается такая важная особенность разворачивания военного прогресса, как проблема сохранения жизни на Земле. Впервые в мировой истории в рамках выбора деятельности отдельных групп людей оказалась сама возможность уничтожения жизни. Подобная ситуация привела к важному аксиологическому сдвигу, ведь жизнь из естественной ценности превратилась в естественно-общественную ценность, т. е. обрела новое социальное качество.

Усложняющаяся структура военных угроз предполагает солидарный ответ мирового сообщества на ключевые проблемы современного развития, который может быть по-настоящему эффективным, если у народов созреет естественная потребность в единстве мирового сообщества на новых принципах. Как справедливо подчеркивает Н.В. Наливайко, сегодня необходимо уметь противостоять агрессивным, экстремистским и другим разрушительным воздействиям как изнутри, так и извне, «быть открытым мировому сообществу, соучаствовать в создании и реализации мировых социокультурных проектов облагораживания жизни людей и планеты в целом»²¹¹. Однако имплементация Третьей мировой войны является

²¹¹ Наливайко Н.В. Глобализация и изменение ценностных ориентиров российского образования // Философия образования. 2012. № 6(45). С. 31–32.

естественным следствием продолжения политики унижения России и других принципиальных игроков на современной геополитической карте мира.

Полная картина современных военных угроз возможна только при условии признания того важного факта, что на смену конфликту Восток–Запад, закончившемуся вследствие крушения социалистической системы, приходит конфликт Северо – Юг, представляющий собой вызов значительно более крупного масштаба²¹². Ярким примером современных угроз является военный конфликт с Грузией. «Военная операция проводится на территории Грузии и представляет ее внутреннее дело по «наведению конституционного порядка»; в случае же вмешательства России в конфликт ей была уготована для потребления западными читателями роль агрессора против «маленькой» суверенной и беззащитной Грузии»²¹³. Развитие отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) является одним из перспективных направлений деятельности Минобороны России. «В соответствии с изменениями военно-политической обстановки пересмотрены приоритеты международного взаимодействия по линии Минобороны России. Нашей страной видятся хорошие перспективы для дальнейшего развития контактов с традиционными российскими партнерами в АТР»²¹⁴.

В современной геополитической ситуации обострился вопрос об альтернативности проекта, который пытаются воплотить субъекты глобализации во главе с США. Этот «новый мировой порядок» подразумевает ситуацию, где все государства мира становятся послушными элементами жесткой мондиалистской, технократической, космополитической

²¹² Лоренц К. Об агрессии // Время мира: альманах. Вып. 3. Война и геополитика / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2013. С. 20.

²¹³ Светлов В.А., Пфаненштиль И.А. Грузино-южноосетинский конфликт. Размышления конфликтолога // Вестник Сибир. Юрид. института. 2009. № 3. С. 86–87.

²¹⁴ Герасимов В. Новые формы противоборства, применяемые западными странами, будут учтены при разработке плана обороны страны // Армейский сборник. 2015. Март.

модели. Альтернативой является создание геополитической оппозиции, а также организации традиционных народов и государств в альтернативный блок.

Таким образом, социально-философский дискурс дает возможность рассматривать военный прогресс как продукт и этап развития рационалистической конфигурации общественного сознания, порожденного универсальным технологизмом человеческой позиции по отношению к миру. Неклассические проявления военного прогресса в большей степени, чем любая другая форма социального прогресса, способствуют переходу на более высокий уровень противостояния, который требует соответствующих гарантий выживания человечества.

3.2. Особенности военного прогресса обороны

Военный прогресс обороны в отличие от военного прогресса наступления обязательно включает духовную составляющую.

Философский анализ проблем военного прогресса обороны включает различные его аспекты: социологический, политический, исторический, военный, технический и др. Это связано с особым статусом военного прогресса обороны, который выступает как синтез рационального и внерационального.

В отличие от западных стандартов военного прогресса наступления, базирующегося на консервативной или либеральной основе, военный прогресс обороны имеет свои отличительные особенности. В частности, стратегия военного прогресса обороны предполагает политику удержания противника в состоянии постоянного напряжения. Создание у противника ситуации энтропии приводит к тому, что его действия приобретают все более затратный характер и становятся максимально неудобными с позиций социального прогресса.

Военный прогресс обороны предполагает, с одной стороны, единство связей и отношений, которые определяют развитие конкретной военно-технической области, а с другой стороны, он представляет собой важную составляющую всех форм общественного прогресса: политического, экономического, культурного и др. Принципиальное значение для постижения сущности военного прогресса обороны имеет также тот факт, что в России «институт государства и общество соотносятся как часть и целое, а не как два целых, потому что государство – лишь наиболее широкая социальная организация»²¹⁵

Проблема военного прогресса обороны связана с проблемами национальной истории в общемировом контексте. А.Л. Андреев подчеркивает, что «...проблема исторического времени приобретает в построении исторического самосознания особую важность и смысл, поскольку в этом случае мы сталкиваемся с проблемой сопоставления российской культуры с европейской и выявления определенной параллели развития между Россией и Европой»²¹⁶.

Возрождение лучших традиций нашего воинства «...отражает истинный смысл и цель служения пастырей на ниве тяжелого и столь необходимого ратного труда – помочь военному служащему честно и добросовестно исполнить свой воинский долг, поддержать в его стремлении к духовно-нравственному совершенствованию»²¹⁷. Кодекс чести офицера как официальный документ в русской армии не существовал, как не существовало и кодекса нравственного поведения, духовности и веры, тем не менее их установки становились в обществе нормой. Они воплощались в

²¹⁵ Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 3.

²¹⁶ Андреев, А. Л. Историческое время как категория исторического самосознания // Теория и история. 2003. № 2. С. 25.

²¹⁷ Буркин А.И. Полковые священники России: духовная природа воинского служения // Военная мысль. 2010. № 4. С. 77.

Евангелии, воинских уставах, наставлениях военачальников, авторитетных лиц государства, писателей, поэтов и в конечном итоге утверждались самой жизнью, входили в плоть и кровь офицера²¹⁸. «Самое верное средство, дабы запасные шли на войну с намерением служить самоотвержению, – это общий подъем настроения всей нации при объявлении войны»²¹⁹.

В.В. Воробьев утверждает, что «денежно-кредитная система оказывает воздействие на обеспечение военной безопасности по трем основным направлениям: влияет на воспроизводительный процесс обеспечения данного вида безопасности; стимулирует экономический рост с целью создания заданного уровня экономической мощи, выступающего фактором стратегического сдерживания; воздействует на источники военных угроз денежно-кредитными методами. Данная система содержит значительный потенциал ее использования в интересах обеспечения военной безопасности России»²²⁰.

Процессы реформирования России и ее Вооруженных Сил носят нестабильный характер, свидетельствуют о кардинальном изменении политической обстановки, экономических, военных, культурных и правовых взаимоотношений между отдельными государствами и современными военно-политическими союзами государств. «В структуре патриотического сознания роль исторической памяти значительна. В свою очередь любовь к своему Отечеству не терпит равнодушия к оценке прошлого своего народа»²²¹. В условиях современного развития цивилизации возникает ряд

²¹⁸ Воробьев И.Н., Киселев В.А. О кодексе чести офицера русской армии // Военная мысль. 2012. № 2. С. 71.

²¹⁹ Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2007. С. 509.

²²⁰ Воробьев В.В., Уваров А.А. Основные направления воздействия денежно-кредитной системы на обеспечение военной безопасности Российской Федерации // Вестник Академии военных наук. 2014. №4(49). С. 87.

²²¹ Дмитриев О.А. Память о Первой мировой войне: вопросы патриотизма. Внимание к исторической памяти подчас определяют главным достижением XX века // Война и историческая память: тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала

дискуссионных вопросов относительно понимания феномена войны и его влияния на формирование и развитие нравственных ценностей народов и их государств.

Исторические корни военного прогресса обороны всегда выступали базисом для подготовки будущих защитников Отечества. Это сыграло положительную роль в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения. Кроме того, «потешное» движение явилось основой для развития других видов детско-юношеских движений в России и за её пределами²²².

Для России в структуре современных угроз имеется специфика, которая связана с необходимостью удержания колоссальных территорий, что можно сделать двумя способами. Первый связан с военной силой и был характерен для колониальных империй европейских стран: британской, голландской, испанской и португальской. Второе направление реализовалось за счет индентификационного единства – этнокультурной и гражданской целостности колоний и метрополии, то есть за счет включения колониальных народов в общий имперский народ. При реализации второго пути народы и правящая элита руководствовались изречением великого мыслителя Ю. Крижанича: «Правь так, чтобы не захотели перемен. Для этого надо обеспечить благочестие, справедливость, покой, изобилие, веру, суд, мир и дешевизну»²²³.

Важная отличительная черта военного прогресса обороны состоит в том, что он, в отличие от военного прогресса наступления, обязательно

Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. С. 142

²²² Сейку Е. Ю. Детские и юношеские организации в России в начале XX века: военно-патриотический и культурно-просветительский аспект // Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. – М., 2009; О военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения в начале XX-го века [Интернет-ресурс: <http://kapellan.ru/sereznye-delapotesnyx-polkov.html>]. Храмов А. Политика русского царизма в области физического воспитания молодежи [Интернет-ресурс: <http://andreyhramov.com/inrterest/politika-russkogo-carizma-v-oblasti-fizicheskogo-vospitaniyamolodezhi>].

²²³ Крижанич Ю. Политика. М., 1997. С. 439.

включает духовную составляющую, о чем свидетельствует история. В частности, большое значение имеют традиции суворовского воспитания защитников Отечества. «Дело в том, что для развития нравственного элемента еще в мирное время и возбуждения его на высшую степень в бою А.В. Суворов использовал ту мотивацию, которая изначально, задолго до Петра I, всегда призывала нашего воина к высшей самоотверженности. Это – преданность вере, царю, Отечеству и бесповоротное следование в бою за начальником, заботившимся о нем, умевшим дать личный пример, не щадить самого себя для блага общего дела»²²⁴. В.А. Фомин утверждает: «В годы войны у солдат активно воспитывалась готовность к подвигу, долготерпение и перенесение трудностей войны, высокое мужество и самоотвержение в бою, стремление с честью выполнить свой долг перед Отечеством. Все это являлось той почвой, на которой проявились лучшие морально-боевые качества русского солдата и офицера»²²⁵. Подобный подход перекликается с восточными традициями, в частности, классик военного искусства древности Сунь-цзы утверждал: «Возможность победы заключается в твоём противнике. Непобедимость – в тебе самом»²²⁶.

В армии России сложилась дифференцированная система обучения и воспитания, которая по своей организации и содержанию учебно-воспитательного процесса обеспечивала достаточно высокий уровень подготовки офицеров – квалифицированных специалистов, мастеров военного дела. Их профессиональные познания были глубоки, а уровень образования, нравственности и культуры – не ниже среднего уровня людей интеллектуальных профессий. Этому не в малой степени способствовал тот факт, что военная служба считалась в русском обществе XIX в. наиболее

²²⁴ Голубев А.Ю. Формирование воинского духа и его значение для Русской Армии // Военная мысль. 2010. № 10. С. 59.

²²⁵ Фомин В.А. Морально-психологическое состояние войск русской армии в годы Первой мировой войны // Военная мысль. 2011. № 12. С. 49.

²²⁶ Сунь-цзы. Искусство стратегии. М.: Эксмо, 2007. С. 96.

почетным и привилегированным занятием, что, кстати, подчеркивала и военная форма. Одной из важнейших боевых традиций является забота командира о сохранности жизни подчиненных. Например, М.Д. Скобелев неоднократно говорил, «чтобы офицеры прониклись убеждением, что неустанная забота о солдате – залог победы». Также Скобелеву принадлежит замечательный вывод: «Чем ближе стоит офицер к солдату, тем выше будет его авторитет в момент опасности. Во всех армиях во все времена победу давала любовь и доверие солдата к своим начальникам и обратное. Внедрите в солдата убеждение, что вы и вне боя относитесь к нему отечески, что во время боя ...и для них ничего не будет невозможного»²²⁷. И далее Скобелев продолжал: «Дисциплина должна быть железной, в этом нет никакого сомнения, но достигается это нравственным авторитетом начальника, а не бойней... А что касается до глупости солдата – то вы их плохо знаете... Я очень многим обязан здравому смыслу солдата. Нужно только уметь прислушаться к нему»²²⁸. В «Своде главных правил и мнений об обязанностях и духе военного звания отмечалось, что «дух корпуса офицеров отражается, как в зеркале, в солдатах, и там, где офицеры развиты, сознают значение своего звания достойно несут его, там и солдаты, беря с них пример, отличаются дисциплиной и стойкостью в бою»²²⁹. Следуя завету великого Суворова, офицеру надо сначала научиться повиноваться, прежде чем повелевать другими.

Одним из важнейших условий боеготовности и боеспособности вооруженных сил является дисциплина – особая форма общественных связей, необходимая для успешной совместной деятельности военнослужащих как в мирное, так и в военное время. «На становлении,

²²⁷ Шадская М.В. Развитие нравственных традиций офицеров русской армии в XIX веке // Вестник Академии военных наук. 2015. №1(50). С. 103.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Цит. по: Шадская М.В. Указ. соч. С. 103.

развитии и упрочении нравственных традиций офицерского корпуса России сказывались многие факторы. И одним из них были принадлежности значительной части офицерского корпуса к дворянскому сословию, моральные устои которого он впитывал и призван был отстаивать»²³⁰.

В военном прогрессе обороны большое значение имеют символы. Символ знамени имел большое мобилизующее воздействие как на солдат, так и на офицеров, поднимал их моральный и боевой дух. На протяжении столетий сложились принципы, на которых строится военный прогресс обороны. Измена Родине во все времена считались тягчайшими проступками, не было более позорного пятна для чести офицерской, да и вообще чести воинской. Офицер должен чувствовать в полной мере важность звания своего и что он него зависят поступки и поведение его подчиненных во время сражения. Среди русских офицеров имелись и состоятельные люди, но это обуславливалось обычно родословной, а не выслугой. В гвардии, точнее в гвардейской кавалерии, где находилось много представителей аристократии, жалование само по себе не имело почти никакого значения. Тем не менее материальная сторона мало влияла на духовно-нравственную составляющую военной службы. Государство всегда предъявляло к офицерскому корпусу строгие требования в отношении специальной подготовки, нравственности, личной чести и соблюдения традиций. В идеале офицер должен обладать непоколебимой преданностью военному делу, выдающейся сознательностью поступков, предприимчивостью, самостоятельностью и находчивостью, покорностью военному долгу и дисциплине, неистощимой телесной и духовной энергией, высокой честностью, склонностью к служебному товариществу, а главное – беззаветным мужеством, храбростью, решимостью и самоотверженностью.

²³⁰ Шадская М.В. Развитие нравственных традиций офицеров русской армии в XIX веке // Вестник Академии военных наук. 2015. №1(50). С. 105.

Воинское воспитание проводилось в нравственном, умственном и физическом отношении. Система ценностей ориентации и мотивы офицерской службы на благо Отечества закладывались в семье и в военно-учебных заведениях закрытого типа, где преобладающее количество составляли дети офицеров, совершенствовались в процессе службы. Особое внимание уделялось нравственному воспитанию или, как говорили до революции, «нравственному элементу в военном деле».

Значительную роль в военном прогрессе обороны играют традиционные религии и православие, в частности. Духовность и религиозность народа способствовала проявлению военной добродетели им во время войны. Религиозная философия воспитывала в «душе живую любовь и живую совесть: две благоприятнейшие основы всякого жизненного служения, — священнического, гражданского и военного...». И далее И. Ильин продолжает: «Здоровая государственность и здоровая армия невозможна без чувства собственного духовного достоинства»²³¹. Разрушение традиционных основ русской армии в советский период привели к формированию советского образа защитника, многие черты которого были, тем не менее, заимствованы с дореволюционного периода. С. Франк в связи с этим справедливо подчеркивает: «В том и состоит печальная ирония истории, что русский коммунизм, основывающийся теоретически на экономическом материализме, т.е. на вере в полную зависимость политического развития от экономически созданных сил страны, должен укрепляться на безнадежной позиции, при которой его политические условия прямо противоречат экономическим условиям. И все же это противоречие

²³¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. М.: Айрис Пресс, 2008. С. 131.

непреодолимо для него самого и должно рано или поздно послужит причиной его крушения»²³².

Большое значение для понимания сущности военного прогресса обороны имеет евразийское движения. Наиболее ценным для понимания военного прогресса в концепции евразийцев является синтетический подход к наукам, наиболее полно выраженный идеологом евразийцев Н.А. Савицким²³³. Геополитика в евразийской интерпретации концентрировала в себе принцип связи географии и истории, что предполагало обоснование своих целей апелляцией к историческому прошлому. Соответствующим образом рассматривался и военный прогресс. Однако, в отличие от европейской геополитики, российская геополитическая школа не ставила вопрос о доминировании одной нации над каким-либо географическим пространством. В то же время немецкие геополитики пытались всячески обосновать необходимость доминирования именно Германии в центре Европы, т. е. она обязана объединить под своим началом другие государства по примеру древнего Рима. Как справедливо отметила Н. Фомина, «в парадигме геополитического мышления геополитический статус нации превращается в ее миссию. Статус нации отделяется от институтов, а институты рассматриваются в аспекте того, насколько они способны обслужить этот статус»²³⁴. Такая ситуация способствовала тому, что геополитика была взята на вооружение политиками большинства западных стран, которые рассматривали ее в качестве идеологического обоснования экспансионистских целей. Однако, по мнению современных ученых, России

²³² Франк С. Внутреннее противоречие советской системы // Вопросы философии. 2007. №1. С. 168.

²³³ Савицкий Н.А. Евразийцы и пореволюционники // Из истории философско-этической мысли 1920–1930-х годов. Вып. I. Н.А. Сетницкий. М., 2003. С. 271.

²³⁴ Фомина Н.В. Аристократическое оформление государства и личности // Теория и история. 2004. № 2. С. 35.

не в Европу идти надо, «...а с Европой в цивилизацию, которая могла бы объединить все человечество»²³⁵.

Исследуя особенности военного прогресса обороны, следует учитывать тот факт, что о сути и содержании понятия военной безопасности сложились неоднозначные представления и этому понятию даются различные трактовки. Они вытекают из различных подходов рассмотрения феномена «безопасность» в широком смысле. Идеи защиты своей родины получают различную форму выражения – лозунга, символа или жеста, произведения искусства, они могут быть навеяны традицией и лежать в основе сложившихся установок (гешталтов)²³⁶. Высшая историческая миссия традиционного менталитета заключена в жизненной необходимости замкнуть эволюционный круг социального развития, возвратив содержание социального миропорядок в родовое лоно тысячелетних устоев. Данный процесс призван практически подтвердить реальность этнонациональной ментальности, ведь ее геополитическая будущность может окончательно утвердить истинность идеально-этнической объективности или, напротив, установить субъективную надуманность ее утопичности²³⁷.

Предполагая определенный уровень военного прогресса обороны, что военных союзов без военной цели не бывает. Это доказала история, однако НАТО в современном мире превратилось в неоимпериалистический блок, который присвоил себе право нападения на небольшие государства, используя пресловутую «защиту прав человека». В полной мере игнорируется подписанная в Париже в ноябре 1990 г. Хартия о безблоковой Европе. Наглядным примером может выступать Сербия, которая, как справедливо отмечает американский политолог П. Бьюкенен П., «...никоим

²³⁵ Межуев В. История, цивилизация, культура: опыт исторического истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011.

²³⁶ Лезгина Д.В. Интерактивная классическая теория поколений // Credo new. 2006. № 2 (46). С. 148.

²³⁷ Декларация нравственного социализма / П.И. Юнацкевич, В.А. Чигирев, Е.Ф. Матвейчук и др.; под ред. В.А. Чигирева. СПб.: Институт нравственности, 2006. С. 12.

образом нам не угрожала, не пыталась втянуть в военное соперничество. Тем не менее мы бомбардировали сербские города, заставляя сербов вспоминать гитлеровскую оккупацию, только за то, что они отказались обеспечить свободу передвижений по своей территории сепаратистов из Косово»²³⁸.

На Россию все чаще направляется вектор внешних угроз, что связано с нашим геополитическим положением: России досталась одна седьмая часть суши (почти 12 %) и контроль над 15 % мировых ресурсов, поэтому ей приходится тратить на оборону значительно больше средств, чем Китаю и Индии, если исходить из процентного отношения к населению и ВВП. В то же время все понимают, что одностороннее разоружение без взаимных обязательств может привести к утрате контроля над значительной частью территории России. Только в последние годы в РФ появились средства для изменения международной ситуации в свою пользу. Без соответствующего уровня военного прогресса обороны говорить о России, как о реальном субъекте мировой политики, не приходится. Укрепление России, способной реализовывать большие геополитические проекты, стало своеобразным катализатором позитивных перемен. Министр иностранных дел нашей страны вполне резонно заключил, что «...без России и вопреки России не решить ни одной сколько-нибудь значимой международной проблемы»²³⁹.

Постепенно укрепление России позволило В. Путину призвать всех серьезно задуматься над системой глобальной безопасности, что обусловлено во многом возникновением новых центров силы. В частности, Индия и Китай уже имеют суммарный ВВП, превосходящий США по паритетной покупательной способности. Это означает, что в дальнейшем потенциал этих новых центров, как справедливо подчеркнул Б. Поклад, «...будет неизбежно

²³⁸ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 331.

²³⁹ Лавров С. Внешнеполитическая самостоятельность России – безусловный императив // Московские новости. 2007. № 1–2. 19–25 января.

конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность»²⁴⁰.

Возрождения России после испытаний 90-х гг. не ждали, и поэтому многие современные периодические издания Запада с удивлением подчеркивают: «В последние несколько лет любому интересующемуся стало ясно, что мир сегодня имеет дело с совершенно иной Россией, а не с хаотичной и всем задолжавшей развалиной, к которой мы так привыкли в 90-е годы...»²⁴¹.

Огромной стране требуется большая стратегия, чему в отечественной военной науке соответствует термин «стратегия военно-политическая» – система основополагающих взглядов на цели и способы использования военной силы для обеспечения национальных интересов и безопасности государства, а также основанные на этих взглядах планирование и ведение войны, подготовка страны и армии к ней²⁴². Показательным в этом плане является выступление В.В. Путина на Международной конференции по безопасности в Мюнхене (13 февраля 2005), в котором он подверг жесткой критике концепцию однополярного мира, не имеющую ничего общего с демократией. При этом он открыто назвал и носителя этой концепции – Соединенные Штаты Америки, которые непозволительно навязывает свою правовую систему всему остальному миру. Именно поэтому реальным вариантом выживания человечества в глобальном мире является стратегия сдерживания, основными военно-политическими целями которого являются: 1) в мирное время и в период непосредственной угрозы агрессии – недопущение силового давления и развязывания агрессии против России и ее союзников; 2) в военное время – деэскалация агрессии и прекращение военных действий на ранних стадиях

²⁴⁰ Поклад Б. Мюнхенское послесловие // Литер. газ. 2007. 21–27 марта.

²⁴¹ Кива А. Совершенно иная Россия // Литер. газ. 2006. 13–19 декабря.

²⁴² Военная энциклопедия (ВЭ): в 8 т. М.: Воениздат, 2003. Т. 7. С. 680.

военного конфликта на приемлемых для России и ее союзников условиях, а также сдерживание ядерной войны.

Для достижения данных целей государством предпринимаются меры не только военного, но и невоенного характера, к которым можно отнести политико-дипломатические, правовые, экономические, информационно-психологические и духовно-нравственные меры. Стратегическое сдерживание военной агрессии базируется, во-первых, на способности государства осуществлять своевременный переход страны с мирного на военное время, и во-вторых, на возможностях ВС РФ по нанесению агрессору сдерживающего ущерба, т. е. ущерба, несоизмеримого с теми выгодами, которые он хотел бы получить в результате применения военной силы. Можно констатировать, что для эффективного сдерживания необходимым условием его обеспечения является наличие боеспособных ВС РФ с эффективной системой боевого управления, обеспечения и контроля за их состоянием, а достаточным – их потенциальные боевые возможности по нанесению сдерживающего ущерба военному и военно-экономическому потенциалам любого агрессора в любых условиях обстановки.

Анализ развития военно-политической обстановки показывает, что нельзя исключать вероятности возникновения вблизи границ России крупных вооруженных конфликтов, а со временем и прямой военной угрозы безопасности РФ. Однако об открытой агрессии говорить преждевременно. Учитывая размеры территории России, осуществление захвата в предстоящей схватке всех наших ресурсов, – это непосильная задача для одного агрессора, даже при современных способах и средствах ведения боевых действий. Можно предположить, что действенным способом снизить военную безопасность России станет «изматывание» ее ВС и военных составляющих других министерств борьбой с терроризмом и незаконными (иррегулярными) вооруженными формированиями. При этом межгосударственные отношения не

будут вселять какой-либо тревоги, стабильно укрепляясь и одновременно усыпляя бдительность определенных кругов в руководстве страны²⁴³.

Война России невыгодна и не нужна, что убедительно доказывают последние 200 лет европейской истории, тем более, что и ранее мы отбивались и укрепляли границы. Зная об этом, Западная Европа находилась в постоянном страхе перед нападением СССР, хотя СССР предложил концепцию мирного сосуществования двух систем и активно разрабатывал договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений.

Реформы Вооруженных сил РФ должны способствовать дальнейшему развитию важнейших офицерских традиций. Этот процесс находится под влиянием ряда факторов: экономического, социально-политического и военного характера. В боевом применении армии главенствующие воинские традиции российской армии находил свое закрепление в системе военного законодательства. Это обстоятельство делало их обязательными к исполнению и во многом объясняло их высокую живучесть.

Одно из самых серьезных направлений военного прогресса обороны – это проблема поиска новых духовных ценностей воинской службы в условиях современного переустройства армии на новых идейных началах составляет одну из центральных задач сегодняшнего дня. Универсальность военного прогресса, которая мировоззренчески рассматривалась как «вселенскость», ее гражданский, а не этнический статус – та особенность русского национального самосознания, которая сказывалась в течение всей российской истории. Одним из них является наличие в государстве жесткого политического режима, который «...ставит в зависимость от официальной идеологической доктрины настроения подавляющей части общества»²⁴⁴.

²⁴³ Алиев Ш. Военная безопасность России и социальные конфликты // Военная мысль. 2010. № 4. С. 6.

²⁴⁴ Комаров В.Д. Актуализация нравственного смысла // Теория и история. 2007. № 2. С. 21

Рост авторитета России обусловлен не только историческими факторами, но и духовной мощью нашей страны, что в комплексе и формирует военный прогресс обороны. Действительно, в современном глобальном мире, по мнению М. Гареева, «объективно складываются условия, когда уже России придется выступать в роли геополитического арбитра». Для России данный аспект играет принципиальную роль, поскольку геополитическое положение, исторические традиции и страшные испытания XX в. вынуждают наш народ особо остро воспринимать проблему войны и мира, предпочитая оборону.

Военный прогресс обороны имеет своей целью предупреждение потенциального агрессора в неизбежном отпоре. Кроме того, агрессор должен осознавать, что в результате отпора невосполнимый урон может быть нанесен ему самому. Глубинное концептуальное понимание того факта, что не одна агрессия ни останется без последствий, которые могут быть роковыми для всего человечества в ядерно-глобальном мироустройстве, и является гарантом мирного сосуществования.

Идеология, которую представляет Путин – это идеология Империи, имперской идентичности, потому что никакого другого реального суверенитета, кроме имперского, в современном мире быть не может²⁴⁵. В современной российской действительности политологи отмечают тенденции «реконструкции традиционной для России политической организации», выраженные прежде всего в концентрации и персонификации власти и в определяющей роли «личных отношений, персональных и групповых неофициальных связей...»²⁴⁶.

Постижение сущности военного прогресса обороны предполагает осознание того факта, что человечество вступило в эпоху системного

²⁴⁵ Леонтьев М.В. Идеология суверенитета // Однако. 2013. Август–сентябрь. С. 17.

²⁴⁶ Царская Россия. В 3 кн. М.: Молодая гвардия, 2013.

цивилизационного кризиса, а это грозит непредсказуемым исходом. России придется развивать военный прогресс обороны, потому что нашей стране, как и другим государствам, придется решать задачи планетарного масштаба. Главная из них – поиск эффективного пути предотвращения возможной гибели человечества. «Россия подарила миру плеяду великих выразителей совести и справедливости... Вспомним также, что вся история России, ее культура окрашена стремлением и правом утверждать: Россия может и должна принять бремя «Взывающего» человечества к объединению на пути преодоления кризиса и предотвращения гибели цивилизации, должна поднять знамя обновления человечества и не опускать его... Она определит основные приоритеты в действиях власти, будет способствовать взаимодействию России с другими государствами. Увеличится шанс коэволюционного пути развития человеческого общества, единственно возможного пути в будущее»²⁴⁷.

Социальная энергетика, носителем которой является труд – творчество, осмысливается с позиции концепции ноосферы. Для адекватного развертывания военного прогресса правящая элита России должна воспользоваться плодотворной идеей В.И. Вернадского, которая отвечает геополитическим интересам России как евразийского государства-континента²⁴⁸.

Принципиальной характеристикой проявлений военного прогресса обороны является воля, которая, как правило, неотделима от пассионарности. Можно с полным основанием утверждать: пассионарная вспышка невозможна без целенаправленной воли, которая постепенно охватывает весь этнос, превращая его в неодолимую силу и стихию, с которой невозможно

²⁴⁷ Яхнин Е.Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 174.

²⁴⁸ Поликарпов В.С., Поликарпова В.А. Россия versus Рим (сравнительный анализ российской и древнеримской цивилизаций). Таганрог, 2001.

бороться. Наиболее трагическая ситуация возникает, когда воля сталкивается с безволием и отсутствием способности к сопротивлению. Такие коллизии неоднократно возникали в ходе мировой истории, включая и недалекую историю России. Народ в таких случаях превращается в неуправляемую массу, вождем которой может объявить себя любой проходимец и авантюрист.

Современная Россия в новой мировой реальности должна обрести собственную национальную постимперскую и постсоветскую идентичность, ведь сейчас под угрозу поставлено само существование нашего народа, причем не столько физическое, сколько духовное. Задача эта решается при условии отказа от крайних позиций: 1) Россия как закономерная часть европейской цивилизации; 2) Россия как особая самодостаточная цивилизация. Итальянский политолог В. Страда убежден, что «...на самом деле Россия – особая часть Европы, отличающаяся от остальной Европы большим своеобразием, чем ее каждая отдельная национальная цивилизация России – это не антиевропейская Евразия, а азиатская часть Европы, граничащая с Западом и вливающаяся в него»²⁴⁹. В связи с этим необходимо учитывать особый статус современной России. И.Ф. Кефели вполне резонно подчеркивает: «Постсоветизм – реальность, по отношению к которой законы социальной динамики воплощаются в постановке целей, прогнозирования, проектирования и управления социальными процессами. Цели, социальное прогнозирование, проектирование и управление реализуют в таком случае действие законов социальной динамики. Целями выступают как построение общества социальной справедливости, так и построение общества, в котором утверждается принцип социального неравенства и обогащения меньшинства за счет бедствующего большинства»²⁵⁰.

²⁴⁹ Страда В. Россия и Европа // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 90.

²⁵⁰ Кефели И. Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб., 2004. С. 178–199.

Сущность отечественного военного прогресса связано с тем, что в современных условиях Россия имеет дело с беспрецедентным для невоюющей страны социальным и культурным регрессом, чудовищным историческим откатом назад. В сущности, это признала и сама власть, поставив на повестку дня задачу неотложной модернизации России. Развитие военно-технического потенциала — одно из важных направлений в этом плане.

Геополитические интересы в первую очередь связаны с угрозами национальной безопасности России в международной сфере. Концепция национальной безопасности обуславливала основные угрозы в международной сфере следующими факторами:

- стремлением некоторых стран несколько принизить роль уже имеющихся механизмов обеспечения международной безопасности;
- опасностью ослабления влияния России, особенно в военной области;
- укреплением военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширением НАТО на Восток;
- возможностью концентрации у российских границ иностранных военных баз;
- распространением оружия массового уничтожения и средств его доставки; ослаблением интеграционных процессов в СНГ;
- эскалацией региональных конфликтов в соседних с Россией государствах;
- притязаниями на территорию России²⁵¹.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. основные угрозы, влияющие на процесс формирования геополитических интересов России, изложены в разделе «Обеспечение

²⁵¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Дипломатический вестник. 2000. № 2.

национальной безопасности». В частности, угрозой военной безопасности является: политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на достижение преобладающего превосходства в военной сфере, прежде всего в стратегических ядерных силах, путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, стратегических вооружений в неядерном оснащении, формирования в одностороннем порядке глобальной системы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. просматривается четкое разделение безопасности, т. е. защищенности национальных интересов, ценностей и образа жизни от различных угроз, на внешнюю и внутреннюю.

Таким образом, существует определенная зависимость между нарастанием военных угроз и характером военного прогресса: уровень военных угроз должен быть адекватен соответствующему уровню военного прогресса обороны, способного в необходимой мере предупреждать военные конфликты. Военный прогресс обороны предполагает, с одной стороны, единство связей и отношений, которые определяют развитие конкретной военно-технической области, а с другой стороны, он представляет собой важную составляющую всех форм общественного прогресса: политического, экономического, культурного и др.

3.3. Допустимые потери в ходе возможных военных конфликтов и военный прогресс

Важная характеристика военного прогресса обороны связана с адекватным пониманием соотношения побед и поражений. В последние десятилетия «цена Победы» стала излюбленной темой либеральной

пропаганды, и она была тесным образом была обусловлена другими подобными темами: 1) обвинение нашей страны в планах распространения коммунизма на Запад; 2) попытка ставить на одну историческую плоскость «советский тоталитаризм» и фашизм; сравнение Сталина с Гитлером как однотипных диктаторов.

Особо активизировались те «исследователи», кто акцентировал свое внимание именно на количестве жертв Великой Отечественной войны. Усиленное комментирование больших потерь СССР в Великой Отечественной войне представляло возможность делать далеко идущие выводы. По мнению Н. Ковалевского, в «них стали видеть зловещую закономерность, проистекающую из пороков советского строя, бездарности Сталина и командования Красной Армии, неумения советских войск воевать»²⁵².

Стоит рассмотреть наиболее яркие примеры. В 1991 г. появилась книга Б.В. Соколова «Цена Победы», в которой он пытался доказать, что мы потеряли в Великой Отечественной войне 46 млн людей, а виновником этого является Сталин, а также «общественный строй, который подавлял творческие начала в огромных массах людей» и «привел к общей затяжке боевых действий года на два»²⁵³. Д.А. Волкогонов по поводу военных потерь СССР утверждал: «Сталинские просчеты носят столь огромный, катастрофический, поражающий воображение характер, что им невозможно найти историческую аналогию подобного масштаба»²⁵⁴.

«Цена Победы» возвращает нас к появившемуся еще в древние времена выражению «пиррова победа». Однако надо заметить, что в исторических описаниях войн уничижительное выражение «пиррова победа», как правило,

²⁵² Ковалевский Н.Ф. «Цена победы»: отзвук гуманизма или понятие с военно-историческим изъясном? // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 4.

²⁵³ Соколов Б.В. Цена Победы. Великая Отечественная война: неизвестное об известном. М.: Москов. рабочий, 1991. С. 38.

²⁵⁴ Волкогонов Д.А. Семь вождей: в 2 кн. Кн. 1. М.: Изд-во «Новости», 1995. С. 213.

не применяется в случае справедливых, оборонительных, освободительных войн. То же можно сказать и о «цене победы». Так, ни в одном описании Отечественной войны 1812 года мы не найдем случаев, когда бы автор специально заострил вопрос о «цене победы» русской армии в тяжелейшем сражении под Малоярославцем. От этого удерживают военно-политический смысл Отечественной войны, исторический такт и нравственное чувство²⁵⁵.

Проблема исследования во многом связана с тем, как справедливо подчеркивал Д. Лихачев, «что мы ведь годами стремились очернить наше прошлое и очень осовременить характеры своих исторических героев²⁵⁶. В этом плане информационная война направлена не просто на искажение фактов, касающихся той или иной битвы, а под сомнение ставится сама суть победы. В этом случае вместо объективного анализа проблем, связанных с трагическими потерями в результате войн XX в., на первый план выдвигаются вопросы, связанные с т.н. «ценой победы». Из трагедии пытаются вывести эсхатологический порок российской ментальности, на базе которого должен сформироваться универсальный комплекс вины всех поколений россиян.

Отличительные черты военного прогресса обороны, в частности, проявляются в модных сегодня дискуссиях об особенностях протекания военного прогресса в контексте допустимых потерь в ходе возможных военных конфликтов. Военный прогресс обороны предполагает допустимые потери, обусловленные отечественной традицией сохранения русского мира. Военный прогресс обороны имеет своей целью предупреждение потенциального агрессора в неизбежном отпоре, а также агрессор должен

²⁵⁵ Ковалевский Н.Ф. «Цена победы»: отзвук гуманизма или понятие с военно-историческим изъясном? // Военно-исторический журнал. 2012. С. 5.

²⁵⁶ Лихачев, Д. С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л. : Советский писатель, 1989. С. 193.

осознавать, что в результате отпора невосполнимый урон может быть нанесен ему самому.

Категория «ущерб» с самого момента формирования теории стратегического сдерживания явно или неявно признавалась всеми исследователями в качестве основы сдерживания. В то же время не всякий ущерб способен удержать потенциального противника от прямой военной агрессии, а лишь тот, который гарантирует потери, не сопоставимые, по мнению военно-политического руководства потенциального агрессора, с выгодами предстоящей агрессии. Именно такой уровень (масштаб) ущерба, который обеспечивает потери противника за гранью установленной им же самим «приемлемости», выражаемой, как правило, количественно, в теории сдерживания носит название «сдерживающего ущерба». Верхней границей сдерживающего ущерба является «неприемлемый ущерб» в классическом его понимании. Например, Вторая мировая война была самой крупной и тяжелой войной в истории человечества. В войне участвовало 61 государство с населением 1,7 млрд человек, погибло более 50 млн человек²⁵⁷.

Тем не менее адекватная оценка ущерба предполагает учет и потенциальных потерь, которые понесет страна в результате войны. Мобилизация значительной части мужского населения в вооруженные силы, форсированное вовлечение женщин в систему общественно организованного труда, материально-бытовые трудности и т. д. резко изменили режим воспроизводства народонаселения, снизили показатели рождаемости и увеличили смертность.

Цена Победы Советского Союза над нацистской Германией – это выражение результатов ожесточенной вооруженной борьбы, в которой решался вопрос о жизни и смерти большого государства, его народов, материальной и духовной культуры, о жизни и смерти человеческой

²⁵⁷ Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. Сб. Росстат. М., 2015.

цивилизации²⁵⁸. Советский Союз сыграл решающую роль в разгроме главной силы фашистской коалиции – гитлеровской Германии и ее союзников.

Цена победы оказалась высока, но жертвы не были напрасны, потому что цена войны отражает конкретные результаты противоборства — от военной до духовной сферы включительно, в том числе разгром и ликвидацию одних государств и коалиций и, наоборот, сохранение и упрочение других, разрушение одной системы мирового устройства и возникновение другой. Цена войны — это и растянувшиеся на долгие годы последствия, которые, к сожалению, и до сих пор имеют место не только в социально-демографическом, но и в геополитических, экономических, внешнеполитических, идеологических и иных проявлениях человеческого бытия.

Вне всякого сомнения, человеческие жертвы, принесенные гражданами нашей страны на алтарь Победы, являются главной составляющей цены Великой Отечественной войны. Обидно только, что на протяжении нескольких десятилетий неопределенность с числом погибших в войне советских людей порождала в обществе догадки и предположения, неоправданные сравнения и политизированные мифы. В середине 1980-х г. зазвучали голоса тех, кто утверждал, будто СССР победил за счет того, что буквально завалил противника трупам своих солдат. На читателей обрушилась буквально лавина публикаций, посвященных этой проблематике. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что диапазон приводимых данных слишком широк: от 26 – 27 млн до 50 млн. Резкий «разрыв» в экстремальных показателях, которые с завидным упорством «штамповались» средствами массовой информации, свидетельствовал не о стремлении выявить реальную картину трагедии советского народа в годы войны. Он

²⁵⁸ Кикнадзе В.Г., Ионов В.В. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Мифы и реальность: 1 ч. / под ред. В.Б. Зотова, И.И. Басика. М.: Изд-во «Юго-Восток-Сервис», 2010. С. 31-33.

выражал накал политических страстей бушевавших в разбуженном обществе. Причем авторов-«максималистов» не смущало даже то обстоятельство, что приводимые ими цифры о числе безвозвратных потерь Красной Армии намного превышают и общее количество служивших в вооруженных силах за все годы войны, и численность трудоспособного населения СССР к ее началу²⁵⁹. Исключительно велики оказались и безвозвратные людские потери вооруженных сил СССР — 11 млн 944,1 тыс. человек. Из них — 5 млн 226,8 тыс. — это убитые в боях и умершие от ран при санитарной эвакуации; 1 млн 102,8 тыс. скончались в госпиталях; 5 млн 59 тыс. — это военнослужащие, попавшие в плен, либо пропавшие без вести (в данную категорию вошли также призванные по мобилизации граждане, но еще не зачисленные в списки частей действующей армии); 555,5 тыс. человек составляют небоевые потери — умершие от болезней, погибшие в результате происшествий, расстрелянные по приговорам военных трибуналов. Большая часть потерь приходится на граждан России — 7 млн 922,5 тыс. человек²⁶⁰.

Надо признать, что за все последнее столетие наша страна не сталкивалась со столь колоссальными жертвами. Даже восьмилетний период двух войн — Первой мировой и Гражданской — с их широкомасштабными, часто со смертельным исходом тифозными, холерными, малярийными и прочими эпидемиями унес убитыми, умершими от ран и болезней почти в три раза меньше — 10,3 млн человек²⁶¹. Одна из причин таких потерь состоит в том, что Великая Отечественная война не сводилась лишь к противоборству армий, как это имело место в прошлом. Вооруженные силы агрессора свои смертоносные удары наносили и по гражданскому населению, не делая особой разницы между фронтом и тылом. Если говорить о возрасте

²⁵⁹ Людские потери в Великой Отечественной войне. СПб., 1995. С. 72.

²⁶⁰ Всероссийская Книга Памяти, 1941-1945. Обзорный том. М., 1995. С. 411.

²⁶¹ Памяти павших: Великая Отечественная война (1941-1945). М., 1995. С. 81.

павших воинов, то в основном это самые молодые и дееспособные люди. Так, 74 % умерших от ран и болезней и не вернувшихся из плена — это военнослужащие от 19 до 35 лет²⁶².

Представление о цене победы и цене войны не будет полным, если не подчеркнуть, что Советский Союз не только принял на себя главный удар нацистской Германии и ее союзников, но и выдержал основную тяжесть борьбы с ними. Дорого обошлось ему и позднее открытие второго фронта в Европе. Кроме того, около 93% времени войны приходилось на активные оборонительные и наступательные действия²⁶³. По подсчетам историка из Кембриджского университета Д. Рейнольдса, между июнем 1941 и июнем 1944 г., т. е. до высадки англо-американских войск во Францию, 93% общих потерь немецкие войска понесли в боях с Красной Армией²⁶⁴. Незадолго до безоговорочной капитуляции третьего рейха Гитлер в одном из своих публичных выступлений признал, что потери Германии велики — 12,5 млн человек, половину из которых составляют убитые²⁶⁵.

Для характеристики военного прогресса обороны необходимо учитывать, что «цена Победы» постепенно становится симптомом и признаком нового подхода к отечественной истории, связанного с либерально-рыночным мировоззрением. Эта тема особенно заостряется многими публикациями в периодической печати либерально-демократической направленности, а также широко представлена в Интернете. Наиболее активизировались дискуссии по данной проблеме в связи с празднованием 70-летия победы в Великой Отечественной войне. Однако внимательный анализ критиков нашей победы показывает, что они

²⁶² Полвека назад: Великая Отечественная война: Цифры и факты. М., 1995. С. 100.

²⁶³ Вторая мировая война: Итоги и уроки. М., 1985. С. 120.

²⁶⁴ Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995. С. 28.

²⁶⁵ Урланис Б. Война и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв.: Ист.-стат. исследование. М., 1966. С. 199.

преследуют главную цель: «...доводить до читателей и слушателей все новые ужасающие факты и скорбные статистические выкладки, перемежая это суждениями по поводу пренебрежения в СССР гуманизмом и военным искусством. Иные времена – иные люди. В СССР, оценивая военные потери страны в годы войны, тоже писали и говорили об огромных жертвах, принесенных армией и народом во имя победы над жестким врагом. При этом явственно была слышна искренняя скорбь от утрат страны, боль о миллионах павших... и никаких словоизвержений по поводу «цены Победы»²⁶⁶.

«Цена Победы» включает в себя множество факторов, которые, как правило, игнорируются в неолиберальных СМИ. Дело в том, что военный прогресс как тактика представляет собой не простую сумму, из которой вырабатывается военная стратегия, а диалектическое единство, в котором количественные сиюминутные результаты и отдельные противоречия являют собой основу для побед и стратегического развития конкретного государства, а также гарантирование его от внешней агрессии. Стабильность общества, государства, экономики и т. д., в полном смысле этого слова, как и их безопасность, могут быть «гарантированы» только реализацией модели и стратегии устойчивого развития, на что уже было обращено внимание в ряде публикаций²⁶⁷.

Исследование допустимых потерь в ходе военных конфликтов предполагает учет характер развертывания его, а также показатели экономической, политической, духовной и социальной сфер общественной жизни. Военный прогресс должен строиться таким образом, чтобы противник находился все время в догоняющем и непредсказуемом для него

²⁶⁶ Ковалевский Н.Ф. «Цена победы»: отзвук гуманизма или понятие с военно-историческим изъясном? // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 3.

²⁶⁷ Сэндел М.Дж. Либерализм и пределы справедливости // Современный либерализм. М., 1998. С. 208–209.

режиме. Это очень важно, поскольку удержание противника в таком режиме создает условия, когда он чувствует свою слабость. В этом случае военный прогресс не просто отвечает чаяниям общества, но и дает определенные гарантии в связи с возможными потерями. В частности, военные выставки призваны продемонстрировать те виды вооружений, которые отсутствуют у противника – тогда он чувствует свою слабость в духовном, социальном, политическом, экономическом аспектах военного прогресса. Вот почему так важно иметь полную информацию о состоянии основных сфер общественной жизни и акцентироваться на тех явлениях, которые могут стать отягощением для противника. Например, в условиях экономического кризиса ни в коем случае мы не должны помогать потенциальному противнику, независимо от того, какие лозунги эту помощь сопровождают. Все эти действия способствуют адекватному пониманию человеческих потерь и поражений.

Если военный прогресс выступает как составляющая наступательного процесса в общественной жизни, то в этом случае нужно продумать стратегию и тактику. Стратегия предполагает ситуацию, при которой противник всё время находится в состоянии напряжения на протяжении длительного периода времени: он вынужден думать о нас, предполагая, что мы предпримем, куда движется наша мысль. Необходимо создавать у противника ситуацию энтропии, и его деяния должны быть более затратные, максимально неудобные для общества. Для решения подобных задач необходимо постоянно и глубоко изучать противника и предпринимать такие действия, чтобы противник делал необдуманные шаги, которые к тому же являлись бы особо затратными. Здесь особая роль принадлежит спецслужбам, а также должно быть организовано оперативное взаимодействие всех войск. Противник всё время не должен быть удовлетворен собой, своим положением.

Небольшие вооруженные силы экономят ресурсы и достигают высокого результата благодаря избирательным действиям и применению высокоточного оружия, а уход от массового производства сопровождается уходом от массовых разрушений. Кроме того, совершенствование техники повышает роль человеческого фактора, делая его решающим. Солдат перестает быть простым исполнителем приказов, натренированным на выполнение ограниченных операций, и становится незаменимым; от него требуется умение управлять сложной техникой и готовность самостоятельно принимать решения и действовать в неординарных ситуациях.

Адекватная оценка военного прогресса обороны включает в себя объективную оценку потерь, поражений и побед. Колоссальная нагрузка легла на экономику СССР: за 1941-1945 гг. было произведено около 150 тыс. самолетов около 110 тыс. танков, около 900 тыс. орудий и минометов²⁶⁸. Однако эти показатели не идут ни в какие сравнение с тем, какие материальные средства могут потребоваться в современной крупномасштабной войне. В отличие от прошлого, активному воздействию со стороны противника могут подвергаться объекты экономики, расположенные не только в пограничных районах, но и на всей территории страны. Следовательно, возникает необходимость заблаговременно накапливать материальные ресурсы в достаточном количестве, обеспечивать необходимую живучесть промышленности, железнодорожного, автомобильного транспорта, энергосистемы, системы связи в условиях образования массовых разрушений, воздействия на тыловые объекты диверсионно-террористических групп, аэромобильных десантов противника. Важнейшей задачей теории военной экономики в таких условиях является глубокое прогнозирование, как может сложиться обстановка для функционирования военного производства с началом и в ходе войны. В

²⁶⁸ Военная стратегия. М.: Воениздат, 1962. С. 382.

современных условиях особенно важно соблюдать принцип соответствия условий экономического обеспечения характеру вооруженной борьбы²⁶⁹.

Полноценное исследование военного прогресса в отечественной традиции предполагает диалектический базис, что доказывает развитие советской экономики в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. Как свидетельствует Я.Е. Чадаев, постепенно в общественном продукте, наряду с военной техникой, стала увеличиваться доля продукции тяжелой промышленности, возобновился и начал расширяться нормальный кругооборот общественного воспроизводства, а национальный доход во все больших размерах стал направляться не только на обеспечение военных расходов, но и на увеличение накопления в народной хозяйстве. Перераспределение ресурсов в пользу военного производства, перестал играть роль главного источника военных затрат, которые теперь обеспечивались за счет созданного сложенного и быстро растущего военного хозяйства, что явилось предпосылкой для подъема экономических сил страны в заключительный период войны²⁷⁰. Вторая мировая война радикально изменила экономическую и политическую ситуацию в мире что обусловило и особое отношение к уровню военного прогресса. Дело в том, что европейским экономикам был нанесен сильнейший удар: «...по уровню ВВП крупнейшие страны Европы оказались отброшенными к показателям конца XIX и начала XX в. (Италия – к уровню 1909 г., Германия – 1908 г., Франция – 1891 г., Австрия – 1886 г.) На этом фоне единственным лидером оказались Соединенные Штаты: их доля в мировом валовом продукте превысила 45 %...»²⁷¹.

²⁶⁹ Воробьев И., Киселев В. Современная война и экономика // Армейский сборник. 2015. №4(250). С. 3.

²⁷⁰ Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., М.: Мысль, 1985. С. 441.

²⁷¹ Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 63.

Кроме того, проблема допустимых потерь в войне тесным образом связана с поддержанием морально-психологического состояния войск в ходе войны. Все это в любой войне оказывало огромное воздействие на активность или пассивность действий воинов, в том числе и на количество людских потерь и пропавших (или сдавшихся) в плен. Показательна в этом смысле выписка из «Парижского манифеста» (ноябрь 1944 г.): «Ни в коем случае не добивайте немцев (речь идет о советских войсках, освобождающих Румынию, Болгарию, Сербию). Наша цель – прекращение войны и заключение почётного мира с Германией»²⁷².

Различия во взгляде на Вторую мировую войну не только не преодолены, но с течением времени усугубляются, что продемонстрировало празднование 70-летия Победы. Тот факт, что американские и европейские идеологи и пропагандисты ведут постоянную кампанию по дискредитации и преуменьшению роли Советской армии в Победе над гитлеризмом, уже никого не удивит. К сожалению, на Западеросло поколение, которое не только ничего не знает о решающей роли СССР в победе над немецким фашизмом, но и готово свалить вину за бомбежки Хиросимы и Нагасаки на нашу страну. Фальсификация исторических фактов происходит постоянно и на разных уровнях. Например, в своей книге²⁷³ Томас Тейлор, например, преклоняется перед мудростью Эйзенхауэра, который представил честь штурмовать логово Гитлера Жукову, зная, что потери будут огромными. А через несколько страниц упрекает Сталина в том, что тот «предал Армию Крайову, не пойдя на штурм Варшавы. Хотя, как известно, «крайовцы» подняли восстание, не поставив советское командование в известность, и вообще не считали нас союзниками. Штурм Варшавы грозил огромными потерями. Как видно, для автора наши жертвы и жертвы американские –

²⁷² Севастьянов А.Н. Победу не отнять! Против власовцев и гитлеровцев. М.: Яуза-пресс. 2010.

²⁷³ Тейлор Т. Американский солдат в советском танке. Война Джозефа Байерли в войсках США и СССР. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2010. С. 302.

вещи совершенно разного порядка. Тем не менее какими бы серьезными не были потери в предыдущей войне, третья мировая может оказаться намного трагичнее. К XXI в. в полный рост заявили о себе два важных фактора, определяющие этапы разворачивания военного прогресса: закономерный рост военных расходов практически во всех странах мира и появление оружия массового поражения.

Динамика военного строительства отражает еще одну важную закономерность: по мере совершенствования оружия затраты на его создание значительно увеличиваются, но при этом повышается боевая эффективность, а в итоге снижается удельная стоимость поражения типовых объектов противника. Вместе с этим повышается военно-экономическая эффективность средств вооруженной борьбы. Так, стоимость поражения ядерными боеприпасами оказывается меньше, чем обычными, традиционными средствами поражения²⁷⁴.

Объективная оценка предполагаемых потерь в будущей войне во многом связана с планами сторон. «Сценарность» происходившего со временем становится все более очевидной. С гибелью Советского Союза была ликвидирована главная основа правового положения личности – институт гражданства. 25 миллионов русских людей, никуда не эмигрировавших, оказались иностранцами на своей земле. Около миллиона наших сограждан погибло в межэтнических конфликтах, в первые же годы дезинтеграции СССР более миллионов стали беженцами. Это также необходимо отнести к потерям, поскольку демографические последствия мировых войн наша страна ощущает и современном этапе.

Проблема состоит в том, что Россия понесла большие потери не только непосредственно в военных сражениях. Наша страна потеряла 5 миллионов

²⁷⁴ Викулов С.Ф. Экономика войны и война экономик: введение в проблему // Вестник Академии военных наук. 2013. 2(44). С. 27–28.

квадратных километров территории. Погиб мощнейший экономический комплекс Советского Союза. Новая Россия получила полукOLONиальную структуру хозяйства, основу которой составляют сырьевые отрасли, работающие преимущественно на западный рынок. Олицетворением созданного в стране уклада стали олигархи, присвоившие национальные богатства страны. Огромное большинство населения, которое не выбирало навязанный им способ существования, оказалось на грани социального и физического выживания. Таковым был важнейший этап на нашем пути в «цивилизованный», «свободный» мир.

Различные технологии, пропаганда, построенная на демонизации Советского Союза как «империи зла», работали на разделение государственного организма. С ликвидацией СССР как субъекта международного права произошло расчленение политико-правового, военно-стратегического, экономического и информационно-культурного пространства единого государства. Было разрушено тысячелетнее творение русской истории.

Принятие решений, призванных сохранить живую силу, является адекватным военному прогрессу в отечественном понимании. Это не что иное, как проявление военного искусства, полководческого таланта военачальника, не укладывающееся в шаблонные схемы, рожденные на базе знаний и опыта. Россия, являясь наследницей Византийской империи, по мнению В.Г. Кикнадзе, позаимствовала многие элементы военного искусства, с той лишь разницей, что в нашей стране разрабатывался военный прогресс обороны. Так как критическим ограничением возможности Византии вести битвы на уничтожение выступала не нехватка людской силы и не отсутствие денежных средств, а время, необходимое на подготовку воинов, тактические принципы, изложенные в «Стратегиконе», отражают стремление избежать таких битв. Первоочередное условие успешного

«реляционного маневра» – «понимание врага», требующее «усилий интеллектуальных, а также эмоциональных». Речь идет не о совокупности разведывательных данных, а именно о понимании врага, чего иногда недостает высшему руководству при наличии достоверной разведывательной информации²⁷⁵. Необходимой предпосылкой для понимания возможных действий врага выступают исследования в области военной этнографии²⁷⁶.

В современных условиях, несмотря на техническое обеспечение военных действий, военные потери также имеют свое обоснование. Концепции «несмертельной войны» предполагают минимизацию людских потерь. Широкий спектр оружия нелетального действия – от компьютерных вирусов от успокоительных средств – направлен против аппаратуры и программного обеспечения противника, его организационного и логистического противника, а не против живой силы.

При ведении военных действий все шире, где это возможно, начинают применяться военные роботы. В условиях, когда поля сражений становятся слишком опасными для людей, а общественное мнение не приемлет высокий уровень потерь, военные работы будут успешно заменять человека. Применение военных роботов и роботизированного оружия согласуется с принципами ведения современной войны, однако возникают серьезные проблемы, связанные с их возможностью действовать автономно.

Автономные роботы, создание которых реально и среднесрочной перспективе, могут получить возможность адаптироваться к окружающей среде и самостоятельно вести сражения, поскольку будут способны воспринимать и интерпретировать данные и принимать решения. Это означает, что они в состоянии не только заменить солдат на поле боя, но и взять на себя функции командования и управления. Независимое поведение

²⁷⁵ Кикнадзе В.Г. Военное искусство и разведка в большой стратегии Византийской империи // Военно-исторический журнал. 2012. № 9. С. 32.

²⁷⁶ Там же. С. 33.

уже сегодня свойственно многим компонентам оружия и робототехники. Однако в сочетании возможностью самовоспроизводства искусственной жизни это может привести к возникновению вышедших из-под контроля войн. В современных условиях наибольшую угрозу представляют генетически модифицированные организмы (ГМО), многие из которых способен стать эффективным биологическим оружием, если попадет в руки террористов.

Перспективным направлением в развитии современной армии является т.н. «умная» армия, о чем пишет Е.О. Новожилова: «Малочисленная, маневренная, «умная» армия становится универсальной, способной переключаться с конфликта одного рода на конфликт другого рода, решать как военные, так и мирные задачи». И далее автор продолжает: «В военной сфере киборги могли бы стать суперсолдатом благодаря усилению бойцовских качеств обычных людей»²⁷⁷.

Существуют направления в исследовании военного прогресса, где подсчеты человеческих жертв вообще теряют смысл. Это в первую очередь касается атомной войны, последствия которой будут носить долговременный характер из-за отравления генофонда человечества, т. е. разрушение нормального воспроизводства. Для современных политиков так называемого «цивилизованного мира» характерно деление жертв на достойные внимания и недостойные, презренные, как и основа этого деления традиционно далека от любых нравственных принципов, не соотносимых с правами, которых требуют для себя сильные и привилегированные. Если смотреть на современную ситуацию исключительно через фильтры, поставленные «цивилизованными» государствами, то мы увидим, что они пропускают только злодеяния официальных врагов, блокирующие нежелательные образы. Например, ни один из государственных деятелей США не выразил

²⁷⁷ Новожилова Е.О. Войны настоящего и будущего // Военная мысль. 2011. № 2. С. 9.

раскаяния по поводу вьетнамской войны, кроме сожалений о том, что она нанесла ущерб самим американцам. Мы ничего не должны вьетнамцам, отметил главный гарант прав человека Джимми Картер, и не обязаны предоставлять им какую-либо помощь, потому что «разрушения были взаимными».

За последнее время все большее число военных исследователей занимаются изучением содержания современной войны и вооруженной борьбы, справедливо полагая, что война по своей сущности, а не только по содержанию, значительно более широкое явление, чем вооруженная борьба в том ее виде, как она рассматривается в официальных научных документах.

В этом плане человечество все чаще обращает внимание на Китай, где общее содержание идей Сунь-цзы совмещает в себе устои поддержания социального порядка в соответствии с прагматизмом управления в духе конфуцианства. Сунь-цзы представляет войну (бин) как неизбежность, как «дело государства» и как «путь (дао), то эти идеи вступают в противоречие с учением конфуцианцев, которые вели войну считают злом, происходящим от ухода от главного пути жизни людей – «пути праведных» предков-царей. Так, крупнейший последователь учения Конфуция Мэн-цзы считал, что главным средством прекращения междоусобных войн и объединения страны в единое государство является «человеколюбивое правление» (жэньчжэн), когда в обществе царит «совместная с правителем радость»²⁷⁸. Однако новые угрозы предполагает новый уровень военного прогресса, а он, в свою очередь, востребуют новую науку о войне и мире, которая будет по-иному исследовать «невоинствующие» войны, политические цели, в которых будут достигаться не прямым вооруженным вмешательством, а путем применения иных форм насилия, подрыва мощи противника изнутри. Разработка и

²⁷⁸ Кузнецов В.А. Начало военно-философской мысли в Древнем Китае // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. 2013. № 33(324). С. 131.

принятие на вооружение оружия на новых физических и технологических принципах, позволяющего реализовывать на практике поражающие факторы, не проявлявшиеся ранее в массовых масштабах. Н.В. Карпиленя справедливо утверждает: чтобы не было «победы» ни одной из сторон, надо строить многополярный мир на единой планете Земля, в силу различий культур, традиций, населяющих планету этносов, народов, наций-государств²⁷⁹.

Таким образом, структура военных угроз предполагает определенный уровень оборонительного военного прогресса, который мыслится как совершенствование отношений не только внутри конкретного общества, но и между обществами на принципах единства мира и взаимосвязи явлений. Военный прогресс обороны предполагает допустимые потери в ходе возможных военных конфликтов, обусловленных отечественной традицией сохранения своего суверенитета.

3.4. Актуализация типов военных угроз в контексте типов военного прогресса

Актуализация типов военных угроз в контексте типов военного прогресса обусловлена движущими силами общества, где на первый план выдвигаются проблемы, связанные с анализом субъектов военной деятельности, характеристиками их деятельности, что детерминировано алгоритмом подъемов и спадов военного прогресса. Движущие силы общества выступают в качестве всеобщей характеристики общественной жизни, а пространство проявления этих движущих сил носит универсальный характер. Разграничение проходит не по линии исторических состояний общества, а по линии определения различных аспектов единой общественной

²⁷⁹ Карпиленя Н.В. Геополитика: борьба за пространство и могущество в Евразии // Вестник Академии военных наук. 2014. №4 (49). С. 5.

жизни. Военный прогресс вполне вписывается в контекст современных глобальных тенденций.

Для адекватной оценки уровня военного прогресса важно исходить из следующей установки: история человечества поэтому должна рассматриваться не как последовательность отдельных военно-политических и социально-экономических событий, но прежде всего и главным образом как живой полиаспектный процесс динамического изменения всей многомерной культуры в единстве взаимодополняющих друг друга сфер, областей и доминионов, а также синхронного и диахронного ракурсов, в целостности горизонтального и вертикального срезов и линий регионального и глобального охвата всего социокультурного комплекса²⁸⁰. В научных исследованиях движущие силы общества часто связывают с определенным вектором, подразумевающим прогрессивные преобразования в обществе. Однако с позиций военного прогресса подобный подход является односторонним, ведь безопасность общества представляет собой целостный процесс.

Актуализация типов военных угроз в контексте типов военного прогресса также обусловлена тем фактом, что в современном обществе имеются различные структуры деятельности, представляющие собой как фундаментальные, так и актуальные структуры общественной деятельности, развивающуюся на базе первой. «Первая являет собой «постоянную структуру», или постоянное условие, человеческой жизни, другая выступает в виде «переменных структур»²⁸¹. В мире значительно обострились социально-экономические, военно-политические экологические, миграционные проблемы, что требует новых, основательных исследований

²⁸⁰ Кузнецов В.Ю. Мир единства. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2010. С. 31.

²⁸¹ Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1977. С. 225.

особенностей военного прогресса в глобальном мире. В XXI веке стало очевидным: будущее мирового сообщества связано с дальнейшим системным развитием социально-экономической, военно-политической, правовой, научно-технической, образовательной, культурной и информационной цивилизации, опирающейся на междисциплинарную глобалистическую науку и экономику прогностических знаний. Развитие глобалистического знания приводит к тому, что знания различных наук взаимодействуют и расширяют друг друга. Это в полной мере касается военного прогресса.

В конкретных условиях при анализе отдельных этапов военной истории необходимо выделить позиции разных социальных субъектов, а также их вклад в прогрессивные или регрессивные преобразования в обществе. Вместе с тем подобный подход к военному прогрессу имеет конкретно-историческое значение и не перерастает в общее отрицание качества деятельности определенной социальной группы.

В современных условиях демократизации общества, архетипы которого ассоциируют образ войны со страхом и горем, трагедией и кровью, милитаризированные властные государственные структуры вынуждены использовать все более изощренные инструменты оправдания развязанных военных конфликтов. «Так как сила побеждает слабость, то либо сильная сторона доказывает свою силу, применяя ее в отношении слабой стороны и по мере наращивания своей силы становится еще более сильной, либо слабая сторона, накапливая силы и преодолевая слабости, становится сильной, а сильная сторона по мере накопления слабостей становится слабой. Таким образом происходит взаимопроникновение и взаимопревращение противоположностей силы и слабости в историческом процессе»²⁸².

²⁸² Гулевский А.Н. О диалектике силы и слабости в философском осмыслении войны // Война и историческая память: тезисы докладов Междунар. научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-

Подобная ситуация не является уникальной, о чем свидетельствует, например, опыт первой мировой войны. Не раз на страницах российских газет и журналов накануне Первой мировой войны высказывалось сожаление, что Германия после объединения под эгидой Пруссии отказалась от своей культурной миссии в Европе и, не выдержав искушения соблазнами «мировой политики» с ее соперничеством за колонии, рынки сбыта и источники сырья, заменила борьбу за высокие идеалы борьбой за материальные ценности»²⁸³.

Актуализация типов военных угроз в контексте типов военного прогресса обусловлена двойственной природой военного прогресса в глобальном мире. С одной стороны, ускоряются темпы традиционных военнотехнических разработок, однако с другой, постепенно меняется традиционная роль армии. Противник все чаще приобретает виртуальный характер, поэтому значительную роль начинает играть война сознаний, составной частью которой всегда была попытка подрыва боевого духа противника.

Концепция безопасности в соответствии с современными представлениями о войне и мире можно назвать концепцией «защитной безопасности», которая является важным элементом цивилизационного развития как концептуальной системы более высокого порядка. Этому способствует и тот факт, что «...многополярная геополитическая модель не устраивает лишь США»²⁸⁴. Характерное для современного глобального мира сокращение объема суверенитета прерогатив государства имеет как позитивные, так и негативные последствия. При этом соотношение

Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. С. 87.

²⁸³ Котов Б. С. Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне первой мировой войны 1912 – 1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2014

²⁸⁴ Киселев С. Г. Закат Америки как апогей трансформации геополитической модели мира // Геополитика и безопасность. 2015. № 2 (30). С. 68-72.

положительных и отрицательных результатов принципиально различно для разных стран, регионов и территорий. Например, максимальная открытость границ в глобальном мире, с одной стороны, обеспечивает развитие торговли, а с другой, способствует распространению терроризма, облегчая наркотрафик.

Актуализация наступательного типа военного прогресса в контексте новых военных угроз

Начало XXI в. характеризуется усилением борьбы в мире за геостратегическое пространство, экономические и природные ресурсы, что в совокупности приводит к обострению межгосударственных противоречий и является причиной возникновения в различных регионах мира вооруженных конфликтов и локальных войн. Однако если прошедшие войны велись за территориальный передел мира, а также рынки сбыта, то в современных условиях достижение этих целей обеспечивается непрямыми действиями, применением невоенных средств, проведением комплекса мероприятий политического (при локализации войн и вооруженных конфликтов и их разрешении), экономического, информационного и климатического (при их разрастании) характера²⁸⁵. Обращает на себя внимание новая тенденция: усиление взаимозависимости стран и народов, где ведущую роль начинает играть транснациональные субъекты. Они начинают трактовать международные отношения как постмеждународные или транснациональные отношения, решающим образом воздействующие на создание нового мирового порядка²⁸⁶.

Постепенный отход от геополитики смещает акцент войны с пространства на время. Важно подчеркнуть, что после Второй мировой

²⁸⁵ Чекинов С.Г., Богданов С. А. Влияние не прямых действий на характер современной войны // Военная мысль. 2011. № 6. С. 4.

²⁸⁶ Бабурин С.Н. Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. С. 27.

войны в мире произошло более 250 локальных войн и крупных вооруженных конфликтов, причем практически все они инспирированы США. В каждой локальной войне их армия считала для себя приемлемым применять все имеющиеся в ее распоряжении виды оружия, в том числе такие, как напалм, геофизическое, биологическое оружие и другие варварские средства поражения. Все это укладывается в стратегию США, ведь еще во время Второй мировой войны без какой-либо потребности американцы применили атомные бомбардировки японских городов. Новый мировой порядок, в основе которого лежит жесткий «сетевой тоталитаризм», занял место умершей религии и государственности. В современном мире признается только реальная сила, которая базируется на мощном экономическом потенциале и боеспособных вооруженных силах, что свидетельствует о необходимости обладания самыми современными средствами вооружения, дальнейшего развития теории военного искусства с учетом новейших тенденций изменения содержания вооруженной борьбы и целенаправленной подготовки войск и сил к ведению войн «нового поколения».

Подобные факты свидетельствуют об актуализации типов военного прогресса в современном мире, что связана со спецификой социальной жизни представителей западной цивилизации, где антропологические элементы тоталитаризма проявляются в трансформации человека в соответствии с идеологическими установками. Как отмечает К.С. Гаджиев, «важное место в комплексе идей и механизмов, направленных на изменение человеческой природы, занимает жесткий контроль над сознанием человека, его мыслями, помыслами, внутренним миром»²⁸⁷. Весьма характерной является работа К.Н. Леонтьева «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». В одной из глав он пишет: ««Россия – глава мира

²⁸⁷ Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 13.

возникающего, Франция – представительница мира отходящего», – сказал Н.Я. Данилевский, сказал верно, просто и прекрасно²⁸⁸».

Современная внерациональность многих проявлений военного прогресса базируется на том, «...что США «никогда не были вторыми», ибо им «покровительствует Бог». Подобного рода легенды наделяют нацию богоподобными свойствами, выражают претензии на освященность целей национальной политики США. Иными словами, в них своеобразно воспроизводится формула: что благоприятствует американским интересам – то угодно Богу»²⁸⁹.

Однополярный мир не может быть безопасным, поскольку один полюс перетягивает всю систему и ни о какой стабильности не может быть и речи. США и НАТО сегодня представляют собой мощнейшую в политическом, экономическом и военном отношении силу, которая может и уже действует практически безнаказанно, востребуя конкретный тип военного прогресса. Даже союзникам стало понятно, что возможности Вашингтона контролировать мировую ситуацию являются ограниченными, что ярко проявилось в случае с Украиной. «Европа на этот раз совершенно не горит желанием отправлять свои «большие батальоны» на восток по прихоти все больше дряхлеющей Америки. А сами США, которые привыкли являться на все мировые войны только к дележу добычи, чувствуют себя явно не в своей тарелке и понимают, что заменить европейское пушечное мясо им элементарно нечем»²⁹⁰. В этом случае востребован наступательный вид военного прогресса.

²⁸⁸ Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 26.

²⁸⁹ Задорожнюк И.Е. Гражданская религия в Америке: настоятельность новых интерпретаций // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 64.

²⁹⁰ Селиванов Ю. Миф о военном всемогуществе США
<http://www.regnum.ru/news/polit/1890507.html#ixzz3QY6ViYpu>

Сегодня на роль основного гаранта мировой стабильности пытаются претендовать множество организаций, однако для большинства из них это не по плечу. Более того, некоторые из них, как, например, НАТО могут быть только дестабилизирующими факторами для довольно хрупкой устойчивости современного мироустройства. Миротворческая роль подобных организаций вызывает сомнения по той причине, что они всегда отражают интересы не всего человечества, а преимущественно стран евро-американского региона.

Как утверждал А. Зиновьев, имеются центры глобальные компьютерные модели, в которых собирается информация со всей планеты, потом она обрабатывается путем сложнейших расчетов. «История человечества на весь XXI век уже спланирована. И этот план будет, так или иначе, выполняться»²⁹¹. Можно согласиться с тем, что сейчас идет «информационно-интеллектуальная» мировая война, включающая в себя много векторов: духовный, творческий, культурный, цивилизационный, этнический, религиозный. «В контексте информационной парадигмы отношения между государствами и цивилизациями будут определяться информационным превосходством в виртуальном пространстве, а целью геополитических технологий выступает изменение человека, его мировоззренческой идентичности»²⁹².

В современных отечественных концепциях геополитики категория государства недостаточно разработана. Вот почему, как справедливо пишет А. Изгарская, «...отсутствие базовой теории и толкает исследователя к тем геополитическим концепциям классиков, в которых такая теория есть, – к милитаристской теории государства, но сами классические концепции

²⁹¹ Зиновьев А. Спрут «сверхобщества» // Литер. газ. 2006. 21–27 июня.

²⁹² Василенко И.А. Геополитика современного мира. М.: Гардарики, 2006. С. 73.

построены по стандарту науки начала XX в., и ученый оказывается в замкнутом круге проб и ошибок, создаваемом ригидной моделью»²⁹³.

Многие видные политические деятели Запада все чаще призывают учитывать особенности других стран. Так, бывший госсекретарь Киссинджер сделал вывод, что надо прекратить попытки сделать из русских европейцев из-за различия в менталитетах, однако выход ему видится в расчленении России. По мнению Л. Решетникова, «эту позицию на Западе нечасто озвучивают, но она существует уже не первый век. Раскола СССР им мало»²⁹⁴. Американцы понимают, что возрождающаяся Россия становится опасным конкурентом в военной, политической, экономической и культурной областях. Россия, по сути, – цивилизационный конкурент США.

Отличительные черты современного военного прогресса обусловлены появлением новой угрозы: вооруженное воздействие противника на экономику страны может затронуть даже наиболее глубокие районы, фактически всю территорию государства. Вот почему подготовка экономики должна носить не локальный, региональный, а широкий, всеобъемлющий характер. «Требуется заблаговременное создание военно-экономической базы на стратегических направлениях, учитывая особенности их географического положения»²⁹⁵.

Возникновение идеи однополярного мира во главе с «единственной оставшейся сверхдержавой» подготовлено всей мировой историей, поэтому вся мировая структура также должна быть подчинена подобной идее. В частности, логическим продолжением ее должны быть специфические схемы

²⁹³ Изгарская А. Социально-философская реконструкция развития геополитических концепций // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2003. С. 282-283.

²⁹⁴ Решетников Л. Расколы нашего времени // Литератур. газ. 2014. 18-24 февраля.

²⁹⁵ Воробьев И., Киселев В. Современная война и экономика // Армейский сборник. – 2015. №4(250). С. 5.

мирового порядка, включающие определенные правила, нормы, механизмы, движущие сил и контрольные средства. В эту же структуру вписывается идея «единственной сверхдержавы», которая предполагает возникновение своеобразного американоцентристского мира, в котором США задают темп развитию всей совокупности современных государств, а также обеспечивают его стабильность. После потрясений и хаоса начала новой эпохи, который расчищает дорогу новому техноукладу и оплачивает его становление, возникают новые государственные образования, как правило, намного больше по размеру. Это новая норма, но достигнутая не ценой напряжения, а за счет значительно более мощных коммуникационных технологий новой эпохи, в том числе и за счет определенного уровня военного прогресса.

Военный прогресс во многих футурологических концепциях представляется по-разному, поскольку там акцентируют внимание, как правило, на технических аспектах прогресса. Вместе с тем вопрос о войне и мире, о том, сумеет ли охранить себя человечество и обеспечить свое развитие в будущем, о том, каким будет это будущее, чем оно будет отличаться от прошлой истории, встает и в другом, более широком плане – в плане вопроса о природе самой человеческой истории, ее движущих силах, о характере ее закономерностей, о том, в какой мере человечество предопределено в своем историческом творчестве и насколько оно является свободным творцом истории, своей собственной судьбы. По мнению Фридмана, воинственная большая стратегия США принесет им успех и в XXI в.²⁹⁶ Противостоять этому трагическому сценарию можно, если держать военный прогресс на достойном уровне, учитывая позицию А.Д. Московченко: «В международной политике такими полярными понятиями являются для вас «состояние мира» и «состояние войны» и резкий переход от одного к другому, присущий только вашей логике, но

²⁹⁶ Фридман Дж. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. М.: ИД «Коммерсант» ЭКСМО, 2010.

противоречащий природе. Вы же считаете его присущим природе и реализуете с поистине безумной решительностью»²⁹⁷.

Проблемы современной безопасности освещаются многими исследователями данной проблематики²⁹⁸. Все они, несмотря на разницу в концептуальных установках, согласятся с мнением начальника Главного штаба ВВС, Первого заместителя Главнокомандующего Военно-воздушными силами Российской Федерации генерал-полковника Б.Ф. Чельцова: «Ныне принято утверждать, что у нас нет противника, а с США и НАТО установились доброжелательные, партнерские отношения. Но надежные партнерские отношения могут быть только с равными по силе. Со слабым говорят языком диктатора, навязывают свою волю и свои условия»²⁹⁹.

Актуализация военного прогресса обороны в контексте новых военных угроз

Стратегическое сдерживание военной агрессии базируется, во-первых, на способности государства осуществлять своевременный переход страны с мирного на военное время, и во-вторых, на возможностях государства по нанесению агрессору сдерживающего ущерба, т. е. ущерба, несоизмеримого с теми выгодами, которые он хотел бы получить в результате применения военной силы. Глубинное концептуальное понимание того факта, что ни одна

²⁹⁷ Московченко А.Д. Русский космизм. Автотрофное человечество будущего: моногр. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2012. С. 126.

²⁹⁸ Вахрамеев А.В., Кулешов С.Г. Национальная безопасность России. Декларации и реальность. М.: Вузовская книга, 2003; Возжеников А.В. Национальная безопасность России: Методология комплексного исследования и политика обеспечения. М.: Издательство РАГС, 2002; Глобальные вызовы и угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России / Под общ. ред. А.В.Возженикова. М.: Изд-во РАГС, 2008; Ильин Ю.Д. Право человека и государства на безопасность в современном мире. М.: НОРМА, 2007; Косов Ю.В. Безопасность: геополитический аспект // Внешняя политика и безопасность современной России 1991-2002; Картунов С.В. Становление политики безопасности. М.: «Наука», 2003; Кулагин В.М. Международная безопасность. М., 2006; Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект-Пресс, 2007; Радиков И.В. Политика и национальная безопасность. СПб., 2004; Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности. М.: 2006.

²⁹⁹ Чельцов Б. Сетевую войну можно выиграть только сетевыми средствами // Военная мысль. 2008. № 9. С.9.

агрессия не останется без последствий, которые могут быть роковыми для всего человечества в ядерно-глобальном мироустройстве, является гарантом мирного сосуществования. Именно поэтому политика мирного сосуществования «...определит основные приоритеты в действиях власти, будет способствовать взаимодействию России с другими государствами. Увеличится шанс коэволюционного пути развития человеческого общества, единственно возможного пути в будущее»³⁰⁰.

Теоретический разрыв единства неизбежно приводил к утопическим идеям прогресса социума, отчужденного от природного космоса, вследствие того, что и человеческое существо мыслилось окончательно вырванным из монолита живого вещества. Например, в книге «Повесть временных лет» поражает историософское мышление летописца: он свято верит в высокое предназначение Отечества. Мы должны учиться в летописца чувства меры и ответственности за историю. Он выступает противником смут как убежденный сторонник единой и просвещенной Руси³⁰¹.

В современных условиях деятельность, направленная на предотвращение войны и утверждение мира, не может пренебрегать никакой частностью, временным и локальным фактором политической жизни. Но эти усилия окажутся малоэффективными, если они не будут осуществляться на основе анализа постоянно действующих, долговременных факторов исторического процесса, если для решения проблемы мира не будут должным образом использованы все материальные и духовные потенции, унаследованные от прошлого. Человечество все больше сознает единство своей исторической судьбы, жизненных интересов различных народов. В современном мире действуют мощные интегративные факторы, но не менее

³⁰⁰ Яценко М. П. Глобализация как форма организации исторического процесса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 103-110.

³⁰¹ Повесть временных лет. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

сильны и влиятельны иные, центробежные тенденции националистического и этноцентрического происхождения. В рамках этой кардинальной общечеловеческой задачи встает и требует своего осмысления проблема сближения двух всегда противопоставляющихся друг другу социально-исторических и культурных традиций, обозначаемых многозначимыми и не вполне определенными понятиями «Запад» и «Восток». Военный прогресс также должен быть подчинен этой тенденции, с учетом того факта, что для современной политики характерен евразийский вектор.

Актуализация типов военных угроз в контексте типов военного прогресса также обусловлена аксиологическими факторами, спецификой соотношений духовных и материальных ценностей. Если наступательный военный прогресс базируется на сугубо материальной основе, то военный прогресс обороны, как уже отмечалось, невозможен без должного уровня духовности. А.К. Уледов уверен, что духовная жизнь общества есть «жизнь людей, связанная с удовлетворением духовных потребностей, с производством сознания, являющегося одним из важнейших видов общественного производства, с отношениями между людьми в процессе духовного производства, с духовным общением и т. д.»³⁰². При таком подходе духовная жизнь общества трактуется как характеристика особого среза общества³⁰³, что в полной мере отражается и на военном прогрессе. А.С. Панарин справедливо подчеркивал: «Присутствие человека в истории не в качестве пассивного продукта общественных структур – квазиобъекта, подчиняющегося непреложным закономерностям, а в качестве субъекта, действующего под знаком негарантированного и непредопределенного

³⁰² Уледов А.К. Духовная жизнь общества. М., 1980. С. 21.

³⁰³ См.: Барулин В.С. Отношение материального и идеального как проблема исторического материализма. Барнаул, 1970; Он же. Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977.

выбора, делает исторический процесс сложным и нелинейным»³⁰⁴. Еще более сложным оказывается человек в условиях войны, поскольку алгоритм общественного прогресса в этом случае приобретает особую специфику. Дело в том, что военная угроза – это потенциальная форма разрешения социальных проблем угрожающей стороны, и эта угроза может реализоваться, если не будет найдено альтернативное их разрешение. Существует зависимость, согласно которой типы военного прогресса имеют исторический, актуальный характер, и потому особое значение приобретает тот тип военного прогресса, что снимает военные угрозы, которые являются исторически доминирующими.

Актуализация типов военных угроз в контексте типов военного прогресса обусловлена тем, что естественное стремление любого общества к самосохранению предполагает определенный уровень сознания, «...определенным образом санкционирующем, обосновывающем и оправдывающем факт его существования, присущие ему порядки и институты»³⁰⁵. Провозглашение мира высшей ценностью нашего времени, а мирных способов решения спорных межгосударственных проблем – единственно допустимыми и приемлемыми способами стали возможны лишь на базе тех коренных социальных перемен, которые произошли в мире после победы во Второй мировой войне

Мирное сосуществование не является неким неизменным состоянием международных отношений, а представляет собой процесс развития этих отношений, имеющий свои периоды спада и подъема, более или менее оптимального уровня мирного сотрудничества. Оно может означать:

³⁰⁴ Панарин, А. С. Введение в политологию. М., 1994. С. 9.

³⁰⁵ Межуев В.М. Перестройка сознания или сознательная перестройка // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 31.

- просто состояние мира, поддерживаемого в самых неблагоприятных условиях «холодной войны»;
- различные более благоприятные и развитые формы мирного сотрудничества:
- наличие и действие системы широких экономических и культурных связей, определенного доверия между государствами;
- активного диалога, направленного на регулирование в решении спорных проблем.

Мирное сосуществование не равнозначно социальному статус-кво, оно не замораживает социального прогресса, а является необходимым его условием и результатом, т.е. более последовательное и глубокое осуществление его принципов находится в прямой зависимости от успехов социального развития. Можно утверждать, что мирное сосуществование – это современная форма реализации военного прогресса соответствующего типа.

На рубеже XX–XXI вв. вектор военного прогресса все более и более смещается в сторону национальных интересов, взаимодействия и соперничества религий и цивилизаций, что находит отражение в соответствующих типах идеологий, взаимодействующих и соперничающих в мире. Новым моментом в действии субъективного фактора можно считать осознание тяжести глобальных проблем человечества и необходимости их решения в планетарном масштабе.

В современных условиях появляются тенденции, которые способны серьезно изменить вектор военного прогресса, ведь в идеологов однополярного мира появляется соблазн, связанный с попытками оперативного разоружения противника. Например, системы ПРО сработают только в случае, если противник США не будет заботиться укреплением своего ядерного

потенциала. Таким образом, современный военный прогресс детерминируется принципиальным положением: опередить противника в ядерный век нельзя, можно только помешать опередить себя.

Анализ современного военного прогресса позволяет выстроить структуру будущего мироустройства. За ООН, несмотря на падение ее авторитета в последние десятилетия, остается ведущая роль в сохранении мира, которая должна играть роль базиса многополярного мироустройства. Другие организации универсального характера (ЮНЕСКО, ВОЗ, МАГАТЭ и т. д.) также продолжают выполнять свои функции по организации конкретного направления человеческого существования в международном масштабе. На следующем уровне находятся региональные и субрегиональные организации, которые должны выполнять более основательную роль в жизни мирового сообщества, учитывая тот факт, что развитие интеграционных процессов является одной из главных тенденций современной международной жизни. Тем не менее необходимо учитывать, что идеологи мондиализма все чаще отрицают роль государства вообще. Например, известный американский политик Строб Тэлбот в журнале «Тайм» описал современную мировую ситуацию следующим образом: «Все страны есть не более чем социальная условность... Как бы к ним не относились их граждане, столь священными они бы ни казались, на деле все они – образования искусственные и временные... В ближайшие сто лет национальная принадлежность станет рудиментом; все нации и все государства признают единый глобальный авторитет. Фраза, бывшая модной в середине двадцатого века – «гражданин мира», обретет к концу двадцать первого столетия свое истинное значение»³⁰⁶.

При решении проблемных вопросов обеспечения стратегического сдерживания необходимо учитывать следующие факторы:

³⁰⁶ Strobe T. America Abroad; The Birth of the Global Nation, Times, July 20, 1992, P. 70.

- многополярный характер силовой структуры мира с «размытым» обликом потенциальных противников и высокой степени неопределенности реализации конкретных угроз, затрудняющей идентификацию непосредственного источника угроз, фиксацию момента их актуализации, определения цели и характера агрессивных действий противостоящей стороны;

- многоуровневый характер сдерживания;

- комплексный характер сдерживающих мероприятий и их последовательная или параллельная реализация в динамике процесса развития конфликта;

- смещение акцента на активное сдерживание, осуществляемое путем гибкого манипулирования угрозами эффектных ответных действий (в том числе адекватное применение вооруженных сил), обесценивающих ожидаемые результаты агрессии;

- стремление многих государств мира, обеспокоенных возможностью проведения против них интервенции со стороны глобальных и региональных лидеров, наращивания военного потенциала, приобретения различных видов оружия массового поражения, прежде всего ядерного, в целях надежного сдерживания возможной агрессии со стороны более сильного противника;

- применение вооруженной силы, в том числе и ядерного оружия, в интересах предотвращения эскалации конфликта, которое в определенных условиях может иметь и превентивный характер³⁰⁷.

Безопасность тесным образом связана с военным прогрессом обороны, однако предполагает адекватной реакции. Факты свидетельствуют, что Президент В.В. Путин много делал для развития сотрудничества с западными странами, в частности, американские и европейские компании получили в России выгодные контракты. Однако после мюнхенской речи Запад

³⁰⁷ Матвичук В.В., Хряпин А.П. Система стратегического сдерживания в новых условиях // Военная мысль. 2010. № 1. С. 14.

стремится к смене режима, хотя Путин заявил только одно: Россия – европейская страна, открытая к сотрудничеству с Западом, но при условии сохранения своей независимости.

Исходя из такого подхода, целесообразно рассматривать военную безопасность как важнейшую часть национальной безопасности, такое состояние страны, которое способствует развитию общества и государства, а также личности посредством реализации национальных интересов, и формирует через развитие защищенность страны от военных угроз путем сдерживания агрессора от нападения и/или гарантированного отражения агрессии³⁰⁸.

В связи с необходимостью достижения военной безопасности возникает проблема ее обеспечения. В научных исследованиях обеспечение военной безопасности рассматривается: 1) как целенаправленная деятельность государства, его органов и структур, направленная на создание необходимого уровня защищенности жизненно важных интересов страны от внешних и внутренних военных угроз; 2) как деятельность государственных и общественных институтов, органов военного управления по созданию, формированию и развитию нового качества военного организма, соответствующего характеру общественно-государственного строя страны, социальным и духовным ценностям российского народа в их исторической ретроспективе и в современном измерении, целям свободного, независимого и демократического развития государства³⁰⁹; 3) как выработка и организация системы мероприятий государства, реализация которой позволит надежно

³⁰⁸ Воробьев В.В., Уваров А.А. Основные направления воздействия денежно-кредитной системы на обеспечение военной безопасности Российской Федерации // Вестник Академии военных наук. 2014. №4(49). С. 81.

³⁰⁹ См.: Азаров В.М. Военная безопасность Российской Федерации и ее социально-политические аспекты. М.: Изд-во «Русь-Стиль XXI век», 2002. С. 28.

укрепить обороноспособность государства³¹⁰. В связи с этим целесообразно проанализировать взаимосвязь военной безопасности государства и протекающих в нем социальных конфликтов, чтобы глубже понять источники, причины, возможные сценарии их возникновения и выработки комплекса эффективных мер и способов предотвращения и устранения этой угрозы³¹¹.

В полной мере позицию сторонников военного прогресса наступления отражает один из крупнейших зарубежных исследователей А. Браун: «...Политическая культура имеет отношение к более глубинным политическим убеждениям, ценностям и политическим представлениям, чем те, что обуславливают поддержку той или иной политической партии... Характер политических культур обусловлен историческими обстоятельствами, но особенно важным является исторический опыт ныне живущих людей. При этом интерпретация собственного опыта, скорее всего, будет сильно зависеть от ценностей и убеждений, которые они усвоили в детстве и юности»³¹².

На основе анализа данных многочисленных интервью и опросов общественного мнения делается вывод о преемственности политической идеала россиян начала XXI в. и позднесоветского периода, а также о том, что характер нынешнего российского политического режима во многом этому идеалу соответствует³¹³. Подлинное возрождение России возможно только на основе духовных, исторических традиций ее народов, вместе с народами Беларуси и Украины. Если же основываться на групповых или корпоративных экономических интересах, то не только возродить, но даже

³¹⁰ См.: Синчук Ю.В. Основные направления совершенствования военной безопасности государства // Научный сборник Академии Генерального штаба №53(161) «Вопросы военной науки». М.: ВАГШ, 2009. С. 165.

³¹¹ Алиев Ш. Военная безопасность России и социальные конфликты // Военная мысль. 2010. № 4. С. 3.

³¹² Браун А. Предисловие к книге: Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать. М.: Изд. «Весь Мир», 2015.

³¹³ Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать. М.: Изд. «Весь Мир», 2015.

частично восстановить страну будет невозможно. Вот почему «Перед мировым сообществом встает задача – вместо потребительской горизонтали выстроить духовную вертикаль, выразить на языке собственной духовной традиции новое будущее, предложить миру, находящемуся в поисках глобальной революции сознания, постпотребительскую, посттехническую, постэкономическую альтернативу»³¹⁴.

Вектор направления военного прогресса должен учитывать тот факт, что развитие и применение Российской Федерацией военной силой в Арктической зоне рассматривается в качестве вынужденной меры парирования возможных угроз и пресечения агрессивных действий в отношении Российской Федерации, создания благоприятных условий для реализации и защиты национальных интересов в этом важном регионе. Создание и дальнейшее усиление возможностей ОСК, «Северный флот» – адекватный ответ агрессивным устремлением США и Запада в Арктике³¹⁵.

В глобальном мире с новой силой встает старый вопрос о многовариантности будущего, его зависимости от наших действий и наших представлений о нем. Отмечая крайне низкую сбываемость прогнозов, сделанных в 70-е гг. XX в. относительно нашего времени, А.В. Юркевич А.В. пишет: «Мы, дожив до нового тысячелетия, оказались совсем не в том будущем, которого ожидали. Но существует и еще одна возможность, состоящая в том, что при наличии разных вариантов развития человечество избрало не тот вариант, который представлялся наиболее вероятным, т. е. в каком-то смысле не прогнозы оказались неправильными, а человечество развивается «неправильным» путем»³¹⁶.

³¹⁴ Форестер Д. Мировая динамика. М.: ООО «Издательство АСТ». СПб., 2003.

³¹⁵ Максимов Н.М. Военная деятельность России в Арктике // Геополитика и безопасность. 2015. №2(30). С. 20.

³¹⁶ Юркевич А.В. Асимметрическое будущее // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 78.

Сегодня становится ясно, что мир может быть сохранен и укреплен лишь в том случае, если миролюбивые силы человечества смогут взять под контроль процессы международного развития, утвердить принципы мирного сосуществования и сотрудничества между народами, систему равноправных и справедливых политических, экономических и культурных отношений между ними. Задача эта может быть решена лишь объединенными усилиями всех прогрессивных людей мира, осознающих свою ответственность за судьбы человечества.

В глобальном мире сохраняет свою актуальность и проблема мирного урегулирования отношений между государствами, вовлеченными в локальную войну, которая ведется обычным оружием. Такие военные конфликты время от времени происходят в различных районах земного шара, и они сказываются сегодня на общей международной обстановке.

Все больше распространялось понимание взаимосвязи внешней и внутренней политики и необходимости демократизации и гуманизации общественных структур как фундамента для долгосрочного мира³¹⁷.

Специфика развития России на протяжении последнего десятилетия, т. е. рождение ее нового, по сравнению с эпохой 90-х гг., политического и государственного самосознания, призванного отразить изменение статуса российского государства в глазах членов мирового сообщества, повышение его реальной политической, военной, экономической значимости и независимости в мире³¹⁸.

³¹⁷ Яколенко А.Д. И. Первая мировая война – причина или следствие? // Война и историческая память: Тезисы докладов Междунар. научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014.

³¹⁸ Дорофеев Д.Ю. Философско-юридические основания понятия суверенности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Научный журнал. СПб., 2009. №110. С. 80.

Таким образом, военный прогресс все больше теряет традиционные параметры и его все труднее оценить с помощью военно-технического критерия, поскольку новые формы противостояния социальных систем основываются на самых передовых научных изобретениях, которые принципиально нарушают устоявшиеся представления о войне с ее четкими пространственно-временными параметрами. Размывание традиционных представлений о войне, армии, поражении нарушает всю аксиологическую шкалу, при помощи которой оценивается не только военный потенциал противника, но и перспективы существования человечества. в зависимости от содержания программ военных угроз военный прогресс должен быть направлен на дезинтеграцию противника, т.е. способствовать разложению военных угроз на относительно безопасные составляющие, минимизируя их разрушительную способность. Основанием изменения системы ценностей и критериев военного прогресса выступает достижение пределов развития в рамках действующей парадигмы.

Выводы.

Структура военных угроз предполагает определенный уровень военного прогресса, который мыслится как совершенствование отношений между обществами на принципах единства мира и взаимосвязи явлений. Детерминанты военного прогресса определяются в диалектическом синтезом объективных условий и субъективных факторов. Угрозы стране – это субъективный фактор, на основе которого принимаются решения по защите отечества. При этом логика поведения выступает как диалектическая логика, потому что она руководствуется не умозрительными аксиомами а предполагает единство материального и духовного.

Военный прогресс обороны – это реализация своих преимуществ перед противником, что подразумевает хорошее знание и своевременную нейтрализацию преимуществ врага. Для этого необходима фундаментальная

исследовательская работа, а подобными исследовательскими центрами должны выступать генштаб, разведка и контрразведка

Военный прогресс как прогресс обороны представляет собой определенную стратегию и включает в себя комплекс не только военных мероприятий, но и долгосрочные программы в политической, дипломатической и других сферах государства. Именно поэтому выработка военной стратегии является важнейшей частью развития общества и государства, ведь определенная военная стратегия свидетельствует о диалектическом единстве внутренней и внешней политики государства.

Военный прогресс обороны предполагает допустимые потери в ходе возможных военных конфликтов, обусловленных отечественной традицией сохранения Русского мира. Предотвращение военных конфликтов и расчет допустимых потерь детерминировано тем фактом, что в основе отечественной концепции военного прогресса работает принцип единства мира и всеобщей связи явлений. Он предполагает единство связей и отношений. Военный прогресс определяется не многомиллиардными затратами, а хорошим знанием слабых мест противника и анализом элементов неустойчивости противника.

Современные сторонники военного прогресса в его консервативной версии также ведущую роль в системе самоутверждения общества отводят государству. Многие теоретические разработки Н.В. Устрялова содержат в себе элементы политического прогнозирования судеб общества, вышедшего из кризиса и обладающего, как и современное российское общество, большим внутренним потенциалом развития. Предметом его изучения были и столь актуальные сегодня вопросы о месте и роли конфликта и кризиса в развитии общества, его политической сознательности и активности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военный прогресс выступает в качестве одного из основных факторов совершенствования отношений между обществами на принципах единства мира и взаимосвязи явлений. Поскольку военный прогресс имеет много сторон – идеологическую, воспитательную, организационную и техническую, то исследование его предполагает не только учет теории и практики, но и состоятельности концепций и идеологических установок, а также проверку их на уровне конкретных военных операций.

Актуализация типов военного прогресса обусловлена особенностями развития общества, которое, формируется конкретными историческими условиями, а также обусловлено географическими, геополитическими, климатическими и иными факторами. В конкретной исторической ситуации может быть востребован тот или иной тип военного прогресса, причем его содержание, проявляющееся во взаимодействии его форм и уровней, в соотношении основных его элементов, может подвергаться значительным изменениям.

Адекватный анализ военного прогресса обусловлен важным методологическим принципом: имеют место два основных направления реализации необходимого военного прогресса – это военный прогресс сил наступательного характера и военный прогресс сил обороны. Военный прогресс сил наступательного характера подразумевает достижение всяческих степеней свободы для разрешения необходимых агрессивных задач. Военный прогресс сил оборонительного характера предполагает установление необходимых общественных отношений, военная составляющая которых имеет системообразующие качества.

Военный прогресс в консервативном содержании – это попытка сохранения традиционных представлений о войне, армии и т. д. В этом

случае военный прогресс представляет собой прежде всего реализацию военных планов при помощи аппарата государства, а также придание решающего значения военным технологиям, обеспечивающим достижение желаемых военных результатов, заложенных в содержание сформулированных априори абстрактных объектов. Реализация консервативной версии военного прогресса Запада на практике представляет собой военный механизм обеспечения диктата отдельных стран по отношению ко всему остальному миру. В этом случае проявляются ярко выраженные преимущества военного потенциала отдельных стран не только в условиях военных действий, но и путем перманентного давления (постоянной угрозы военного вмешательства) в мирное время.

Военный прогресс по либеральной стратегии представляет собой доминанту, которая во многом формирует представления о военном прогрессе вообще и армии в западной традиции. Военный прогресс при таком подходе является следствием реализации идеи максимального контроля государственных структур, в том числе и армии, со стороны общественных организаций, а также использование армии для насильственного навязывания либеральных ценностей другим государствам при полном игнорировании их традиций. Военный прогресс по либеральной стратегии предполагает разработку необходимых норм права и реализации военного прогресса в рамках приоритета правового пространства. Военный прогресс в либеральной версии чаще всего выступает как стремление обеспечения выгод и обогащения для элиты так называемых «цивилизованных» стран за счет всего остального человечества. Военный прогресс – в этом случае конкурентный потенциал страны – может пополняться за счет достижения захватнических целей и получения тех богатств, которые необходимы для укрепления конкурентоспособности соответствующих субъектов-либералов.

Структура военных угроз предполагает определенный уровень военного прогресса, который мыслится как совершенствование отношений между обществом на принципах единства мира и взаимосвязи явлений, что предполагает не только учет теории и практики, но и состоятельности идеологических установок, а также проверку их на уровне конкретных военных операций. Военный прогресс должен отвечать наличным требованиям специфики проблем военных угроз: захватнической, изматывающей, порабощающей, упреждающей и т. д. В зависимости от содержания программ военных угроз военный прогресс должен иметь дезинтегрирующий характер, разлагающий военные угрозы на относительно безопасные составляющие, минимизирующий их разрушительную способность и т. д.

Военный прогресс обороны направлен на устранение социальной энтропии в обществе, что выражается в негативных процессах, которые происходят во всех сферах жизни общества, включая военный прогресс. Военный прогресс предполагает, с одной стороны, единство связей и отношений, которые определяют развитие конкретной военно-технической области, а с другой стороны, он представляет собой важную составляющую всех форм общественного прогресса: политического, экономического, культурного и др. Военный прогресс обороны предполагает допустимые потери в ходе возможных военных конфликтов, обусловленных отечественной традицией сохранения русского мира. Военный прогресс обороны базируется на мощном экономическом потенциале и боеспособных вооруженных силах, оснащенных самыми современными средствами вооружения, дальнейшего развития теории военного искусства с учетом новейших тенденций изменения содержания вооруженной борьбы и целенаправленной подготовки войск и сил к ведению войн «нового поколения». Субъекты военного прогресса обороны должны сделать все, чтобы

не допустить возникновения конфликта. Обороняющаяся сторона должна делать все, чтобы не допускать потерь, которые помешают нейтрализации агрессора. Минимизировать людские и материальные потери в зависимости от характера наступательных действий противника, его вооружений – это тактическая задача любого полководца, который одержим не агрессией, а сохранением идентичности своего общества.

Современный военный прогресс все больше теряет традиционный вид и его все труднее оценить с помощью военно-технического критерия, поскольку новые формы противостояния социальных систем основываются на самых передовых научных изобретениях, которые принципиально нарушают устоявшиеся представления о войне с ее четкими пространственно-временными параметрами. Более того, размывание традиционных представлений о войне, армии, поражении нарушает всю аксиологическую шкалу, при помощи которой оценивается не только военный потенциал противника, но и перспективы существования человечества. Неклассические проявления военного прогресса в большей степени, чем любая другая форма общественного прогресса, способствуют переходу на более высокий уровень противостояния, который требует соответствующих гарантий выживания цивилизации.

Военный прогресс обороны предполагает допустимые потери в ходе возможных военных конфликтов, обусловленных отечественной традицией сохранения Русского мира. Предотвращение военных конфликтов и расчет допустимых потерь детерминировано тем фактом, что в основе отечественной концепции военного прогресса работает принцип единства мира и всеобщей связи явлений. Он предполагает единство связей и отношений. Военный прогресс определяется не многомиллиардными затратами, а хорошим знанием слабых мест противника и анализом элементов неустойчивости противника. Ключевым понятием при

осмыслении военного прогресса должна быть четкая логика, предоставляющая возможность «передумать» стратегических противников, поскольку, по сути, нам военный прогресс не нужен, т.к. мы миролюбивое общество. Тем не менее, современная международная реальность такова, что мы находимся во вражеском окружении, поэтому, должны отслеживать стратегические моменты и замыслы западников и поступать соответствующим образом в интересах безопасности.

В глобальном мире сохраняет свою актуальность и проблема мирного урегулирования отношений между государствами, вовлеченными в локальную войну, которая ведется обычным оружием. Такие военные конфликты время от времени происходят в различных районах земного шара, и они, как никогда ранее, сказываются сегодня на общей международной обстановке. Изучение характера этих войн, причин их возникновения, а также определение путей и способов их предотвращения являются важной задачей исторической, военной и политической науки.

Реализация России своей исторической миссии позволит восстановить свое государство и преодолеть свою перманентную революцию, поскольку это можно сделать, преодолев мировую буржуазную революцию и восстановив государственную культуру как цивилизационную форму для ограничения власти в качестве общеевропейского исторического достижения. Для продолжения своей истории человечество должно быть готовым воспроизвести свое население, ограничить потребление и уметь защитить себя в военном отношении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1812 год и мировая литература. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2013. – 536 с.
2. Августин Блаженный. О граде Божием: [Электронный ресурс] 4 т. – М., 1994. – URL: <http://fanread.ru/book/6830679/?page=1>
3. Азаров, Н. Украина на перепутье. Записки премьер-министра. / Н. Азаров. – М.: Вече, 2015. – 512 с.
4. Алиев, Ш. Военная безопасность России и социальные конфликты / Ш. Алиев // Военная мысль, 2010. – № 4. – С. 3–7.
5. Алюшин, А. Л. Многоуровневое темпоральное строение реальности / А. Л. Алюшин, Е. Н. Князев // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 81-96.
6. Амирян, В. А. Военно-политическая обстановка: методология и методика оценки. Дис. ... д-ра филос. наук. – М: ГА ВС, 1992.
7. Андреев, А. Л. Историческое время как категория исторического самосознания / А. Л. Андреев // Теория и история, 2003. – № 2. – С. 25–29.
8. Андреев, А.Г. Была ли возможность предотвратить вторую мировую войну? / А. Л. Андреев // Геополитика и безопасность, 2015. – №2(30). – С. 9–13.
9. Антонович, П.И. О сущности и содержании кибервойн / П.И. Антонович // Военная мысль, 2011. – № 7. – С. 39–46.
10. Араев, С. И. Политическая безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях. Автореф. дис. ... канд. политич. наук. Москва – 2008. – 27 с. [Электронный ресурс] – URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskaya-bezopasnost-rossiyskoy-federatsii-i-ee-obespechenie-v-sovremennyh-usloviyah>
11. Армия России: состояние и перспективы / под ред. Р.Г. Яновского, Ю.И. Дерюгина. – М., 1999. – 286 с.

12. Артёмов, В. Н. Институциональный человек: от общества риска к обществу знания: монография. / В. Н. Артёмов. – Саратов: Саратовский источник, 2014. – 166 с.
13. Афонский, Л. Славянофилы: прозрения и ошибки / Л. Афонский – URL: <http://www.moskva.cdru.com/>.
14. Бабич, В. В. О подходах к определению форм военных (боевых) действий / В. В. Бабич // Вестник Академии военных наук. 2013. – №3(44). – С. 48–55.
15. Бабич, В.В. О системе основных категорий и понятий военной науки / В. В. Бабич // Военная мысль. 2010. – № 11. – С 17–25.
16. Бабурин, С. Н. Глобализация в перспективе устойчивого развития. / С. Н. Бабурин, М. А. Мунтян, А. Д. Урсул – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
17. Бадью, А. Загадочные отношения философии и политики. /А. Бадью – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. – 112 с.
18. Байдаров, Е. У. Роль техники в культурно-цивилизационном развитии социума (в аспекте эволюционно-детерминистской глобалистики) / Е. У. Байдаров // Credo. 2009. – № 4 (60). – С. 98–117
19. Барабин, В. В. Военно-политическая деятельность государства: социально-философское исследование / В. В. Барабин – М.: Изд-во «Международная программа образования», 1999. – 144 с.
20. Баринов, А. Новый век империй / А. Баринов // Имперское возрождение. 2010. – № 5.
21. Барлыбаев, Х. А. Общая теория глобализация и устойчивого развития./ Х. А. Барлыбаев – М.: Издание Государственной Думы, 2003.
22. Барулин, В. С. Соотношение материального и идеального в обществе : (методологические аспекты проблемы)/ В. С. Барулин – М.: Политиздат, 1977. – 143 с.

23. Батюк, В. Российско-американские отношения: что нам ждать в 2007 году? / В. Батюк // Московские новости. 2007, 19–25 января.

24. Бахтуридзе, З. З. Геополитический ракурс международных отношений в эпоху «пост»/ З. З. Бахтуридзе // Геополитика и безопасность. 2015. – №2(30) – С. 63-67.

25. Бекетов, В. Обеспечение национальной безопасности России в военной сфере / В. Бекетов // Обозреватель – Observer. 2007. – № 11.

26. Бельков, О. А. Война: инвариантная сущность и множество ее интерпретаций / О. А. Бельков // Проблемы безопасности: бюллетень НИЦ «Наука-XXI». –2009. – № 5.

27. Бельков, О. А. Предварение к теории (концепции) национальной безопасности / О. А. Бельков // Военно-философский вестник. 2008. – № 2 (02). – С. 30–36.

28. Бельков, О. А. Понятие «война» и его аберрации в отечественном дискурсе / О. А. Бельков // Власть, 2009. – Сентябрь.

29. Бельков, О. А. Предмет исследования – война / О. А. Бельков // Военно-философский вестник. 2010. – № 4. – С. 48–52.

30. Бентли, Дж. Межкультурные взаимодействия и периодизация Всемирной истории / Дж. Бентли // Структуры истории. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций (под ред. проф. Н. С. Розова). Выпуск 2. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. – С. 171–204.

31. Бердяев, Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – 736 с.

32. Бердяев, Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев // Гл. VII. М., Изд-во АСТ, 2011. – 639 с.

33. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы: [Электронный ресурс] / З. Бжезинский // пер. с англ. – М.: Междунар. отношения, 1998. – URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/AMERICA/bzhezinskij.txt>

34. Бжезинский, З. Большой провал. Агония коммунизма в кн. Квинтэссенция: Философский альманах / З. Бжезинский // сост.: В.И. Мудрагей, В.И. Усанов. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с.

35. Блюменкранц, М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта / М. Блюменкранц // Вопросы философии. 2007. – №1. – С. 47–60.

36. Бодрийяр, Ж. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр // Художественный журнал. 1994. – № 3.

37. Большаков, В. Можно ли начать «просто жить»? / В. Большаков // Литературная газета. 2008. – 10–16 декабря.

38. Бородин, А. А. Аксиология процесса социальной эволюции в глобализирующемся мире / А. А. Бородин // Глобализация: pro et contra: Материалы Международной конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». СПб.: Астерион, 2006. – С. 89–91.

39. Браун, А. Предисловие к книге: Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать / А. Браун. – М.: Изд. «Весь Мир», 2015. – 384 с.

40. Браун, С. Причины войны: структурные факторы / С. Браун // Война и геополитика. Вып. 3. Время мира. Новосибирск, 2003. – С. 60–74.

41. Брода, М. Русские вопросы о России / М. Брода. // пер с польск. – М.: МАКС Пресс, 2005. – 304с.

42. Буранок, А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис... канд. ист.

наук Оренбург, 2009. [Электронный ресурс] – URL: <http://cheloveknauka.com/informatsionnoe-obespechenie-russko-yaponskoj-voyny-v-provintsii>

43. Буркин, А. И. Полковые священники России: духовная природа воинского служения / А. И. Буркин // Военная мысль. 2010. – № 4. – С. 68–77

44. Бушин, В. Пятая колонна / В. Бушин. – М.: Алгоритм, 2014. – 240 с.

45. Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада /П. Дж. Бьюкенен. – М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2003. – 444 с.

46. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. / И. Валлерстайн // Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит, наук Б. Ю. Кагарлицкий – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.

47. Варченко, И.Б. Военная политика России в переходный период: автореф. дис. ... канд. филос. наук. -М.: ГА ВС, 1994.

48. Василенко, И.А. Геополитика современного мира: учеб. пособие/И.А. Василенко. – М.: Гардарики, 2006. – 340 с.

49. Васильев, Л. С. Проблемы генезиса китайского государства: (Формирование основ социальной структуры и политической администрации) / Л. С. Васильев. – М.: Наука, 1983. – 326 с.

50. Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 480 с.

51. Вахрамеев, А. В. Национальная безопасность России: Декларации и реальность / А.В. Вахрамеев, С.Г. Кулешов. – М: Вузовская книга, 2003. – 259 с.

52. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 190 с.

53. Верховцева, Т. Е. Соборность: русская традиция и русский идеал / Т. Е. Верховцева // Теория и история. 2004. – № 3.
54. Вершков, А. В. Социальная энтропия / А. В. Вершков // Теория и история. 2007. – № 2. – С. 193.
55. Вершков, А. В. Тектологическая практика как критерий истины / А. В. Вершков // Теория и история. 2007. – № 1. – С. 202–208.
56. Викулов, С. Ф. Экономика войны и война экономик: введение в проблему / С. Ф. Викулов // Вестник Академии военных наук. 2013. – 2(44).
57. Владыкин, О. Без противника / О. Владыкин // Московские новости. 2007. – № 3. – 26 января – 1 февраля.
58. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 5 февраля 2012 г.
59. Возжеников, А. В. Национальная безопасность теория, политика, стратегия / А. В. Возженков – М НПО «Модуль», 2000. – 333 с.
60. Возжеников, А. В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения / А.В. Возжеников // Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2002. – 423 с
61. Война, которую выиграли не мы... а русские // The Sunday Times // Аргументы недели. 2006. – № 20 (33). – 21 января.
62. Волков, В. А. Военно-политическая деятельность государства (философско-политологический анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. - М.: ГА ВС, 1994.
63. Волков, С. Злополучное звено / С. Волков // Литературная газета. 2007. – 7–13 марта.
64. Волковский, Н. Л. История информационных войн: в 2 ч./ Н. Л. Волковский. – Ч. 2. СПб., 2003. – С. 70.
65. Волкогонов, Д. А. Семь вождей / Д. А. Волкогонов // в 2 кн. – М.: Изд-во «Новости», 1995. – Кн. 1. – 349 с.

66. Волобуев, П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность / П. В. Волобуев. – М.: Политиздат, 1987. – 312 с.
67. Володихин, Д. М. Рюриковичи / Д. М. Володихин. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 455 с.
68. Воробьев, И. Н. Комментарии к статье «Войны настоящего и будущего» / И. Н. Воробьев, В. А. Киселёв // Военная мысль. 2011. – № 5. – С. 54–58.
69. Воробьев, И. Н. Стратегия непрямых действий в новом облике / И. Н. Воробьев, В. А. Киселёв // Военная мысль. – 2006. – № 9.
70. Воробьев, И. Н. Вооруженный конфликт: борьба с диверсионно-террористической деятельностью противника / И. Н. Воробьев, В. А. Киселёв // Военная мысль, 2006. – № 1.
71. Воробьев, И. Н. Комментарии к статье «Войны настоящего и будущего» / И. Н. Воробьев, В. А. Киселёв // Военная мысль, 2011. – № 5. – С. 54–58.
72. Воробьев, И. Н. О кодексе чести офицера русской армии / И. Н. Воробьев, В. А. Киселёв // Военная мысль, 2012. – № 2. – С. 70–78.
73. Воробьев, И. Н. Современная война и экономика / И. Н. Воробьев, В. А. Киселёв // Армейский сборник, 2015. – №4(250). – С. 3–5.
74. Воробьев, И. Н. Философско-математический аспект формирования сетецентрической системы боевых действий / И. Н. Воробьев // Военная мысль, 2012. – № 6. – С. 11–23.
75. Воробьева, Э. А. Русско-японская война и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока: дис... к.и.н. Новосибирск, 2009. – 248с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/.pdf>
76. Восканян, М. Монополизация свободы / М. Восканян // Однако. 2011. – 2 мая. – С. 48–52.

77. Всепроникающий storytelling // Le Monde diplomatique. 2006. – ноябрь.
78. Всероссийская Книга Памяти, 1941–1945. Обзорный том. М., 2005. – 334с.
79. Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995. – С. 314–318.
80. Вторая мировая война: Итоги и уроки. М., 1985. – 448 с.
81. Выродов, И. Я. Проблема развития системы стратегического руководства Вооруженными Силами СССР: (исторический опыт, закономерности, принципы, тенденции): автореф. дис. ... д-ра воен. наук. - М.: ВА ГШ, 1984.
82. Вялых, В. В. Социально-философский анализ политического риска [Электронный ресурс]. / В. В. Вялых // Теория и практика общественного развития: электронное периодическое издание. 2013. – № 6. – URL: cyberleninka.ru/article/n/sotsialnofilosofskiy-analiz-politicheskogo-riska.
83. Гаджиев, К. С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. 2008. – № 5. – С. 14–31.
84. Гаджиев, К. С. Тоталитаризм как феномен XX века / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. 1992. – № 2. – С. 3–25.
85. Гареев, М. А., Слипченко В.Н. Будущая война / М. А. Гареев. – М.: ОГИ, 2005– 144 с.
86. Гареев, М. А. Полководцы Победы и их военное наследие: очерки о военном искусстве полководцев, завершивших Великую Отечественную войну/ М. А. Гареев. – М.; «Ин-сан», 2003. – 448 с.
87. Гасанов, И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага» / И. Б. Гасинов. – М., 1994. с 3–7.
88. Гацко, М. Внешние угрозы военной безопасности России / М. Гацко // Обозреватель – Observer. 2006. – № 10 – С. 14.

89. Гацко, М. Ф. О сущности понятий «военная угроза» и «военная опасность», их соотношении в системе военной безопасности России / М. Гацко // Военная мысль, 2006. – № 4.

90. Геббельс, Й. Дневники 1945 г.: Последние записи / Пер. с нем. Смоленск, 1993. – С. 298–302.

91. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Гегель // Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

92. Герасимов, В. Новые формы противоборства, применяемые западными странами, будут учтены при разработке плана обороны страны / В. Герасимов // Армейский сборник, 2015. – Март. С. 3–6.

93. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет наш мир / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.

94. Гиренок, Ф. И. Метафизика пата. Косноязычие усталого человека / Ф. И. Гиренок. – М.: Лабиринт, 1995. – 307 с.

95. Гладкая, Е. А. Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX в.: дис... к.и.н. Ставрополь, 2009.

96. Глен, Т. М. «Суверенные» национальные государства как источник терроризма и прочность мирового порядка / Т. М. Глен / пер. с англ. А.В.Митрофановой // Вестник Российского философского общества, 2004. – № 3. – С. 69–71.

97. Глинчикова, А. Г. Социальное значение русского раскола / А.Г.Глинчикова // Вопросы философии. 2008. № 6. – С. 17–28.

98. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. / Гоббс Т. // Соч. в 2 т. М., Мысль, 1991. – Т.2. – 731 с.

99. Гоббс, Т. Человеческая природа. / Гоббс Т.// Сочинения в двух томах. М., Мысль. 1989. –Т.1. – С.507–573.

100. Голубев, А. Ю. Формирование воинского духа и его значение для Русской Армии / А. Ю. Голубев // Военная мысль. 2010. – № 10. – С. 52–63.

101. Голубев, В. И. Национальная безопасность концептуальные основы, механизм обеспечения, слагаемые национальной безопасности России (современная концепция безопасности и проблемы ее реализации) / В. И. Голубев, В. С. Пусько. – М: ВУ, 1996.

102. Гончаров, Е. А. Симфоническая (соборная) личность / Е. А. Гончаров // Теория и история, 2004. – № 3.

103. Горбачев, Ю. Е. Сетецентрическая война: миф или реальность? / Ю. Е. Горбачев // Военная мысль, 2006. – № 1. – С.76.

104. Горозия, В. Е. Отчужденный мир и проблема социализации человека / В. Е. Горозия // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Выпуск 1. / Сборник философских статей. Под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В. Санкт-Петербург: Издательство «Петрополис», 2001. – С.68–86.

105. Григоренко, Д. Е. Аграрные реформы П.А. Столыпина в контексте современного социального мифотворчества / Д. Е. Григоренко // Теория и история. 2007. – №1. – С. 64–73.

106. Григоренко, Д. Е. Акосмизм как уклонение от логоса естествоповелительности / Д. Е. Григоренко // Теория и история, 2014. – №2(26). – С. 27.

107. Григоренко, Д. Е. Научное управление обществом в системе основных проектов науки / Д. Е. Григоренко // Теория и история, 2011. – № 2. – С. 61–79.

108. Григоренко, Д. Е. Адекватность концепции управления обществом его культуры и цивилизации/ Д. Е. Григоренко. – Красноярск, 2007. – 160 с.

109. Грищенко, Д. Ю. Политическая безопасность современного Российского государства состояние и механизм обеспечения Автореф дис . канд полит наук. [Электронный ресурс] / Д. Ю. Грищенко // Владимир, 2008. – URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskaya-bezopasnost-sovremennogo-rossiyskogo-gosudarstva-sostoyanie-i-mehanizm-obespecheniya>

110. Грякалов, А. А. Контекст глобализации и философия события/ А. А. Грякалов // Глобализация: Pro et contra: Материалы Международной конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – СПб.: Астерион, 2006. – С. 22–32.

111. Гузей, Я. С. «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Автореф. дис. канд. ист. наук / Я. С. Гузей // СПб., 2014.

112. Гулевский, А. Н. О диалектике силы и слабости в философском осмыслении войны / А. Н. Гулевский // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; «Фора-принт», 2014. – С. 87.

113. Гумилев, Л. Н. Поиски вымышленного царства ТАНАИС / Л. Н. Гумелев. – М.: ДИ-ДИК, 1994. – 480 с.

114. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Даниловский. – М., 2010. – 664 с.

115. Даниленко, В. Н. Декларация прав и реальность: К 200-летию Декларации прав человека и гражданина / В. Н. Даниленко. – М.: Международные отношения, 1989. – 208 с.

116. Даниленко, И. С. Политическая безопасность (К разработке методологии и практики вопроса) / И. С. Даниленко // Безопасность. – 1993. – №3.

117. Даниленко, И.С. От прикладной военной науки к системной науке о войне / И. С. Даниленко // Объект, предмет и структура военной науки / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. ВАГШ. М., 2008. – 80 с.

118. Дармокрик, В. Ф. Политическая безопасность в современной России. Автореф. дис. канд. полит наук. – Саратов, 2007.

119. Дашичев, В. Глобальные ответы на глобальные вызовы / В. Дашичев // Литературная газета. 2007. 14–20 марта.

120. Декларация нравственного социализма / П. И. Юнацкевич, В.А. Чигирев, Е.Ф. Матвейчук и др.; под ред. В.А. Чигирева. СПб.: Институт нравственности, 2006.

121. Делокаров, К. Х. Глобализация и проблемы нелинейности цивилизационного развития / К. Х. Делокаров, Ф. Д. Демидов // Глобализация и перспективы современной цивилизации / отв. ред. К.Х. Делокаров. М.: КМК, 2005. – 236 с.

122. Делягин, М. Г. Слишком много страха / М. Г. Делягин // Литературная газета. 2007. – 17–23 января.

123. Делягин, М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций / М. Г. Делягин // 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.

124. Демин, В. Н. Лев Гумилев / В. Н. Демин. – М.: Молодая гвардия, 2007. 310 с.

125. Денгофф, М. Границы свободы: Капитализм должен стать цивилизованным: пер. с нем. / М. Денхофф. – М. : Международные отношения, 2001 . – 232 с.

126. Дерюгин, Ю. И. Концептуальные основы политической безопасности России / Ю. И. Дерюгин // Безопасность, 1999 – № 7–8.

127. Дзлийев, М. И. Основы обеспечения безопасности России : Учебное пособие / М. И. Дзлийев, А. Д. Урсул, Рос. гос. торг.-экон. ун-т, НИИ проблем безопасности и устойчивого развития. – М. : Экономика, 2003. – 421 с.

128. Дмитриев, А. П. Методологические основы общей теории безопасности. Общая теория безопасности / А. П. Дмитриев // Под ред. А.И. Позднякова – М ВАГШ, 1994

129. Дмитриев, О. А. Память о Первой мировой войне: вопросы патриотизма / О. А. Дмитриев // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. – С. 4–6.

130. Добренское, В. И. Эволюция политической безопасности страны / В. И. Добренское // Информационно-аналитический бюллетень, 1997. – № 29.

131. Дорофеев, Д. Ю. Философско-юридические основания понятия суверенности / Д. Ю. Дорофеев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. № 110. Научный журнал. СПб., 2009. – С. 79–90.

132. Дугин, А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. / А. Г. Дугин – М.: «Арктогея», 1997. – 608 с.

133. Дульнев, П. А. Основные изменения в характере вооруженной борьбы первой трети 21 века / П. А. Дульнев, В. И. Орлянский // Вестник Академии военных наук. – 2015. – №1(50). – С. 44–50.

134. Дылевский, И. Н. Операции в киберпространстве: вопросы теории, политики, права / И. Н. Дылевский, С. А. Комов, С. В. Коротков, А. Н. Петрунин // Военная мысль. 2011. – № 8. – С. 72–78.

135. Евдаков, В.И. Характерные черты и особенности войн начала XXI века / В. И. Евдаков, С. Д. Мещеряков // Вестник Академии военных наук. 2008. – № 3.

136. Ермаченко, И.О. Странный враг: образ Японии в специализированной русской прессе 1904–1905 гг. / И. О. Ермаченко // Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001. – Ч. 2. – С. 3–7.

137. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М.: Художественный журнал, 1999. – 236 с.

138. Снесарев, А. Е. Жизнь и труды Клаузевица / А. Е. Снесарев // Предисл. Ю.Н. Балуюевского; вступ. ст. И.С. Даниленко; статьи В.К. Белозёрова и Д. Хойзер. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2007. – 384 с.

139. Жукова, Л. В. Место в истории / Л. В. Жукова // Литературная газета. 2011. 29 июня – 5 июля.

140. Жукова, Л. В. Идеологическое обоснование русско-японской войны 1904–1905 гг.: дис. ... к.и.н. / Л. В. Жукова // М., 1996.

141. Жукова, Л.В. Появление в России мифа о «желтой опасности» / Л. В. Жукова // Обозреватель-Observer. М., 2009. № 12. С. 121-127.

142. Жуковский, М. В. Политическая безопасность общества и проблемы ее обеспечения в Российской Федерации / М. В. Жуковский // Безопасность, 2002 – № 1–2.

143. Журавлева, В. И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914 / В. И. Журавлева. – М., 2012. – 1132 с.

144. Журавлева, В.И. Русский «другой» в американской политической карикатуре: от века XIX к веку XXI / В. И. Журавлева // Вестник РГГУ. М., 2012. – №7. – С. 66.

145. Задорожнюк, И. Е. Гражданская религия в Америке: несостоятельность новых интерпретаций / И. Е. Задорожнюк // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 62–73.

146. Зайцев, А. Пентагон готовится к превентивным ядерным ударам / А. Зайцев, Д. Литовкин // Известия, 2005. – 14 сентября.

147. Запольскис, А. Военная мощь НАТО: «последний шанс»? [Электронный ресурс]. / А. Запольскис – URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1893107.html#ixzz3RIka0BPi>

148. Звинчуков, Н. И. Строительство Вооруженных Сил России и современный мир / Н. И. Звинчуков // Вестник Международной кафедры ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН. – М., 1998.

149. Зеленко, Б. И. Демократия в современной России: непростое сочетание / Б. И. Зеленко // Вопросы философии. 2008. № 5. – С. 3–13.

150. Зиммель, Г. Человек как враг [Электронный ресурс]. / Г. Зиммель – URL: <http://www.musa.narod.ru/zimml.htm>

151. Зиновьев, А. А. Спрут «сверхобщества» / А. А. Зиновьев // Литературная газета, 2006. – 21–27 июня.

152. Зиновьев, А. А. Запад. Феномен западнизма / А. А. Зиновьев – М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. – 512 с.

153. Зиновьев, А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.

154. Золотарев, В. А. Военная безопасность Отечества: (историко-правовое исследование) / В. А. Золотарев. – М., Кучково поле, 1998г. – 462 с.

155. Зотов, Г. Планета имени Бен Ладена / Г. Зотов // Аргументы и факты. 2007. – № 1–2.

156. Иванов, С. Б. Вооруженные силы России и ее геополитические приоритеты / С. Б. Иванов // Россия в глобальной политике. 2004. – № 1.

157. Иванов, С. Г. Небольшое рассуждение об универсалиях, либерализме и сталинской эпохе / С. Г. Иванов // *Credo*. 2009. – № 3(59). – С. 154–184.

158. Ивашов, Л. Г. Глобальный мир стремится к биполярности / Л. Г. Ивашов // *Геополитика и безопасность*. 2012. – №1 (17). – С. 28–33.

159. Изгарская, А. Социально-философская реконструкция развития геополитических концепций / А. Изгарская // *Война и геополитика*. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / под ред. Н.С. Розова. –Новосибирск, НГУ, 2003. – С. 265–287.

160. Ильин, И. А. Наши задачи / И. А. Ильин // Т. 1. М.: Айрис Пресс, 2008. Ильин И.А. Наши задачи: статьи 1948 – 1954 гг.: [в 2 т.]– Москва: Айрис-пресс, 2008. – Т. 1. – 526 с.

161. Ильин, И. А. Наши задачи / И. А. Ильин // Т. 1. М.: Айрис Пресс, 2008. Ильин И.А. Наши задачи: статьи 1948 – 1954 гг.: [в 2 т.] – Москва: Айрис-пресс, 2008. – Т. 2. – 506 с.

162. Ильин, И. В. Глобалистика в контексте политических процессов / И. В. Ильин. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 304 с.

163. Ильин, Ю. Д. Право человека и государства на безопасность в современном мире / Ю. Д. Ильин. – М.: НОРМА, 2007. – 228 с.

164. Ильин, И. А. О сущности правосознания / подгот. текста и вступит, ст. И.Н. Смирнова / И. А. Ильин. – Москва: Рарогъ, 1993. – 235 с.

165. Ильин, В. И. Россия: общество политического потребления / В. И. Ильин // *Философские науки*, 2007. – № 7. – С. 49–66.

166. Иноземцев, В. Л. Вестернизация как глобализация и 'глобализация' как американизация / *Философия и общество* / В. Л. Иноземцев // *Вопросы философии*. – 2004. – № 4. – с. 58–69.

167. История методологии социального познания. Конец XIX–XX век. М., 2001. – 247 с.

168. Казаева, Е.А. Проблемы развития гражданского воспитания в истории педагогической мысли России / Е.А. Казаева // Актуальные проблемы высшего педагогического образования: сб. науч. ст. – Москва-Шадринск: ГОУ ВПО «ШГПИ». – 2008. – С. 115–121.

169. Казин, А. Частицы бытия / А. Казин. – СПб.: Алетейя, 2013. – 296 с.

170. Калаков, Н. И. Методология прогностического исследования в глобалистике (на материале анализа прогнозирования социально-образовательных процессов) / Н. И. Калаков. – М.: Академический Проект; Культура, 2010. – 747 с.

171. Калашников, В. Д. Научная теория и научная история / В. Д. Калашников // Теория и история. 2002. № 1. С. 46-58.

172. Калашников, В. Д. Советы всея Руси / В. Д. Калашников // Теория и история. 2004. – № 2. – С. 12–27.

173. Калашников, М. В. Понятие «либерализм» в политическом дискурсе Н.А. Бердяева в годы Первой мировой войны / М. В. Калашников // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. – С. 67–68.

174. Калашников, М. В. Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века / М. В. Калашников // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. М., 2012. – Т. 1. – С. 464–513.

175. Калмыков, А. А. О виртуалистической природе коммуникации / А.А. Калмыков // Философские науки: Научно-теоретический журнал. – №8. – С.76–87.

176. Кара-Мурза, С. Г. Катастрофы, хаос, развитие/ С. Г. Кара-Мурза. – М.: Смес, 1998.

177. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2006. – 832 с.

178. Карпиленя, Н. В. Геополитика: борьба за пространство и могущество в Евразии / Н. В. Карпиленя // Вестник Академии военных наук. 2014. – №4 (49). – С. 4–9.

179. Карпухин, Б. В. О некоторых тенденциях в военном строительстве в начале XXI века / Б. В. Карпухин, С. В. Лемешев //Актуальные вопросы военной безопасности, аналитический вестник Совета Федерации. – М., 2008. – № 19 (364).

180. Карпухин, В. Б. Политика государства в сфере военного строительства как основа безопасности Российской Федерации: дис... канд. полит, наук. – М.: ВУ, 2007 [Электронный ресурс] / В. Б. Карпухин – URL: <http://cheloveknauka.com/politika-gosudarstva-v-sfere-voennogo-stroitelstva-kak-osnova-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii>.

181. Карр, Э. Х. Двадцать лет кризиса: 1919-1939. Введение в изучение международных отношений / Э. Х. Карр // Теория международных отношений. – М., 2003. –С. 57. – С. 49–68.

182. Кива, А. Совершенно иная Россия / А. Кива // Литературная газета. 2006. 13–19 декабря.

183. Кикнадзе, В. Г. Военное искусство и разведка в большой стратегии Византийской империи / В. Г. Кикнадзе // Военно-исторический журнал. 2012. – № 9. – С. 30–35.

184. Кириленко, В. П. Современный терроризм – глобальная угроза человечеству / В. П. Кириленко, А. Ю. Пиджаков. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 464 с.

185. Кефели, И. Ф. Судьба России в глобальной геополитике / И.Ф.Кефели. – СПб.: Северная звезда, 2004. – 286 с.
186. Кефели, И. Ф. Философия геополитики И. Ф. Кефели. – М., 2008. – 207 с.
187. Киселев, С. Г. Закат Америки как апогей трансформации геополитической модели мира / С. Г. Киселев // Геополитика и безопасность. 2015. – № 2 (30). – С. 68–72.
188. Климов, Г. «Потешные» из Янчихе [Электронный ресурс] / Г. Климов. – URL: http://www.ytrovostoka.ru/46/Istoriya/Poteshnie_iz_YAnchihe].
189. Карев, В. Потешные полки [Электронный ресурс] / В. Карев. – URL: <http://www.rusizn.ru>].
190. 1-й Высочайший смотр «потешных» [Электронный ресурс] – URL: <http://pereklichka.livejournal.com/110753.html>].
191. Климович, А Т Политические и социокультурные аспекты безопасности общества в современных условиях / А. Климович. – М.; ВАГШ, 1996.
192. Ключников, Б. Большая Европа Владимира Путина Б. Ключников. – М., ИД «Звонница-МГ», 2013. – 208 с.
193. Князев, Н. А. Философские основы проектного анализа науки / Н.А.Князев // Теория и история. 2004. – № 3.
194. Ковалев, А. М. Диалектика способа производства общественной жизни / А. М. Ковалев. – М.: Мысль, 1982. – 255 с.
195. Ковалевский, Н. Ф. «Цена победы»: отзвук гуманизма или понятие с военно-историческим изъясном? / Н. Ф. Ковалевский // Военно-исторический журнал. 2012. – № 5. – С. 3–7.
196. Козляков, В. Н. Герои Смуты / В. Н. Козляков. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 351 с.

197. Кокошин, А. А. Ядерные конфликты в XXI в.: типы, формы, возможные участники / А. А. Кокошин. – М: Медиа-Пресс, 2003. – 144 с.

198. Колдомасов, И. О. Образ союзников по антигитлеровской образ союзников в представлениях советского общества 1941–1945 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург – 2010. [Электронный ресурс] – URL: <http://cheloveknauka.com/obraz-soyuznikov-po-antigitlerovskoy-koalitsii-v-predstavleniyah-sovetskogo-obschestva-1941-1945-gg>

199. Колин, Ю. В. Преемственность исторической памяти как фундамент демократических ценностей / Ю. В. Колин // Credo. 2006. – № 2(46). – С. 196–215.

200. Коллинз, Р. Конфликт с применением насилия и социальная организация: некоторые теоретические следствия из социологии войны / Р. Коллинз // Время мира. Вып. 3. Война и геополитика / под ред Н. С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2013. – С. 35–59.

201. Колмаков, В. Ю. Духовно-информационная тектология культуры / В. Ю. Колмаков // Теория и история. 2004. – № 3.

202. Комаров, В. Д. Актуализация нравственного смысла / В. Д. Комаров // Теория и история, 2007. – № 2.

203. Кондаков, Е. Е. Невоенные меры обеспечения военной безопасности Российской Федерации / Е. Е. Кондаков // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке: сб. научных статей / под общ. ред. А. В. Квашнина. М.: ГШ ВС РФ, 2004. – С. 292–317.

204. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Дипломатический вестник. 2000. – № 2.

205. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. – 2000. – 14 июня.

206. Кончаловский, А. Новая диктатура / А. Кончаловский // Аргументы недели, 2007. – 25 января.

207. Коровянский, А. И. Военная безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях» / А. И. Коровянский, В. И. Лутовников // Под общ. ред. И.К.Макаренко. М.: Изд-во РАГС, 2008. – 214с.

208. Королева, Л. В. Сибирь – учиться жизни / Л. В. Королева // Литературная газета. 2006. – 22–28 марта.

209. Королькова, Е.Д. Восприятие Первой мировой войны в европейской и североамериканской / Е. Д. Корольков // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. – С. 91–92.

210. Картунов, С.В. Становление политики безопасности : Формирование политики нац. безопасности России в контексте проблем глобализации: Монография / С. В. Картунов // Ин-т стратег. исслед. междунар. обществ. фонда / «Фонд нац. и междунар. безопасности». – М.: Наука, 2003. – 611 с.

211. Кулагин, В. М. Международная безопасность / В. М. Кулагин // Учебное пособие. – М., АСПЕКТ ПРЕСС, 2006. – 318 с.

212. Коршунов, С. В. Становление политики безопасности. Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации / С. В. Коршунов. – М.: Наука, 2003.

213. Косов, Ю. В. Безопасность: геополитический аспект / Ю. В. Косов // Внешняя политика и безопасность современной России 1991-2002. Хрестоматия в 4-х т. Т.2. – М.: МГИМО-РОСПЭН, 2002.

214. Косолапов, Н. В. Безопасность международная, национальная и глобальная: взаимодействие или противоречивость? / Н. В. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. 2006. – № 9. – С. 3–14.

215. Косолапов, Р. И. Истина из России: сборник / Р. И. Косолапов. – Тверь : Сев. корона, 2004. – 665 с.
216. Костырев, С. В. Концепция сетецентрических войн в свете доктрины «Единый взгляд 2020» / С. В. Костырев, О. Ю.Ефремов, С. Э. Звере // Военная мысль. 2014. – № 1. – С. 58–64.
217. Кох, Л. А. О конфликте глобальных интересов и национальной безопасности в России / Л. А. Кох // Военная мысль. 2011. – № 6. – С. 14–25.
218. Кочергин, А. Н. Философия выживания / А. Н. Кочергин // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003, – 1328 с.
219. Красиков, В. И. Дискуссии по евразийству и формирование евразийской социальной сети в русской эмиграции 20-30 гг. XIX века / В. И. Красиков // Credo. 2012. – № 1(69). – С. 76–85.
220. Красиков, В. И. Социальная агрессивность и гуманитарные исследования / В. И. Красиков // Социальная агрессивность. Третьи Кузбасские философские чтения: Материалы междунар. конф. Кемерово, 27–28 мая 2004. – В 2 ч. – Ч. 2. / Отв. ред. В. П. Щенников. Кемерово, 2004. – Ч. 1. – 193 с.
221. Кревельд, М. Трансформация войны / М. Кревельд // Пер. с англ. - М.: Альпина Бизнес букс, 2005. - 344 с.
222. Крижанич, Ю. Политика / Ю. Крижанич. – М : Новый Свет, 1997. – 527 с.
223. Кротов, Д В Политическая безопасность России проблемы обеспечения в Южном федеральном округе. Дис. ... канд полит, наук - Р н/Д, 2002. [Электронный ресурс] – URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskaya-bezopasnost-rossii-problemy-obespecheniya-v-yuzhnom-federalnom-okruge>
224. Круглов, В. В. Новый подход к анализу современного противоборства / В. В. Круглов // Военная мысль, 2006. – № 12.

225. Круглов, В. В. О скрытых угрозах национальной безопасности Российской Федерации и методы их выявления / В. В. Круглов // Военная мысль. 2010. – № 3. – С. 3–12.

226. Кудашов, В. И. Великая победа и поражение России / В. И. Кудашов // Теория и история. 2005. – № 1. – С. 59–71.

227. Кудашов, В. И. Достоинство философа в современном мире (Субъективные заметки по поводу III Российского философского конгресса) / В. И. Кудашов // Теория и история. – 2002. – № 1. – С. 89–98.

228. Кузнецов, В. А. Начало военно-философской мысли в Древнем Китае / В. А. Кузнецов // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33 (324). Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. – С. 129–134.

229. Кузнецов, В. Н. Социология безопасности: формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе / В. Н. Кузнецов. – М.: Изд-во «Республика», 2002. – 367 с.

230. Кузнецов, В. Ю. Мир единства. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2010. – 207 с.

231. Кузнецова, Н. А. Об актуальности проблем, связанных с угрозой информационной безопасности / Н. А. Кузнецова // Вестник Академии военных наук. 2013. – № 3(44). – С. 46–47.

232. Кузьмин, В. И. Современная геополитическая ситуация и проблемы военной реформы / В. И. Кузьмин, Н. А. Галуша, В. А. Рябошапко // Вестник Академии военных наук. 2008. № 3. – С. 9 – 11.

233. Кузьмин, В. П. Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. / В. П. Кузьмин // 2-е изд., М.: Политиздат, 1980. – 312 с.

234. Куксо, К. А. Фигуры народа: генеалогия исторического агента / К. А. Куксо // Credo new, 2006. – № 2 (46). – С. 32–54.

235. Кулаков, А. В. Система геополитических факторов и ее влияние на пограничную политику Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. – М., 2000. – 48 с. [Электронный ресурс] – URL: <http://cheloveknauka.com/sistema-geopoliticheskikh-faktorov-i-ee-vliyanie-na-pogranichnuyu-politiku-rossiyskoy-federatsii>.

236. Куликов, В. А. Военно-технические аспекты предотвращения войн / В. А. Куликов // Военная мысль, 2006. – № 5.

237. Куликов, Д. Антимиф. Очистить себя от лжи о самих себе / Д. Куликов // Однако. 2013. – Август–сентябрь. – С. 26–55.

238. Куликов, Д. Победа как национальный архетип и стержень русской культуры / Д. Куликов, Т. Сергейцев // Однако. 2013. – Август–сентябрь. – С. 268–277.

239. Кургинян, С. Понимать надо! / С. Кургинян // Литературная газета. 2005. – 27 апреля – 5 мая.

240. Куропаткин, А.Н. Русская армия / А.Н. Куропаткин. – Спб.: ООО «Издательство Полигон», 2003. – 590 с.

241. Курочко, М. М. Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы / М. М. Курочко // Проблемы безопасности: неклассические войны современности. Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука – XXI». – 2008. – №3. С. 3–25.

242. Курукин, И. В. Романовы / И. В. Курукин. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 527 с.

243. Кутырев, В. Устойчивое общество: его друзья и враги/В. Кутырев // Москва, 1999. – № 3. – С.156– 163.

244. Кучерявый, М. М. Военная безопасность России. Монография / М. М. Кучерявый. – Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2010. – 186 с.

245. Къеза, Д. Мощная атака на Россию / Д. Къеза // Литературная газета. 2006. – 22–28 ноября.

246. Лавров, В. Брань и ужас / В. Лавров // Литературная газета. 2010. – 8–14 сентября.
247. Лавров, С. Внешнеполитическая самостоятельность России / С. Лавров – безусловный императив // Московские новости. 2007. – № 1–2. – 19–25 января.
248. Лебедева, М. М. Мировая политика/ М. М. Лебедева // ДОСХ. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 365 с
249. Лезгина, Д. В. Интерактивная классическая теория поколений / Д. В. Лезгина // Credo new. 2006. – № 2 (46). – С. 131–149.
250. Леонов, В. Е. Войны глазами участника как ситуация принципиально непередаваемого опыта / В. Е. Леонов, А. П. Смирнова // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. – С. 73–75.
251. Леонтьев, К. Н. Восток, Россия и Славянство / К. Н. Леонтьев. – М.: Эксмо, 2007. – 892 с.
252. Леонтьев, М. В. Идеология суверенитета / М. В. Леонтьев // Однако, 2013. – август–сентябрь. – С. 6–25.
253. Лихачев, Д. С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет / Д. С. Лихачев. – Л.: Советский писатель, 1989.
254. Лонин, А. В. О соотношении понятий «социальная элита» и «социальный авангард» / А. В. Лонин // Теория и история. 2014. – №2(26). – С. 17.
255. Лоренц, К. Об агрессии / К. Лоренц // Время мира. Вып. 3. Война и геополитика / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2013. – 571 с.

256. Лукин, А. В. Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII–XXI веках / А. В. Лукин. – М., 2007. – 624 с.

257. Лукин А.В. Умом Россию понимать / А. В. Лукин, П. В. Лукин. – М.: Изд. «Весь Мир», 2015. – 384 с.

258. Лутовников, В. И. Военно-политические процессы в мире и в России / В. И. Лутовинов, Ю. Н. Мотин; Под общ. ред. А. А. Прохожева // Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – 2-е изд. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – 142 с.

259. Лучук, Е. В. Человек и война (опыт преодоления «тотальной бесчеловечности» / Е. В. Лучук // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. – С. 75–76.

260. Любомирова, Н. В. Перестройка сознания или сознательная перестройка? / Н. В. Любомирова, В. М. Межуев, Ф. Т. Михайлов, В. Н. Толстых // Освобождение духа. – М., 1991. – С. 10–47.

261. Людские потери в Великой Отечественной войне. СПб., 1995. – 190 с.

262. Люткене, Г. В. Современные концепции войны: философско-политологический анализ. Автореф. дис. ... канд. Полит наук. Московская пограничная академия ФСБ РФ. [Электронный ресурс] М., 2011. – URL: <http://cheloveknauka.com/sovremennyye-kontseptsii-voyny#ixzz3dgImL0PR>

263. Макаренко, И.К. Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения на современном этапе: Учебное пособие / И.К. Макаренко, В.С.Морозов. – М.: РАГС, 2001. – 263 с.

264. Макаров, В. Г. Геософия П. Н. Савицкого: между идеологией и наукой / В. Г. Макаров, А. М. Матвеева // Вопросы философии. – 2007. – № 2. – С. 123–135.

265. Макеев, А. В. Особенности политического анализа проблем безопасности / А. В. Макеев // Безопасность, 1996 – № 3-4.

266. Макеев, А. В. Политическая безопасность структура и механизм реализации / А. В. Макеев // Материалы конференции «Проблемы внутренней безопасности России в XXI в » / Науч. ред. А. А. Прохожев, Макеев А. В. Особенности политического анализа проблем безопасности // Безопасность – 1996 – №3, 4.

267. Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Н. Макиавелли. – М.: Мысль, 1997. – 639 с.

268. Максимов, Н. М. Военная деятельность России в Арктике / Н. М. Максимов // Геополитика и безопасность, 2015. – №2(30). – С. 14-20.

269. Мамардашвили, М. Очерк современной европейской философии/ М. Мамардашвили. – СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 608 с.

270. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: диалектика современной эпохи: монография / Академия наук [АН] СССР. Институт философии ; отв. ред. Ю. К. Плетников ; рук. авт. колл. Ф. В. Константинов. – М. : Наука, 1987. – 448 с.

271. Маруев, А. Ю. Векторный подход к определению геополитических интересов Российской федерации / А. Ю. Маруев // Военная мысль. 2010. – № 12. – С. 3–13.

272. Марцева, Л. М. История безгосударственной самоорганизации обществ как альтернатива государственному типу упорядочения социальной жизни / Л. М. Марцева // Теория и история. 2007. № 1. – С. 219–225.

273. Марцева, Л. М. Особенности хозяйственного освоения пространственно-временных границ российской цивилизации (Опыт сопоставления) / Л. М. Марцева // Теория и история, 2002. – № 1. – С. 16–28.

274. Масловский, М. В. Цивилизационный анализ в современной исторической социологии и российские политические трансформации / М. В. Масловский // Мир России. 2012. – Т. 21. – № 3. – С. 119–132.

275. Матвичук, В. В. Система стратегического сдерживания в новых условиях / В. В. Матвичук, А. П. Хряпин // Военная мысль. 2010. – №1. – С. 11–16.

276. Махонин, В. А. Государственная идеология и внешние войны / В. А. Махонин // Военная мысль. 2011. – № 5. – С. 3–17.

277. Махонин, В. А. К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» / В. А. Махонин // Военная мысль. 2011. – № 4. – С. 3–10.

278. Махонин, В. А. Укрепление обороноспособности страны: некоторые положения теории и истории / В. А. Махонин // Военная мысль. 2011. – № 7. – С. 63–71.

279. Межуев В. История, цивилизация, культура: опыт исторического истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. – 440 с.

280. Межуев, В. М. Перестройка сознания или сознательная перестройка / Н. В. Любомирова, В. М. Межуев, Ф. Т. Михайлов, В. И. Толстых // Вопросы философии, 1989. – №4.

281. Мейер, Г. Поруганное чудо / Г. Мейер // Вопросы философии. 2006. – N 10. – С. 97–108.

282. Мельникова, Т. В. Древнегреческая философия как протофилософия права / Т. В. Мельникова // Теория и история, 2011. – № 2. – С. 125–130.

283. Мильдон, В. И. Все еще наш XIX век: (об "Очерках русской культуры XIX века". Т. 4 и 5) / В. И. Мильдон // Вопросы философии. – 2006. – №12. – С. 169–175.

284. Михайловский, А. В. Борьба за Карла Шмита. О рецепции и актуальности понятия политического / А. В. Михайловский // Вопросы философии. 2008. – № 9. – С. 158–171.

285. Мнацаканян, М. О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире / М. О. Мнацаканян. – М.: Анкил, 2008. – 408 с.

286. Молодяков, В. Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. / В. Э. Молодяков – М., М.: РИО Института Востоковедения РАН. 1996. – 180 с.

287. Москвичев, Л. Н. Глобализация – два уровня анализа / Л. Н. Москвичев // Глобализация и перспективы современной цивилизации / отв. ред. К.Х. Делокаров. М.: КМК, 2005. – 236 с.

288. Московченко, А. Д. Русский космизм. Автотрофное человечество будущего: монография / А. Д. Московченко. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2012. – 126 с.

289. Мэйсон, Д. «Странная война» [Электронный ресурс] / Д. Мэйсон // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны. – М.: Политиздат, 1992. – URL: http://mirknig.mobi/data/2014-01-31/1429772/Gart_Ot_Myunhena_do_Tokiyskogo_zaliva_Vzglyad_s_Zapada_na_tragicheskie_stranitsyi_istorii_vtoroy_mirovoy_voynyi.1429772.pdf

290. Най-мл., Д. С. Транснациональные отношения и мировая политика / Д. С. Най-мл., Р. О. Кохан // Теория международных отношений. – М., 2003. – С. 147–167.

291. Наливайко, Н. В. Глобализация и изменение ценностных ориентиров в российском образования / Н. В. Наливайко // Философия образования. 2012. – № 6(45). – С. 27–32.

292. Некляев, О. А. Военно-социологические взгляды Н. Л. Кладо и современность : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 [Электронный ресурс] – Москва, 2000 – 200 с. – URL: <http://www.any-book.ru/book/show/id/277670>

293. Непобедимый, С. П. Некоторые взгляды на роль российского оружия в эпоху современных вызовов / С. П. Непобедимый, В.Ф. Прокофьев // Военная мысль, 2006. – № 6.

294. Нерсисянц, В. С. Философия права: Учебник для вузов / В. С. Нерсисянц. – М.: Норма, 2005. – 656 с.

295. Нигматулин, Б. И. Украина. Ціна незалежності. Уроки для России / Б. И. Нигматулин // Вестник Академии военных наук. 2014. – №4(49). С. 20. С. 19-23.

296. Николаева, Л. В. Объективные и субъективные факторы социального прогресса и свободы / Л. В. Николаева. – Москва : Издательство Московского университета, 1974. – 259 с.

297. Николаева, Л. В. Общественный прогресс: лекция / Л. В. Николаева ; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т повышения квалификации преподавателей обществ. наук, Каф. философии. - Москва : Издательство МГУ, 1979. – 32 с.

298. Николаева, Л. В. Типы социального прогресса / Л. В. Николаева. – Москва : Издательство Московского университета, 1967. – 79 с.

299. Новгородцев, П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев. – М.: Пресса, 1991. – 640 с.

300. Новожилова, Е. О. Войны настоящего и будущего / Е. О. Новожилова // Военная мысль. 2011. – № 2. – С. 3–12.

301. Обичкина Е.О. Франция и Россия после окончания «холодной войны» / Е. О. Обичкина // Россия и Франция. XVIII–XX в. Вып. 6. М.: Наука, 2005. – С. 234–281.

302. Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А-А.Прохожева. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 320 с.

303. Оджаклы, О. Ю. Влияние риска и безопасности на экзистенциальный опыт личности в эпоху «высокого модерна» Э. Гидденса / О. Ю. Оджаклы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. – № 70. – С. 252–256.

304. Назарова, О. А. Онтологическая гносеология Франка как основа решения проблемы самооправдания метафизики / О. А. Назарова // Филос. науки, 2004. – № 8. – С. 5–13.

305. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. / Хосе Ортега-и-Гассет – М.: АСТ, 2002. — 506 с.

306. Памяти павших: Великая Отечественная война (1941–1945). – М., Большая Российская энциклопедия, 1995. – 496 с.

307. Панарин, И. Н. Информационная война и геополитика / И. Н. Панарин. – М.: Издательство «Поколение», 2006. – 560 с.

308. Панарин, И.Н. Технология информационной войны геополитика / И. Н. Панарин. – М., 2003. – 320 с.

309. Пантелеев, С. Бывшие и настоящие / С. Пантелеев // Литературная газета. 2015. – 28 января–3 февр.

310. Панфилова, Т. В. Проблема смысла истории: [взгляды О.Шпенглера и К. Ясперса] / Т. В. Панфилова // Вопросы философии, 2006. – №12. – С. 11–23.

311. Переслегин С. Б. Социальная термодинамика и проблема идентичности [Электронный ресурс] / С. Б. Переслегин, Е. Б. Переслегина, С. Е. Боровиков – URL: <http://www.wigstab.ru/materials/black/Per-Soc-Termo.htm>

312. Петрищев, В. Е. Участие спецслужб и правоохранительных органов России в обеспечении политической безопасности / В. Е. Петрищев // Информационно-аналитический бюллетень, 1997 – № 29.

313. Печуров, С. Л. Принципы войны в трактовке современной военной науки Запада / С. Л. Печуров // Военная мысль, 2006. – № 1.

314. Платонов, С. После коммунизма / С. Платонов. –М.: Молодая Гвардия, 1989. – 255 с.

315. Погорельская, С. В. Конституция versus демократия? / С. В. Погорельская // Мировая экономика и международные отношения. 2005. – №7. – С. 54–63.

316. Подсобляев, Е. Ф. Спорные вопросы теории бесконтактных войн / Е. Ф. Подсобляев // Военная мысль, 2006. – № 2.

317. Поздняков, А. В. Концептуальные основы решения проблемы устойчивого развития / А. В. Поздняков. – М.: АСТ, 2002. – 553 с.

318. Поздняков, А. И. Сравнительный анализ современных подходов к определению понятий национальной и военной безопасности / А. И. Поздняков // Военно-философский вестник, 2008. – № 2.

319. Поклад, Б. Мюнхенское послесловие / Б. Поклад // Литературная газета, 2007. – 21–27 марта.

320. Полвека назад: Великая Отечественная война: Цифры и факты. – М., 1995. – С. 72–100.

321. Поликарпов, В. С. Россия versus Рим (сравнительный анализ российской и древнеримской цивилизаций) / В. С. Поликарпов, В. А. Поликарпова // Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного радиотехнического университета, 2001. – 80 с.

322. Политическая безопасность общества и проблемы ее обеспечения в Российской Федерации / Национальная безопасность: актуальные проблемы - М ВАГШ, 1999.

323. Булычева, М. В. Политическая концепция государства в теоретическом наследии Н. В. Устрялова : дис. ... канд. политич. наук : 23.00.01 [Электронный ресурс] // Булычева Марина Владимировна. Саратов, 2007 – 192 с – URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskaya-kontsepsiya-gosudarstva-v-teoreticheskom-nasledii-nv-ustryalova#ixzz3dho0JNQw>

324. Политические и социокультурные аспекты национальной безопасности // Актуальные проблемы военной политологии и социологии. – М: ВАГШ, 1999.

325. Пономарева, Е. Железная хватка «мягкой силы» / Е. Пономарева // Однако. 2013. – №6. – С. 18–26.

326. Почепцов, Г. Г. Информационные войны. / Почепцов Г. Г. – М: «Рефл-бук», 2000. – 576 с.

327. Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях / Под ред. С. М. Виноградовой, В. Н. Конышева, Н. С. Ниязова. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 409 с.

328. Проблемы безопасности: неклассические войны современности // Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука - XXI», 2008. – № 3.

329. Пфаненштиль, И. А. Онтологический переворот: субъекты и объекты глобализации / И. А. Пфаненштиль, М. П. Яценко // Теория и история, 2004. – № 1. – С. 164–176.

330. Радиков, И. В. Политика и национальная безопасность / И. В. Радиков. – СПб., Астерион, 2004. – 154 с.

331. Рыбалкин, Н. Н. Философия безопасности / Н. Н. Рыбалкин. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 296 с.

332. Цыганков, А. П. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий / А. П. Цыганков. – М., Аспект-Пресс, 2008. – 238 с.

333. Разумовский, Ф. Между фактом и домыслом / Ф. Разумовский // Литературная газета. – 2006. – 21–27 июня.

334. Расторгуев, С. Информационные войны – угроза для цивилизации / С. Расторгуев // Литературная газета. – 2013. – 23–29 октября.

335. Резник, Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации / Ю. М. Резник // Часть II. Теоретико-методологические аспекты исследования. – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1998. – 560 с.

336. Решетников, Л. Расколы нашего времени / Л. Решетников // Литературная газета. 2014. – 18–24 февраля.

337. Родин, А. М. Атомные секреты или Троянский конь «холодной войны» / А. М. Родин // Вестник Академии военных наук. 2013. – № 3(44). – С. 152–160.

338. Розов, Н. С. Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики / Н. С. Розов. – Полис. Политические исследования. 2009. – № 3. – С. 34–46.

339. Розов, Н. С. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия / Н. С. Розов. // Война и геополитика. Вып. 3. Время мира. Новосибирск, 2003. – С. 75–120.

340. Розов, Н. С. Смысл истории как испытание человеческого рода в пространствах изменений / Н. С. Розов. // Философия и общества. 2005. – № 3. – С. 5–25.

341. Романович, А. Л. Концепция безопасного развития социоприродных систем (философско-методологический анализ). Авт. дис. ... докт. филос. наук [Электронный ресурс] // М., 2004. – URL: <http://cheloveknauka.com/kontsepsiya-bezopasnogo-razvitiya-sotsioprirodnih-sistem-filosofsko-metodologicheskiiy-analiz#ixzz3dhl7ej9b>

342. Ромашкина, Н. П. Новые методы противоборства XXI века / Н. П. Ромашкина, А. Б. Колдобский // Вестник Академии военных наук. – 2015. – №1(60). – С. 134–139.

343. Рормозер, Г. Кризис либерализм / Г. Рормозер. – М.: Ин-т философии РАН, 1996. – 292 с.

344. Рукинов, В. А. Влияние конфликтов на политическую безопасность в современной России. Дис.. канд полит наук. – СПб, 2006. – 176 с.

345. Рюзен, Й. Нові шляхи історичного мислення/ Й. Рюзен. Львів, 2010. – 262 с.

346. Светлов, В. А. Введение в общую теорию анализа и разрешения конфликтов / В. А. Светлов. – М.: Либроком, 2009. – 304 с.

347. Светлов, В. А. Грузино-южноосетинский конфликт. Размышления конфликтолога/ В. А. Светлов, И. А. Пфаненштиль // Вестник Сибирского юридического института. 2009. – № 3. – С. 85–92.

348. Севастьянов, А. Н. Победу не отнять! Против власовцев и гитлеровцев / А. Н. Севастьянов. – М.: Яуза-пресс. 2010. – 352 с.

349. Сейку, Е. Ю. Детские и юношеские организации в России в начале XX века: военно-патриотический и культурно-просветительский аспект. Дисс. ... канд. ист. наук. [Электронный ресурс] / Сейку Елена Юрьевна. – М., 2009. – 262 с. – URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/detskie-i-junosheskie-organizacii-v-rossii-v-nachale-xx-veka-voenno-patrioticheskij-i.html>

350. Селиванов, Ю. Миф о военном всемогуществе США [Электронный ресурс] / Ю. Селиванов – URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1890507.html#ixzz3QY6ViYpu>

351. Семенков, В. Е. Философия как идеология: о возможных модусах идеологической проекции философского знания / В. Е. Семенков // Credo new. 2006. – № 3(47).

352. Семченков, А. С. Оценка состояния политической безопасности России / А. С. Семченков // Вестник МГУ. Сер 12 Политические науки, 2003 – № 2.

353. Сенявская, Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сенявская. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 288 с.

354. Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Сенявская Е. С. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. – 384 с.

355. Сенявский, А. С. Взаимовосприятие государств и народов в новейшей истории в контексте конфликтного взаимодействия (методология исследования) / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская // Проблемы российской истории. Вып. VII. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006.

356. Серебрянников, В. В. О политической безопасности России / В. В. Серебрянников // Социально-политический журнал – 1997 – № 3.

357. Серебрянников, В. В. Социология войны / В. В. Серебрянников // [под ред. В. А. Капанадзе]. – М. : Ось-89, 1998. – 317 с.

358. Серебрянников В. В. Армия России: состояние и перспективы выхода из кризиса (социально-политический срез современного военного социума) / В. В. Серебрянников, Ю. И. Дерюгин. – М., 2005 – 270 с.

359. Серебрянников, С. С. Место и роль армии в современных исторических процессах / С. С. Серебрянников // Военно-Философский Вестник. 2008. – № 1.

360. Сетницкий, Н. А. Евразийство и пореволюционники // Из истории философско-эстетической мысли 1920-1930-х гг. Вып 1. / Н. А. Сетницкий. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 266–278.

361. Сигида, Н. А. Гонка вооружений как новый вид войн второго поколения / Н. А. Сигида // Теория и история. 2011. – № 1. – С. 199–211.

362. Сигида, Н. А. Теоретическая война / Н. А. Сигида // Теория и история. 2011. – № 2. – С. 159–172.

363. Сигида, Н. А. Кризис военного гуманизма: монография / Н. А. Сигида. – Красноярск : Сибирский гос. аэрокосмический ун-т им. М. Ф. Решетнева, 2013. – 106 с.

364. Силласте, Г. Г. Социально-политическая безопасность общества и личности / Г. Г. Силласте // Информационно-аналитический бюллетень, 1996 – № 20.

365. Слипченко, В. И. Войны шестого поколения / В. И. Слипченко. – М.: Вече, 2002; Цой Хен Сок. Обеспечение военной безопасности России // Социально-гуманитарные знания. 2007. – № 4.

366. Смолянский, В. Г. Политическая безопасность и устойчивое развитие / В. Г. Смолянский // Информационно-аналитический бюллетень, 1997 – № 29.

367. Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. – С. 76–107.

368. Соколов, Б. В. Цена Победы. Великая Отечественная война: неизвестное об известном. / Б. В. Соколов. – М.: Московский рабочий, 1991. – 192 с.

369. Солнцева, С. А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) / С. А. Солнцева // Вопросы философии. 2008. – № 6. – С. 3–16.

370. Солоневич, И. Л. Политические тезисы / И. Л. Солоневич // Наш современник. 1992. № 12. – С. 139–159.

371. Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений: моногр. Ростов н/Д. СКАГС, 2009. – 564 с.

372. Стёпин, В. С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей/ В. С. Стёпин // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. Д. И. Дубровского. – М.: ООО «Издательство МБА», 2013. – 272 с.

373. Стиглиц, Д. Цена неравенства / Д. Стиглиц. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.

374. Страда, В. Россия и Европа / В. Страда // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 88–94.

375. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // URL: <http://www.scrf.gov.ru>.

376. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. 2009. – 19 мая.

377. Сунь-цзы. Искусство стратегии / Сунь-цзы // Пер. Н.И. Конрада М.: Издательство «Эксмо», 2007. – 528 с.

378. Сэндел, М. Дж. Либерализм и пределы справедливости / М. Дж. Сэндел / пер. с англ. // Современный либерализм. М., 1998. – С. 203–213.

379. Ташлыков, С. Л. Общие черты и некоторые особенности содержания современных военных конфликтов с участием США и их союзники / С. Л. Ташлыков // Военная мысль. 2010. № 8. – С. 20–28.

380. Тейлор, Т. Американский солдат в советском танке. Война Джозефа Байерли в войсках США и СССР/ Т. Тейлор. – М.: Издательство «Общество сохранения литературного наследия», 2010. – 340 с. – URL: <http://www.papaimama.ru/books.php?id=318829>

381. Тиморин, А. А. Армия и общество: (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. -М: ВПА, 1972.

382. Тойнби, А. Постижение истории. / А.Дж. Тойнби // Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

383. Тоффлер, Э. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века : пер. с англ. / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М. : АСТ, : Транзиткнига, 2005. – 412 с.

384. Трифонова, Л. Л. Исторические события в контексте мифологического мышления (по материалам эвенкийских сказок) / Л. Л. Трифонова // Проблемы российской истории. Вып. VII. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006.

385. Тэтчер, М. Искусство управлять государством. Стратегии для меняющегося мира: / М. Тэтчер; Пер. с англ. В. Ионов. - 3-е изд. пер. Альп. Бизнес Букс. 2012. – 504 с.

386. Тюшкевич, С. А. Война и современность / С. А. Тюшкевич. – М.: Наука, 1986. – 213 с.

387. Тюшкевич, С. А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования / С. А. Тюшкевич. – М.: Книга и бизнес, 2002. – 360 с.

388. Тюшкевич, С. А. Новый передел мира / С. А. Тюшкевич. – М.: Велби; Проспект, 2003. – 288 с.

389. Уайтхед, А. Н. Избранные работы по философии / А. Н. Уайтхед. – М.: Прогресс, 1990. – 718 с.

390. Угланов, А. Тень Бжезинского над Минрегионом / А. Угланов // Аргументы недели. 2008. – 21 февраля.

391. Уледов, А.К. Духовная жизнь общества / А.К. Уледов. – М.: Прогресс, 1980. – 356 с.

392. Уолтц, К. Н. Человек, государство и война: теоретический анализ // Теория международных отношений / К. Н. Уолтц. – М., 2008. – С. 89–110.

393. Урланис, Б. Война и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII-XX вв. / Б. Урланис // Ист.-стат. исследование. М., 1966. – С. 199.

394. Урсул, А. Д. Контуры безопасно-устойчивого будущего: размышления после саммита «РИО+20» / А. Д. Урсул // Безопасность Евразии. 2012. – №2(44). – С. 99–117.

395. Урсул, А. Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие / А. Д. Урсул // Безопасность Евразии. 2001. – № 1. – С. 443–456.

396. Урсул, А. Д. Переход России к устойчивому развитию/ А. Д. Урсул // Ноосферная стратегия. М.: Изд. дом «Ноосфера», 1998. – 500 с.

397. Урсул, А. Д. Принцип «безопасность через устойчивое развитие»: концептуально-методологический анализ / А. Д. Урсул // Безопасность Евразии. 2008. – № 2. – С. 301–326 .

398. Урсул, А. Д. Природа безопасности / А. Д. Урсул // Безопасность Евразии. 2008. – № 1. – С. 7–36.

399. Урсул, А. Д. Стратегия национальной безопасности в ракурсе устойчивого развития // Национальная безопасность. 2010. – № 3–4.

400. Урсул, А. Д. Грядущее человечества: гибель или бессмертие? [Электронный ресурс] / А. Д. Урсул, Т. А. Урсул // NB: Проблемы общества и политики. 2013. – № 3. – URL: http://e-notabene.ru/pr/article_478.html

401. Усольцев, В. А. Русский космизм и современность / В. А. Усольцев // 3-е изд. Екатеринбург: УГЛТУ, 2010. – 825 с.

402. Устрялов, Н. В. Проблема прогресса / Н. В. Устрялов // 2. изд., доп. – М., 1998 . – 49 с.

403. Устьянцев, В. Б. Человек, жизненное пространство, риски / В. Б. Устьянцев // 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2012. – 208 с.

404. Устьянцев, В. Б. Предмет, категориальные ряды и концепции социальной рискологии / В. Б. Устьянцев // Общество риска: стратегии управления и альтернативные стили мышления: коллектив. монография / В.Б.Устьянцев [и др.] ; ред. В. Б. Устьянцев, М. О. Орлов ; Саратовский гос.

ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов: Саратовский источник, 2009. – 240 с.

405. Федотова, В. Г. Хорошее общество / В. Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.

406. Филиппова, Т. А. «Враг с Востока»: образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Т. А. Филиппова. – М., 2012. – С. 141-142.

407. Философия истории. Под ред. Панарина. – М.: «Гардарики», 1999. – 432 с.

408. Фомин, В. А. Морально-психологическое состояние войск русской армии в годы Первой мировой войны / В. А. Фомин // Военная мысль. 2011. – № 12. – С. 46–54.

409. Фомина, Н. В. Аристократическое оформление государства и личности / Н. В. Фомина // Теория и история. 2004. – № 2. – С. 27–40.

410. Форестер, Д. Мировая динамика / Д. Форестер // М: ООО «Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 379 с.

411. Франк, С. Внутреннее противоречие советской системы / С. Франк // Вопросы философии. 2007. – №1. – С. 157–168.

412. Фридман, Дж. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века / Дж. Фридман. – М.: ИД «Коммерсант» ЭКСМО, 2010. – 336 с.

413. Фролов, В. Российская нефть должна принадлежать США? / В. Фролов // Московские новости. 2007. – 19–25 января.

414. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф.Фукуяма. – М.: ООО Издательство АСТ ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 с.

415. Хантер Д. Мир американских глобализаторов / Д. Хантер, Д. Йейтс // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект-Пресс, 2004. – С. 341–377.

416. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. 1994. – № 1. – С.33–48.

417. Харрис, М. Происхождение войны / М. Харрис // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2003. С. 121-133.

418. Хаузер, М. Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / М. Хаузер. – М.: Дрофа, 2008. – 639 с.

419. Хвостова, К. В. Особенности византийской цивилизации / К. В. Хвостова. – М.: Наука, 2005. – 195 с.

420. Хлобустов, О. М. Политическая безопасность как феномен общественной жизни / О. М. Хлобустов // Информационно-аналитический бюллетень, 1997 – № 29.

421. Хобсбаум, Э. После победы в войне / Э. Хобсбаум // Логос. 2003. – № 1. – С. 91–104.

422. Хомский, Н. Новый военный гуманизм: Уроки Косова / Н. Хомский // Пер. с англ. Л. Е. Переяславцева. – М.: Праксис, 2002. – 320 с.

423. Храмов, А. Политика русского царизма в области физического воспитания молодежи [Электронный ресурс] / А. Храмов – URL: <http://andreyhramov.com/inrterest/politika-russkogo-carizma-v-oblasti-fizicheskogo-vospitaniyamolodezhi>

424. Цветков, Е. Д. Научный руководитель: Воронков С. С. Роль «потешных войск» в воспитании молодежи на рубеже XIX и XX веков / Е. Д. Цветков // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. – С. 56–58.

425. Цена Победы // Кикнадзе В.Г., Ионов В.В. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Мифы и реальность: 1 ч. / Под ред. В.Б. Зотова, И.И.Басика. – М.: Изд-во «Юго-Восток-Сервис», 2010. – 60 с.

426. Цимбаев, К. Н. Проблемы войны и мира в немецкой общественно-политической мысли пред- и послевоенного периода / К. Н. Цимбаев // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. – С. 58–59.

427. Ципко, А. Надо ли бояться иновласти / А. Ципко // Литературная газета. 2007. – 24–30 января.

428. Чадаев, Я. Е Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Я. Е. Чадаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1985. – 494 с.

429. Чаевич, А. Система военных угроз безопасности Российской Федерации и ее обеспечение [Электронный ресурс] / А. Чачевич. – URL : http://goup32441.narod.ru/files/ogp/001_oporn_konspekt/2008/2008-04-3.html

430. Чебан, В. В. Культура национальной безопасности России: автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. – М.: МГПУ, 1997.

431. Чекинов, С. Г. Влияние не прямых действий на зарактер современной войны / С. Г. Чекинов, С. А. Богданов // Военная мысль. 2011. – № 6. – С. 3–13.

432. Чекинов, С. Г. Ассиметричные действия по обеспечению военной безопасности России / С. Г. Чекинов, С. А. Богданов // Военная мысль. 2010. – № 3. – С. 13–22.

433. Чекинов, С. Г. Развитие военной науки на начальном этапе XXI столетия / С. Г. Чекинов, С. А. Богданов // Вестник Академии военных наук. 2011. – № 4. – С. 108–123.

434. Чельцов, Б. Сетевую войну можно выиграть только сетевыми средствами / Б. Чельцов // Военная мысль. 2008. – № 9. – С.9.

435. Черноусова, Л. И. Взаимодействие социальных институтов государства и гражданского общества / Л. И. Черноусова // Теория и история. 2010. – № 1. – С. 115–122.

436. Черноусова, Л. Н. Взаимодействие социальных институтов в гражданском обществе в отношениях консервативного правового государства / Л. И. Черноусова // Теория и история. 2011. – № 2. – С. 137–141.

437. Черноусова, Л. Н. Взаимодействие социальных институтов в гражданском обществе в отношениях соборного государства / Л. И. Черноусова // Теория и история. 2011. – № 2. – С. 131–136.

438. Черноусова, Л. Н. Свободная добродетель свободной личности / Л. И. Черноусова // Теория и история. 2007. – № 2.

439. Черток, Б. Е. Ракеты и люди / Б. Е. Черток // 2-е изд. – М.: Машиностроение, 1999. – 416 с.

440. Чубарьян, А. О. Европа XX века: проблемы мира и безопасности / А. О. Чубарьян // отв. ред. М.: Международные отношения, 1985. – 268 с.

441. Чумаков, А. Н. Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций / А. Н. Чумаков // Век глобализации. 2008. – Выпуск 2. – С. 88–94.

442. Чуринов, Н. М. Коллективизм и индивидуализм и их теоретизирование в западной традиции / Н. М. Чуринов // Теория и история. 2004. – № 3.

443. Чуринов, Н. М. Правда и совершенство слова / Н. М. Чуринов // Теория и история. 2007. – № 1. – С. 159–177.

444. Чуринов, Н. М. Русская модель мира Лад / Н. М. Чуринов // Теория и история. 2008. – № 1. – С. 19–33.
445. Чуринов, Н. М. Совершенство и свобода: монография / Н. М. Чуринов. - Изд. 3-е, доп. - Новосибирск : Изд-во СО РАН. 2006. – 712 с.
446. Шаленко, В Н Конфронтационное мышление – главная угроза политической безопасности / В. Н. Шаленко // Информационно-аналитический бюллетень, 1997 – №29.
447. Шарп, Дж. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения / Дж. Шарп //пер. с англ. Н.Козловской. – М.: Новое изд-во, 2005. – 84 с.
448. Швейцер, П. Победа, роль стратегии администрации США в «холодной войне» / П. Швейцер. – Варшава, 1993.
449. Шевченко, В. Н. Марксизм: история и современность. Китайско-русский форум 20–21 ноября 2006 г. / В. Н. Шевченко // Вопросы философии. 2007. № 5.
450. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер // Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы/Пер, с нем. и примеч. И. И. Маханькова. - М.: Мысль, 1998. – 606 с.
451. Шульгин, В. «Особые моральные права» по-польски / В. Шульгин // Литературная газеты. 2014. – 18–24 февр. – С. 2.
452. Шупер, В. А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития / В. А. Шупер // Вопросы философии. 2008. – № 12. – С. 3–21.
453. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / [Электронный ресурс] Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.: – URL : <http://www.nlobooks.ru/node/3628#sthash.RDPxrRY5.dpuf>
454. Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – М.: Ладомир, 2004. – 293 с.

455. Юркевич, А. В. Асимметрическое будущее / А. В. Юркевич // Вопросы философии. – 2008. – №7.

456. Юрьев, А. И. Хотят ли русские войны / А. И. Юрьев // Власть. 2003. – № 10.

457. Яковлев, Н. Н. ЦРУ против СССР. Н. Яковлев. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 508 с.

458. Яколенко, А. Д. И. Первая мировая война – причина или следствие? / А. Д. Яколенко // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб.: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. – С. 60.

459. Яницкий, О. Н. Россия как общество всеобщего риска [Электронный ресурс] / О. Н. Яницкий – URL: http://www.ecsocman.lise.ru/data/853/685/1219/019_yanit_ski.pdf.

460. Яновский, Р. Г. Безопасность личности как гарантия социально-политической стабильности общества / Р. Г. Яновский // Информационно-аналитический бюллетень, 1997. – №29.

461. Яхнин, Е. Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) / Е. Д. Яхнин // Вопросы философии. 2006. – № 5.

462. Яценко, М. П. Глобализационные тенденции как результат трансформации исторического процесса / М. П. Яценко // Сборник научных трудов SWorld. 2013. – Т. 25. – № 2. – С. 45–47.

463. Яценко, М. П. Глобализация как форма организации исторического процесса/ М. П. Яценко. – Красноярск: ИПК СФУ, 2008. – 338 с.

464. Яценко, М. П. Исторические аспекты глобализации как управляемого процесса / М. П. Яценко // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. №5(19). – С. 224–227.

465. Яценко, М. П. Историческое познание в условиях глобализации/ М. П. Яценко. – Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2006. – 520 с.

466. Яценко, М. П. Проблема совершенства в концепциях русского космизма / М. П. Яценко, А. В. Малинин // Научное мнение: научный журнал. СПб., 2012. – № 12. – С. 21–26.

467. Barraclough, G. Main Trends in History. N.Y., 1979. – P. 164.

468. Bocast, A. K., Fedanzo, A. S. Goals for Global Society Forecasting and Social Change, 1975. – Vol. 7. – № 3. – P. 328–329.

469. Christiane, Uhlig, in Osteuropa. Vol 45. 38/2464. 1995. S. 815. – URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1893107.html#ixzz3RIka0BPi>

470. Leerssen J. The Rhetoric of National Character: A Programmatic Survey // Poetics Today. 2000. – Vol. 21. – P. 279 .

471. Popper K. R. Woran glaubt der Westen? // Auf der Suche nach einer besseren Welt, Vorträge und Aufsätze aus dreißig Jahren, München, Zürich: Piper, 1984. – S. 238.

472. Riedmuller J. Von der Misere zur Mission – Rußlands dritter Weg unter neuem Vorzeichen: Der alte Staat zwischen einer strikten Ausrichtung nach Westen und der slawophilen Idee. Suddeutsche Zeitung vom 13|14. September 1997.

473. Shirer W.Z. The Collapse of the Third Republic. An industry into the Fall of France in 1940. N.Y., 1969. – P. 425.

474. Sibert E. Communications and Government. Urbana, 2007. – P. 33.

475. Slovarik.info. Тематические словари. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.slovarik.info/philosophical/69/53404.html>

476. Stein G. Information War-Cyber war Netware – URL:
[//http://www.infowar.com/mil_c4i/stein1.html-ssi](http://www.infowar.com/mil_c4i/stein1.html-ssi).

477. Strobe Talbott. America Abroad; The Birth of the Global Nation, Time,
July 20, 1992. – p 70.

478. World War II in Europe. An encyclopedia. N. Y. Ldn, 1999. – C. 14.